

9(с)1(092)

М.БРАТИН

Б 87

Р174,563

ФЕЛЬДМАРШАЛ
КУТУЗОВ

ДЕТТИЗ

МИХАИЛ БРАГИН

ФЕЛЬДМАРШАЛ КУТУЗОВ

НАРКОМПРОС РСФСР
Государственное Издательство Детской Литературы
1942 г.

ГЛАВА I

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился 5(16) сентября 1745 года в Петербурге. Отец его — Илларион Матвеевич — начал службу еще при Петре I, тридцать лет прослужил в инженерном корпусе и, выйдя в отставку в чине генерал-поручика, продолжал работать в гражданском ведомстве. По его проектам строили в Петербурге каналы, возводили крупнейшие сооружения. К концу своей жизни Илларион Матвеевич стал сенатором. Ему поручали заключения по важным государственным делам, к нему шли люди с личными жалобами, за советом. Он был образованнейшим человеком своего времени, и за большой ум и знания народ прозвал Иллариона Матвеевича Кутузова «разумной книгой». Свою любовь к труду и наукам старый инженер-генерал прививал сыну. Когда Михаил подрос, отец отдал его в инженерный шляхетский корпус — так называлось тогда военное инженерное училище, слившееся вскоре с артиллерийским.

Так поступали далеко не все дворяне, хотя были обязаны служить в армии и обучать своих сыновей военному делу. Еще Петр I издал закон, по которому каждый молодой дворянин должен был прослужить несколько лет солдатом, потом унтер-офицером и, только пройдя стаж строевой службы, получал офицерский чин. Но после смерти Петра I дворяне обошли этот разумный закон. Когда у дворянина рождался сын, его немедленно записывали солдатом в полк. Пока этот «солдат» мирно спал в колыбели, проходило время, а в списках полка отмечали, что солдат прослужил положенный срок и приобрел право на первый чин. Он становился офицером и иногда

годам к двадцати приходил в русскую армию уже генералом. Много бед и несчастий принесли русским войскам такие «генералы». Они считали, что «наука вся в том состоит, чтоб уметь кричать: пали! рубли! коли!» и быть строгим до чрезвычайности к своим подчиненным, ибо наука да книги умягчают сердце, а от мягкосердечия до трусости один шаг...» К тому же в отсталой дворянской России больших возможностей для ученья не было. Детей зачастую обучал едва грамотный дьяк или иностранец, приехавший в Россию служить поваром или лакеем и оказавшийся в роли гувернера.

В этих условиях юный Кутузов, одаренный от природы умом и способностями, не по летам развитой и любознательный, сразу выделился из среды воспитанников шляхетского корпуса.

Учился будущий полководец исключительно успешно. Он хорошо освоил инженерное дело и артиллерию, любил историю и литературу, изучил языки — французский, немецкий, латынь, а впоследствии еще и шведский, английский, турецкий и польский. Но особенно пристрастился Кутузов к математике. Он рос здоровым, красивым мальчиком, веселым, хотя и несколько флегматичным, умел подмечать характерные черты своих сверстников и комически, незлобиво им подражать, и товарищи любили Кутузова за веселый нрав, а преподаватели ценили за способности и прилежание.

В семье Иллариона Матвеевича высоко чтили память Петра I, и Михаил Илларионович вырос и воспитался под этим влиянием.

Петр I создавал армию для осуществления государственных интересов России. Вместо ополчений, стрельцов и небольшого кадра иноземных наемных войск русская армия стала постоянной, регулярной, комплектуемой рекрутским набором. Петр обязал дворянство служить в армии. Строились свои оружейные заводы.

Петр I жадно воспринимал все передовое и лучшее в военной науке иностранных армий, он учился искусству победы у своих же врагов. Заимствуя их боевой опыт, он приспособливал его к условиям России, развивая успехи русских войск.

Под руководством Петра русская армия шла к победам и славе. С уважением и страхом взирали иностранные державы на растущую Россию и ее молодую могучую армию.

Но в 1761 году, когда, окончив корпус, Михаил Илларионович начал службу в армии в чине прапорщика, от заведенных Петром порядков мало что осталось.

Преемники Петра не сумели удержать армию на той высоте, на которую она была поднята ее основателем. Они были ничтожными, малообразованными, ограниченными людьми. Дочь Петра Елизавета, чтобы снискать доверие России, объявила себя, вступая на трон, последовательницей отца и приказывала «барабанному бою быть, как при Петре». Но дальше барабанного боя дело не шло. Армией руководили бездарные командиры, а порой и предатели. Войсковое хозяйство стало промоздко, обременительно в походе, вокруг него увивались темные дельцы и подрядчики; вкупе с некоторыми офицерами они расхищали военное имущество, воровали солдатский хлеб. Основная организационная единица армии — полк был отдан в полное бесконтрольное управление командиру полка. Он рассматривал солдат как своих крепостных и вместо обучения их военному делу отправлял к себе в имение на работы. Наиболее предприимчивые отправляли солдат на заработки и полученные ими деньги клали себе в карман. Полки были полны «мертвых душ» — умерших солдат, на которых полковник продолжал получать от государства деньги и снабжение. Значительная часть армии существовала только в списках.

Тактика русской армии невероятно отстала.

Во всех почти воинских уставах главное место отводилось шагистике, муштре.

И все же русская армия в Семилетней войне (1756 — 1762 годы) победила сильнейшую в Европе прусскую армию Фридриха II. Но «... победа сия одержана была не искусством наших полководцев, которых и в помине не было, а паче отменною храбростью наших войск», писал участник войны А. Т. Болотов.

Кутузов, назначенный после окончания корпуса адъютантом к принцу Голштейнбекскому, мог стать придворным, однако избрал другой путь. Он пошел в строй и был назначен командиром роты в Астраханский полк, которым командовал Суворов.

Необычные, невиданные для того времени картины боевой учебы и войскового быта увидел Кутузов в Астраханском полку. Солдат не били, не издевались над ними. Они были одеты, обуты, накормлены. Полк часто подни-

мали по тревоге, и командир полка вел его вначале по дорогам, потом покидал «битый путь» и шел целиной, сквозь леса, переправлялся через болота и реки. Солдаты приучались к маршам по любой местности, в любую погоду, в любое время суток и года. Суворов обучал их штыковым атакам.

При ударе в штыки Суворов не позволял наступающим ни на секунду задерживаться, а отражающим, как бы силен ни был удар, отходить и только в последнее мгновение разрешал поднять вверх штыки, чтобы солдаты не поранили друг друга в начинавшейся отчаянной схватке. На роты пехоты «в полный карьер на саблях» скакала кавалерия, и опять, чтобы научить пехоту выдерживать этот натиск, пехотинцам разрешалось, и то только в самое последнее мгновение, разомкнуться и пропустить сквозь свои ряды кавалеристов. Учились не только люди, но и кони. Позади строя пехоты Суворов приказывал ставить лукошки с овсом, и лошади привыкли прорываться сквозь строй, зная, что за ним их ждет поощрение.

Полковник водил полк в труднодоступные места, строил там укрепления, и солдаты обучались штурму крепостей. «Тяжело в учении — легко в бою», от этого своего правила полковник не отступал ни на шаг.

Кончались ученья и маневры. Кутузов видел, что Суворов, подстелив плащ, отдыхает вместе с солдатами у бивуачного костра, ест из солдатского котла, коротает ночь в беседах с солдатами об их горестях и скромных радостях, шутит с ними, сыплет прибаутками.

Когда полк возвращался на квартиры, полковник опять куда-то торопился, с двумя книжечками подмышкой. Оказывается, Суворов построил школу для солдатских детей, сам написал для них букварь и задачник и сам обучал солдатских детишек грамоте.

Молодой капитан Кутузов понял, за что так любят солдаты Суворова, почему так верят ему, почему готовы идти за ним в огонь и в воду, и понял, что они способны сокрушить любого врага, потому что выучка, которую они проходят, не имеет себе равной ни в русской, ни в иностранных армиях.

На этот раз они недолго служили вместе. Но через десятилетия боев и походов, через всю свою жизнь Кутузов бережно пронес и осуществлял указания своего учителя.

ГЛАВА II

В 1764 году, когда русские войска двинулись в Польшу, Кутузов добился перевода в действующую армию. Со своей ротой он штурмовал окопы на берегу реки Овруч, дрался под стенами Варшавы, разбил отряд виленского воеводы Радзивилла и участвовал во множестве других стычек на территории Польши.

В 1770 году Кутузова послали в армию Румянцева, сражавшуюся с турками на Дунае.

Боевой, бесстрашный и лихой командир — таким был Кутузов, командуя ротой, батальоном, полком, корпусом.

Кутузов оказался и блестящим штабным командиром. В те годы впервые складывался русский генеральный штаб, и Кутузов был одним из первых штабных офицеров русской армии. И когда в 1771 году сорокатысячная турецкая армия двинулась к Бухаресту, угрожая коммуникациям армии Румянцева, было приказано произвести рекогносцировку местности и разведку противника. Кутузов обрекогносцировал местность, разведал противника, выбрал наиболее выгодные пути для наступления. На основании этих данных был составлен план сражения при Понештах, и турецкая армия понесла новое тяжелое поражение.

В этой войне Кутузов приобрел большой опыт. Этот опыт особенно ценен потому, что был приобретен под руководством талантливого русского полководца Румянцева. Образованный, блестяще знающий военное дело, последователь Петра I, отличившийся в Семилетней войне, Петр Александрович Румянцев выказал в войне с турками стратегический и тактический талант. Он первый в русской армии изучил дунайский театр войны, первым начал приспособлять свои действия к условиям дикого края с разноплеменным населением, далекого от районов пополнения свежими войсками и от баз снабжения.

В сражении у Кагула Румянцев с двадцатипяти тысячной армией победил сто пятьдесят тысяч турок, потому что смело шел в наступление, прибегал к широкому маневру сильными самостоятельными отрядами, охватывая фланги турецкой армии и громя ее тыл. Одновременно он хитростью отвлекал внимание турок от направления главных ударов и прикрывал этим свою малочисленность. «Стараясь — писал он в Петербург, — в неприятеля вложить

больше мыслей, чем суть прямые мои силы, и прикрывать недостаток оных видом наступательных действий».

У Румянцева Кутузов учился не только искусству наступления, правильной оценке местности и сил противника. Румянцев дал Кутузову и другой урок: «Стою непременно на том правиле, что, не обеспечивши надежно оставляемого за собой, большими шагами нельзя ступать вперед», и это в дальнейшем стало принципом полководческой деятельности Кутузова.

Но вскоре служба Кутузова в армии Румянцева неожиданно прервалась. На Михаила Илларионовича обрушился гнев главнокомандующего. Кто-то из «друзей» Кутузова донес Румянцеву, что в часы досуга под веселый смех товарищей Кутузов копировал походку и манеры главнокомандующего: Лишь безупречная служба и боевые заслуги спасли молодого офицера от сурового наказания, и он поплатился только изгнанием из Дунайской армии. Обошли его и наградами. Эти события оставили на всю жизнь глубокий след в характере Михаила Илларионовича. Он стал скрытным, недоверчивым, замкнутым. Внешне это был тот же Кутузов, веселый и общительный, но близко знавшие его люди говорили, что «сердца людей открыты Кутузову, но его сердце закрыто для них...»

Изгнанный Румянцевым из Дунайской армии, Кутузов перешел в Крымскую. Здесь, посланный в разведку, он вывел русские войска к Кинбурну, обеспечив им полный успех. Командуя казаками, он дрался с татарскими наездниками и, наконец, участвовал в штурме укреплений у Алушты, который едва не стал для него роковым.

Со знаменем в руках во главе солдат Кутузов ворвался в укрепление. Противник был выбит. Лагерь, пушки, знамена достались русским. Кутузов начал преследование, но был тяжело ранен. Пуля попала в голову, но не задела мозга. Это спасло Кутузова. Он выжил и отправился за границу лечиться.

Михаил Илларионович много путешествовал по Европе, долго жил в Лейдене — тогдашнем центре науки, встречался с учеными, передовыми людьми Европы и крупными полководцами того времени — Фридрихом II и Лаудоном.

Вернувшись в Россию, Кутузов немедленно направился в армию и опять попал к Суворову, командовавшему войсками в Крыму.

Снова встретились ученик и учитель, и на этот раз не

расставались шесть лет. Это были сравнительно мирные годы. Крым в результате войн с Турцией был объявлен независимым, борьба с Турцией за влияние на крымских татар продолжалась, но эту борьбу Суворов вел то демонстрацией против турецких кораблей, заходивших в порты Крыма, то дипломатическим путем, поручая Кутузову дела наиболее сложные, требующие благоразумия и большого такта.

В эти годы Кутузов снова проходил суворовскую школу обучения и воспитания войск. То, что зародилось в Астраханском полку двадцать лет назад, теперь окрепло. Кутузов постигал важнейшие правила «Науки побеждать»: «Как в лагере стать, как идти, где атаковать, гнать и бить, примерного суждения о силах неприятельских для uznания его предприятий».

Кутузов постигал суворовское построение колонн для похода, организацию марша, отдыха, стремление к быстрой, ибо «победа зависит от ног, а руки ее довершают». «По сей быстроте и люди не устали. Неприятель нас не чаёт, считает за 100 верст, а коли издалека, то за 200, 300 и больше. Вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова. Атакуй, с чем пришел... Конница, начинай, руби, коли, отрезывай, не упускай, ура! Чудеса творят братцы». И, наконец, натиск. Могучий суворовский натиск. «У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает», говорил Суворов, развивший искусство владения штыком до совершенства и оставивший это наследие русской армии. И ни одна армия в мире не выдерживала штыкового удара русских солдат.

«Пуля — дура, штык — молодец». учила «Наука побеждать».

Но та же «Наука» твердила: «Огни открывают победы», и Суворов начинал свои сражения огнем, особенно артиллерии и егерей, а завершал все тем же массивным штыковым ударом построенных в колонны русских солдат.

Всему этому давало смысл и силу гениальное суворовское правило: «Всяк воин свой маневр понимает». Это было революцией в русской армии тех времен, когда солдату не позволялось иметь свое суждение и на вопрос офицера он отвечал чаще всего: «так точно», «никак нет» или «не могу знать».

«Немогузнайка, — возмущался Суворов, — хуже против-

ника и может погубить всю армию». В эпоху, когда в Пруссии господствовала линейная тактика, в основе которой было именно это неверие в разум солдата, построенного в линии для того, чтобы офицеры могли постоянно наблюдать, руководить каждым движением солдат, Суворов развивал инициативу русских солдат и поощрял самостоятельность егерей. Это были солдаты, в разум, боевую смекалку и смелость которых верили и эти качества развивали.

Инструкция егерям поучает:

«Относиться с ружьем и держать его в чистоте, не стирая сие до полирования железа, вредного оружию и умножающего труды, бесполезные солдату... Обучать заряжать проворно, но исправно, целить верно и стрелять правильно, скоро... Приучать к проворному беганью, подпалывать скрытыми местами, скрываться в ямах и во впадинах, прятаться за камни, кусты, возвышения и, укрывшись, стрелять и, ложась на спину, заряжать ружье. Показать им хитрости егерские для обмана и скрытия их места, как-то: ставить каску в стороне от себя, дабы давать неприятелю через то пустую цель и тем спасти себя, прикидываться убитым и приближающегося неприятеля убивать. Учить также стрелять из пистолета, показав им меру выстрела, дабы понапрасну не стреляли на дистанции, куда пистолет не доносит...»

Это были новые явления в истории военного искусства. Они распространялись благодаря Суворову, и у него Кутузов в эти годы воспринял наступательную стратегию, тактику и новые методы воспитания и обучения войск.

За эти годы Кутузов завоевал у Суворова большую любовь и доверие. По ходатайству Суворова его произвели в бригадиры, и он окончил службу в Крыму генерал-майором. Гениальный новатор, Суворов воспитал лучшую в Европе армию, лучшими ее солдатами стали егеря, и, когда сформировались их первые корпуса, командовать Бугским егерским корпусом назначили лучшего суворовского ученика — Кутузова.

Когда в 1788 году вспыхнула новая война с Турцией. Кутузов прикрывал своим корпусом границы России по Бугу, затем войска Кутузова были включены в состав действующей Екатеринославской армии. Командующий Екатеринославской армией Потемкин решил взять черноморскую турецкую крепость Очаков. Русские войска, в том числе и корпус Кутузова, осадили Очаков. Осада крепости длилась

А. В. Суворов.

долго. Русские войска гибли от болезней и терпели лишения больше, чем хорошо подготовленные к осаде турки. Потемкин медлил и не решался на штурм. Военные действия ограничивались мелкими столкновениями.

Во время одной из вылазок турки атаквали прикрытие егерей Бугского корпуса. Завязалось серьезное сражение. Кутузов повел войска в атаку и был тяжело ранен. Пуля пробила голову навывлет почти в том же месте, что и при первом ранении. Врачи приговорили его к смерти, считая, что он не доживет до утра. Но Кутузов выжил, только правый глаз его начал слепнуть.

«Если бы, — писали врачи, — такой случай передала нам история, мы бы сочли это басней. Но мы видели чудо, свершившееся с генералом Кутузовым».

Едва оправившись от раны, Кутузов принял участие в боях на Днестре и на Буге, в штурме замка Хаджибей, на месте нынешней Одессы. И всюду: то с батальонами егерей, то во главе казацких отрядов при взятии крепостей Бендеры и Аккерман и в полевом бою, — Кутузов всегда, по свидетельству современников, «одерживал поверхность».

Шел 1790 год. Война затягивалась. Ряд удачных военных операций не принес, однако, желаемых для России результатов. Русское правительство решило добиться крупной победы, чтобы вынудить турок возможно скорее заключить выгодный мир. Екатерина II требовала от Потемкина активных действий. Быстро и сравнительно легко взяв несколько крепостей, русская армия подступила к сильной крепости Измаил. Расположенная на Дунае, она имела исключительно важное стратегическое значение. К ней сходились важнейшие пути из Хотина, Килии, и тот, кто владел Измаилом, владел Дунаем. «Он (Измаил) вяжет руки для предприятий дальних», писал Потемкин Суворову. Все добытые раньше успехи русских войск зависели от исхода борьбы за Измаил.

Зная, что дальнейшие действия русских стеснены, русские войска измучены и уступают в количестве, что наступает дождливая осень, турки не шли ни на какие уступки. Запершись в крепости, на предложение сдаться они отвечали отказом.

Измаильская крепость высилась на крутом берегу. Турки укрепили ее под руководством лучших французских и немецких инженеров. Она была обнесена высокими стенами с бастионами, окружена широким глубоким рвом, наполнен-

ным водой. Двойная пушечная оборона (верхний и нижний ряды) прикрывала все подступы к ней.

Гарнизон состоял из 35 000 лучших солдат турецкой армии, был усилен войсками из других крепостей. Султан, обозленный капитуляцией крепостей Аккерман и Бендеры, повелел предупредить гарнизон, что, если сдадут Измаил, он казнит всех оставшихся в живых. Обороной руководил поседевший в боях Айдозли-Мехмет-паша. Боевых припасов и продовольствия у турок было достаточно.

Руководившие штурмом русские генералы действовали вяло, нерешительно. Они вели долгую и изнурительную больше для себя, чем для турок, осаду, безрезультатно обстреливали крепостные стены.

Потемкин понял, что взятие Измаила не по плечу ни одному из находившихся там генералов, и, не рискуя взять руководство осадой на себя, срочно написал Суворову:

«... Моя надежда на бога и Вашу храбрость, милостивый друг мой. Предоставляю Вашему сиятельству поступить по лучшему Вашему усмотрению продолжением предприятий на Измаил или оставлением оного. Ваше сиятельство, будучи на месте и имея руки развязанные, не упустите, конечно, ничего того, что только к пользе службы и славе оружия может способствовать».

Получив письмо Потемкина, Суворов немедленно собрал и направил к Измаилу все свободные войска, маркитантов, провиант, фашины, лестницы. Он приказал вернуть все отошедшие от крепости части, написал Кутузову, чтобы и тот готовился к штурму, и с конвоем из сорока казаков выехал к Измаилу.

Весть о прибытии Суворова мгновенно облетела русские войска. Все ожило. «Быть штурму», говорили солдаты.

Суворов лично разведал все подступы к крепости с реки и суши и убедился, что ему предстоит операция, еще более трудная, чем он предполагал. «Крепость без слабых мест», донес он Потемкину. Из 30 000 русских солдат 15 000 было нерегулярных, плохо вооруженных. Наступили холода. Однако, чем больше возникало трудностей, тем деятельнее Суворов руководил подготовкой штурма. Он собирал сведения о противнике, заготавливал материалы, обучал войска. В стороне от крепости Суворов приказал вырыть ров и насыпать валы, подобно измаильским. Сюда по ночам, чтобы не привлечь внимания турок, он высылал

войска и лично показывал, как бросать фашины, ставить лестницы, действовать штыком.

Всем войскам читали инструкцию Суворова «Штурм»: «Ломи через засек, бросай плетни через волчьи ямы, быстро беги, прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки, очищай колонны, стреляй по головам. Колонны, лети через стены на вал, скальвай, на валу выравнивай линию, ставь караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице, неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо, недосут за ним ходить.

Приказ — спускайся в город, режь неприятеля на улицах, конница, руби, в дома не ходи, бей на площадях, штурмуй, где неприятель засел, занимай площадь, ставь гауптвахт, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам. Неприятель сдался — пощада».

Когда подготовка подошла к концу, Суворов отправил в Измаил письмо Потемкина с требованием сдать крепость и от себя приписал:

«... Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышления для сдачи — и воля; первые мои выстрелы — уже неволя; штурм — смерть. Чего оставляю вам на рассмотрение. Суворов».

Турки отказались капитулировать.

9 декабря Суворов собрал военный совет и объяснил командирам свой план штурма, заявив, что об отходе от крепости не может быть разговоров.

— Я решил овладеть этою крепостью либо погибнуть под ее стенами, — закончил он свою речь.

Было решено, разделив войска на шесть колонн, атаковать крепость одновременно с реки и с суши. Штурм должен начаться в конце ночи 11 декабря, чтобы ворваться в крепость и вести уличный бой уже при свете дня.

Перед штурмом войскам дали отдых. «Чтоб не удручать медлениями», Суворов запретил подымать солдат раньше времени. Были даны подробные наставления о том, как в каждой колонне одна часть войск должна преодолевать рвы, а другая прикрывать ее огнем, третья бросать фашины и ставить лестницы, которые понесут специальные рабочие, четвертая должна находиться в резерве. Было указано, что надо делать, когда ворвутся внутрь крепости, как отыскать пороховые погреба и сохранить их от взрыва.

К начальникам штурмующих колонн с последними ука-

заниями Суворова были посланы офицеры для связи, причем он объяснил офицерам, что «одному надо будет приказать, другому растолковать, Рибасу намекнуть, а Кутузову и говорить нет нужды — он сам все поймет...»

Описывая победы Суворова, часто утверждают, будто он достигал их только тем, что напоминал солдатам о России, звал их вперед, и они с криком «ура» побеждали. Измаил, как и все операции Суворова, а в дальнейшем и Кутузова, свидетельствует, что в основе победы лежала огромная материальная подготовка операции. Только после нее Суворов обращался с призывом к солдатам, требуя от них напряжения и жертв.

Так было и под Измаилом. Когда все было подготовлено, рассчитано, предусмотрено, тогда, в ночь штурма войскам прочитали приказ Суворова:

«Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничего не может противиться силе оружия российского. Нам предлежит не сражение, которое б воле нашей состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала. Нам остается в третий раз или победить, или умереть со славою».

В эту ночь мало кто спал в русском лагере. Не смыкал глаз и Суворов.

Он ходил у бивуачных огней, беседовал с солдатами. Рассказывал им о предстоящем штурме, вспоминал с ними минувшие походы и победы.

— Славные люди, храбрые солдаты! — восклицал он. — Тогда они сделали чудеса, а сегодня превзойдут самих себя...

И русские солдаты, прошедшие восемь месяцев в тяжелых боях, обносившиеся, недоедавшие, действительно превзошли самих себя.

В 3 часа ночи 11 декабря 1790 года взвилась первая сигнальная ракета. Войска пошли на штурм Измаила. На левом фланге шестую колонну вел Михаил Илларионович Кутузов.

В предутренней холодной мгле раздавались залпы орудий. Кутузов повел колонну к Килийским воротам, достиг рва, но сильный орудийный и ружейный огонь остановил ее. Тогда личным примером он увлек солдат за собой

и повел их на штурм вала и бастиона. Заранее предупрежденные шпионами об атаке на Килийские ворота, турки подготовились к отпору и прочно удерживали позиции. Осаждавших осыпали картечью; смельчаков, забравшихся на стену крепости, сбрасывали вниз. Русские несли большие потери.

Современники говорили, что Кутузов обратился к Суворову за поддержкой, но получил ответ, что в Россию уже послано донесение о взятии Измаила и Кутузов назначен его комендантом.

В этот трудный момент Кутузов, собрав гренадер Херсонского полка и егерей Бугского корпуса, повел их на бастион. Войска, штыками проложив себе дорогу, ворвались в крепость. Позднее, встретившись с Кутузовым на площади Измаила, Суворов сказал, что «Суворов знает Кутузова, а Кутузов Суворова; если б крепость не взяли, Суворов умер бы под ее стенами и Кутузов также...»

Бой шел на крепостных стенах и у всех четырех ворот, потом завязался жестокий уличный бой. Русские войска, окружив турок, теснили их к центру. Турки отступали. Дрались они отчаянно, в узких улицах окружили вооруженных пиками казаков и саблями перерубали древки пик. Началась резня, грозившая казакам полным истреблением. На помощь казакам прорвались егеря Кутузова. Русские войска овладели центральной площадью. Гарнизон Измаила был почти полностью истреблен, немногие уцелевшие взяты в плен.

Дорого обошлась русским эта победа. Тысячи убитых и раненых лежали во рву, на улицах.

— Не было крепче крепости, обороны — отчаянней, чем Измаил, — сказал Суворов, — только раз в жизни можно пускаться на такой штурм...

Донося о победе, Суворов просил наградить Кутузова, «который оказал новые опыты искусства и храбрости своей. Преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом, и, когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов... Он шел на левом фланге, но был моей правой рукой...»

Кутузов остался комендантом Измаила и начальником войск, расположенных между Днестром и Прутом.

Взятие Измаила предрешило исход войны, но борьба за переправы на Дунае, за города Мачин, Бабадаг, Исаки и на побережье Черного моря продолжалась. Кутузов вел ее в сложных условиях гористой местности против подвижных и многочисленных отрядов турок. Кроме присущих ему спокойствия и предусмотрительности, он проявил замечательное искусство маневрировать на фланги и тыл противника, величайшее упорство и решительность в атаке.

«Расторопность и решительность генерала Голенищева-Кутузова превосходит всякую мою похвалу», доносил о нем главнокомандующий Репнин.

В 1791 году в городе Яссах был заключен мир, по которому Турция уступила России земли между реками Южным Бугом и Днестром и согласилась признать присоединение Крыма к России.

Этим была закончена вековая борьба за доступ к Черному морю, необходимый для экономического развития России.

В 1792 году, когда опять началась война с Польшей, Кутузов прошел от Измаила вдоль границ Галиции, вступил в Польшу и, оказавшись на фланге польских войск, вынудил их к отходу. Дальнейшие действия русской армии закончились поражением поляков и падением Варшавы.

С 1793 года в жизни Кутузова начался новый этап: он становится дипломатом — посланником России в Константинополе. Посольство в Турции считалось труднейшим, ибо там был узел противоречий России не только с Турцией, но и с рядом европейских государств. Дошедшие до нас описания дипломатической деятельности Кутузова говорят о том, что и здесь он оказался талантливым.

Окруженный русскими офицерами, советниками, шталмейстерами, музыкантами, камердинерами, конным и пешим конвоем, Кутузов торжественно вступил в Константинополь и на цветистые восточные приветствия ответил изысканной речью. Он поражал пышностью приемов и церемониалов, вежливостью манер. Своими рассказами Михаил Илларионович заставлял смеяться сурового пашу, давшего обет не улыбаться, очаровывал своим обхождением турецких придворных и военачальников, не верящих, что перед ними тот самый страшный Кутузов, который так жестоко громил их в битвах.

Кутузов немедленно начал борьбу за право русских судов плавать в Черном море, за свободный выход судов России

из Черного моря, за вовлечение Турции в орбиту влияния России.

Победил в этой борьбе Кутузов.

Он пробыл в Турции недолго — до осени 1794 года. Суворов, командовавший русскими войсками в Финляндии, был послан в Польшу, а на смену ему в 1795 году в Финляндию прибыл Кутузов. Затем его назначили директором кадетского корпуса, где он читал лекции по истории и впервые в корпусе ввел преподавание тактики.

Уходил в прошлое XVIII век. Победы русских солдат под командованием Суворова на берегах Рымника, Вислы и Дуная принесли солдатам всемирную славу.

Позади русского полководца стояла им обученная, закаленная в сражениях русская армия, стояла плеяда его учеников — русских генералов, одаренных, опытных, усвоивших стратегию и тактику гениального полководца. Армия России готова была к любым боям и победам. Но русскую армию, русское военное искусство снова свернули с пути, по которому она победоносно шла за Петром I и Суворовым, и снова отбросили на целые десятилетия назад.

ГЛАВА III

В ноябре 1796 года умерла Екатерина II. В ночь после ее смерти из Гатчины в Петербург примчался ее сын Павел, и к утру гвардия уже присягала новому царю. В то же утро в Петербург вступали прибывшие из Гатчины войска Павла. Народ и солдаты петербургского гарнизона с изумлением смотрели на странную одежду этих словно иноземных солдат, на их необычную маршировку и невиданные ружейные приемы. Но это были русские солдаты, одетые и обученные на прусский манер.

В тот же день курьеры по всей стране разнесли указы нового императора: русская армия была повернута на путь, по которому шла битая ею и отсталая в то время армия Пруссии.

Началось с небольших перемен, а окончилось поражениями русской армии. Началось с формы одежды. Солдат одели в такие мундиры, в которых не только воевать, но и дышать было трудно. Мало того, на голову надевали парик с косой и, чтобы она держалась прямо, внутрь косы

всовывали железный прут. Парик смазывали клеем и пудрили мелом. Чтобы выровнять фигуру солдата, его иногда зажимали в специальный станок, а чтобы он на параде не гнул ног, под колени подвязывали лубки. Целыми днями солдат гоняли по плацу, муштруя их к парадом, а ночи нехватало, чтобы начистить до блеска оружие, пуговицы, бляхи, набелить ремни, напудрить парик. Даже выдалбливались приклады ружей и внутрь насыпали побрякушки, чтобы они гремели при исполнении ружейных приемов.

Достаточно было измученному муштрой солдату допустить малейшую ошибку — да часто и без ошибки, — как офицеры его избивали палками, которыми их специально вооружил Павел I, или прогоняли сквозь строй, засекая шпирцутенами. Многие не выдерживали экзекуции и умирали на «зеленой улице» — так называли солдаты прохождение сквозь строй шпирцутенов.

«Вот тебе трех мужиков, сделай из них одного солдата» — стало основным правилом для офицеров, которым пример подавал любимец царя Аракчеев, вырывавший усы у старых гренадер, и сам царь, скомандовавший полку за плохую маршировку: «Дирекция прямо, в Сибирь марш!»

Главной целью обучения войск стала не война, а вахт-парад и развод караула.

Павел боялся своего же народа. Ему нужна была послушная армия, готовая оградить его от народа, а если надо — и стрелять в народ. Солдат этой армии не смел иметь свое суждение и должен был слепо повиноваться. Такую армию, солдат которой «боялся палки фельдфебеля больше, чем пули противника», Павел видел в Пруссии, у короля Фридриха II. Он решил во всем подражать пруссакам, а для этой цели ученики Суворова не годились. Их изгнали из русской армии, преследовали, а самого Суворова сослали в далекую новгородскую деревушку Кончанское. Его окружали чиновники Павла, они никого не допускали к полководцу, травили его, он жил одинокий, больной. Когда же на полях далекой Италии вспыхнула война между буржуазной Францией и феодальной Австрией, война, угрожавшая и Англии и феодальному строю России, о Суворове вспомнили, назначили главнокомандующим русской и австрийской армиями, и снова заблестала слава русского оружия.

Переход Суворова через Пашкк.

С боями и победами прошли солдаты Суворова по Италии, поднялись на вершины неприступных Альпийских гор и всюду побеждали врага.

Вести об этих победах облетели весь мир, и овеванный славой возвращался Суворов в Россию.

Но в России Суворова ждали новая опала и мучительная смерть. Павел боялся славы Суворова, боялся любви к нему народа. Усиление влияния Суворова не входило в интересы Павла. И царь нанес коварный удар. Он запретил все готовившиеся Суворову почести, запретил ему даже въезд при народе.

Больного, измученного полководца почти тайком довели до квартиры родственника на Крюковом канале в Петербурге. У него отняли адъютантов. Боясь царского гнева, к нему никто почти не заходил. Только перед смертью к изолированному Павлом Суворову прорвался его любимый ученик Багратион, да Кутузов в каждом письме из-за границы запрашивал о своем учителе и друге. Суворов, достигший всесветной славы, умирал одиноким.

Плакали русские солдаты — герои беспримерных суворовских походов, плакали выпестованные им офицеры. В безмолвной скорби проводил в могилу великого генералиссимуса русский народ.

Попрежнему ежедневно муштровал Павел своих солдат, и неизменно справа от него, помогая отцу равнять в шеренгах носки и репетировать парады, находился сын его Александр, с детства впитавший прусские идеи и любовь к муштре. С ним, с будущим царем, Кутузову придется вести борьбу все последнее десятилетие своей жизни.

Долго царствовать Павлу не пришлось. Когда его самодурство дошло до того, что даже придворные утром не знали, пойдут ли они в ссылку или получают повышение в чине, когда и над наследником Александром нависла опасность опалы, когда политика Павла, заключившего союз с Наполеоном против Англии, задела интересы дворян, — царь был умерщвлен в собственном дворце своими же придворными с ведома своего сына.

В темную мартовскую ночь 1801 года Александр вышел из спальни, где лежал его задушенный отец, и дрожащим голосом сказал караулу солдат Семеновского полка:

— Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке...

Для солдат дело было, конечно, не «в бабушке», а в том, что при Екатерине II жил и действовал Суворов, были иные порядки в армии.

Александр лгал, обещая солдатам порядки, «как при бабушке», ибо ему самому было чуждо все суворовское и сами суворовцы.

Зная, что страна, армия ждут от него отмены жутких порядков, насажденных Павлом, что все ждут от него реформ, он их обещал.

То подобие реформ в армии, которое предложила созданная Александром комиссия, коснулось только пенсий и отчасти хозяйства, оставив обучение и боевую подготовку войск на прежних, павловских основах. Суворовцы были еще не у дел, вне армии находился и Михаил Илларионович Кутузов.

Около года Михаил Илларионович был генерал-губернатором Петербурга, но Александр остался им недоволен «за неисправности в полицейской службе».

В августе 1802 года его «уволнили по прошению», а по существу просто удалили из Петербурга. Кутузов уехал в свою деревню Горошки, Волынской губернии.

Письма Кутузова к жене в первый же год жизни в деревне говорят о том, что он жил уединенно, занимался сельским хозяйством, стараясь сделать его культурным и прибыльным. изыскивая способы достать денег, которых у него, повидимому, было немного.

«Об деньгах очень забочусь, — писал он. — Слышал я, что продается какая-то книга в Петербурге об водяных коммуникациях. Сделай милость — пришли мне, здесь очень нужно для того, что думаю весьма о коммерции».

Кутузов приобретает селитряный завод, занимается продажей пеньки, поташа; его сильно занимают масличные семена, которые «сеются в Индии и Египте».

Подолгу беседует он с крестьянами.

«Мужики русские, — читаем в его письме, — подали на управителя превеликую жалобу, что их утесняет управитель и все русские мужики желают иметь управителем Теленкова, который раньше управлял на дальней даче, и он, сказывают, действительно добрый человек».

Бездействие и недостаток средств тяжело отражались на Кутузове. В 1804 году в его письмах к жене уже сквозит отчаяние.

«Посылаю, мой друг, тысячу рублей и еще, сколько могу, посылать буду до отъезда своего. Скучно работать и поправлять экономию, когда вижу, что состояние так расстроено; иногда, ей-богу, из отчаяния хочется все бросить и отдаться на волю божию.

Видя же себя в таких летах и здоровьи, что другого имения не наживу, боюсь проводить дни старости в бедности и нужде, а все труды и опасности молодых лет и раны видеть потерянными; и эта скучная мысль отвлекает меня от всего и делает неспособным... Я здесь совсем без компании, и по вечерам бывает очень скучно».

...Ноют старые раны. Ноги, согнутые ревматизмом, с трудом носят тучное тело. И каждое утро, просыпаясь, ощущал Кутузов, как все более тусклыми кажутся ему окружающие предметы и глаз, близ которого прошла турецкая пуля, все болезненней реагирует на свет. Домашний врач, испробовав много лекарств, прописал еще одно. Оно вызвало острую боль, и зрение стало с каждым днем ухудшаться. Врач отменил и это лечение, но Кутузов его продолжал. Подолгу сиживал Михаил Илларионович, прикрыв глаз платком. Наконец словно угас и последний луч. Глаз стал мертвым. В испуге врач спросил Кутузова, зачем же он продолжал пользоваться отмененным лекарством, и услышал в ответ:

— Так-то лучше, любезный. Раз нету средств излечения глазу, да и нужен ли он теперь мне, старику? Так уж пусть больше не болит.

Его охватывала тоска обреченного на бездеятельность человека, которого ждет бедность и полное забвение. Он вспоминал Суворова, который и славой, и званием, и богатством своим был значительнее его. Но отстраненный от службы и сосланный в маленькую новгородскую деревушку Кончанское, так же вот, как и он, Кутузов тосковал, метался, порывался что-то делать и в бессилии утихал. Кутузов вспоминал, как умер его друг и учитель, великий русский человек, в одиночестве, всеми брошенный, в тяжких мучениях.

ГЛАВА IV

У Кутузова и Суворова одна судьба. Их травили, преследовали, подвергали опале, о них забывали, когда не было войны. Но о них вспоминали, когда нависала опас-

ность, отворотить которую не в силах были ни монархи, ни их любимые приспешники.

Шел 1805 год. К этому времени Наполеон успел дважды разгромить коалиции феодальных государств, и на этот раз опасность нависла не только над феодальной Россией, но и над Австрией и в первую очередь над Англией. На берегу Ла-Манша были сосредоточены дивизии Наполеона. Он заявил, что в ближайшую темную ночь французская армия высадится на британских островах, чтобы сокрушить английское могущество. Угроза стала настолько реальной, что Англия поспешила создать новую коалицию, в которую вошли, кроме нее, Россия и Австрия.

По плану коалиции собранная на Дунае объединенная русско-австрийская армия должна была двинуться во Францию.

Кто мог повести русские войска в этой новой войне? Гатчинцы не способны, иностранные генералы уже биты французами. И так же как пять лет назад Павел I был вынужден просить Суворова, так теперь Александр I обратился к Кутузову.

Кутузов вступил в командование собранной на Волыни пятидесятитысячной армией, чтобы повести ее в глубь Европы, навстречу французским войскам.

Армия Кутузова составляла только часть стовосьмидесятитысячной русской армии, которую обязался выставить Александр I на стороне коалиции. Но именно ей и пришлось выдержать основную тяжесть борьбы. Суворову не удалось встретиться с Наполеоном. Он умер в 1800 году, когда над Европой прошумела битва при Маренго, еще выше поднявшая славу Бонапарта, и теперь навстречу ему русские полки повел лучший суворовский ученик, Михаил Илларионович Кутузов.

Впервые русской армии предстояло сразиться с прославленной французской армией, лично руководимой Наполеоном.

Многие с надеждой, но большинство с тревогой ждали этой встречи. «Разве Кутузову устоять против Бонапарта?..» говорили они. Ведь он не покорял стран, не одерживал великих побед, а если и бил противника на берегах Вислы, Дуная и Черного моря, так это были турки, татары, поляки — войска, которые ни в какой степени нельзя сравнить с французскими.

Европа уже знала Наполеона как героя Тулона, руководителя изумительного Итальянского и Египетского походов, полководца, разбившего войска двух коалиций европейских государств.

Полководческое же дарование Кутузова тогда еще не развернулось, слава ждала его впереди. И пока только близкие и верившие в него люди знали, что шестидесятилетний русский генерал — лучший ученик Суворова, политик и дипломат, что стоит он во главе полков, прошедших, как и он, школу боевых походов Суворова.

В то время как французский император был единственным полновластным руководителем своих войск, Кутузов вел свою армию в Европу, чтобы стать под командование австрийского императора Франца. И с первых дней похода Кутузова нагоняли гонцы из России с царскими приказами, лишавшими его самостоятельности.

Наполеон с берегов Ла-Манша, Кутузов с берегов Вислы направлялись к Ульму. Наполеон образцово организовал марш. Пятьсот километров французская армия прошла в двадцать восемь дней и развернулась для наступления по берегам Майна и Рейна.

Кутузова торопили. Он вел русские войска через всю Европу, совершая переходы по 50 — 60 километров в сутки. За весь более чем тысячекилометровый путь было сделано всего четыре дневки. В этом тяжелом походе Кутузов обеспечил солдатам возможность ехать по очереди на перекладных подводах, нагруженных солдатскими ранцами. Обозы двигались отдельно, кухни высылались вперед, с тем чтобы, придя на ночлег, солдат мог сразу поесть и лечь отдыхать.

Кутузов прибыл в свою армию, подходившую к Брауннау. Опрошенные по пути австрийские чиновники не знали, что творится на фронте, и все, казалось, обстоит благополучно.

Кутузов насторожился. Он принадлежал к числу тех полководцев, которые благодаря своему опыту, пониманию природы войны знают, что за видимым спокойствием, за картиной внешнего благополучия, за тишиной, царящей на фронте, нередко таятся грозные силы врага, которые обрушиваются, как гром среди ясного неба.

Как всегда спокойный и скромный, Кутузов продолжал являться в простом теплом сюртуке на развод, беседовал

с солдатами, расспрашивал их о семье, о личных нуждах, вспоминал с офицерами города, которые они вместе завоевывали, рассказывал о странах, где ему приходилось бывать. В такие часы казалось, что опасность действительно очень далека, тем более что командующий разрешил устраивать балы. Но мало кто знал, что русский главнокомандующий в эти дни спешно подтягивал следовавшие сзади колонны, затребовал к себе в штаб для связи от всех полков лучших офицеров, чтобы по тревоге быстро оповестить все части армии. Мало кто знал, что, собрав к себе приближенных генералов, он подолгу разбирал с ними возможные движения французской армии.

Вскоре из Ульма было получено письмо. Австрийский генерал Макк сообщил о своей победе над Наполеоном и приглашал Кутузова поспешить к Ульму, чтобы участвовать в полном разгроме французов.

Кутузов вежливо поздравил Макка с победой, но в Ульм не пошел и стал готовиться к решающему сражению. Кое-кто нашептывал, что, промедлив соединиться с Макком, Кутузов лишает русскую армию участия в дележе добычи, который последует после разгрома французов. Кутузов ответил, что не он должен идти к Ульму на соединение с Макком, а Макк должен отходить от Ульма к Браунау навстречу русской армии.

Но Макк остался в Ульме, был окружен войсками Наполеона и позорно сдался им в плен. Наполеон отпустил бездарного австрийского главнокомандующего, и тот, приехав в штаб Кутузова, слезливо доложил:

— Вы видите перед собой несчастного Макка...

Внимательно посмотрел старик Кутузов на жалкого австрийского генерала, потерявшего свою армию и отпущенного Наполеоном на свободу, и понял, что начинается предательство союзников-австрийцев.

Ночью в штаб вызвали ординарцев и офицеров для связи с полками.

Кутузов вышел к ним гневный, но, как всегда, сдержанный и сказал:

— Австрийцы не сумели удержаться. Они разбиты, многие бегут к нам. Трусы положили оружие к ногам неприятеля. Скажите это вашим товарищам...

Ординарцы поскакали, неся тревожную весть в полки русской армии.

ГЛАВА V

Против двухсоттысячной армии Наполеона осталась только русская армия — пятьдесят тысяч солдат, изнуренных тысячеверстным походом, обносившихся, даже босых. На помощь союзников-австрийцев нечего было и рассчитывать. Страх обуял австрийского императора и его приближенных. Никто ничего не знал и не понимал в сложившейся обстановке.

«... Расстройство и беспорядок таковы, — доносил русский посол из Вены, — что здесь даже нет описания действий, предшествовавших капитуляции и побудивших заключить ее. Все донесения неполные, противоречащие, носят на себе признаки смятения, знаменовавшего последние дни существования Макковой армии...»

Австрийский император Франц обратился к Кутузову за спасением.

«... Полагаюсь на Вас, — писал он, — а Вы положитесь на вечную мою благодарность...»

Перетрусившему монарху Кутузов достойно ответил, что «неудача армии Вашего величества под Ульмом весьма чувствительна, однакож не в такой степени, чтобы нельзя было загладить ее твердостью и мужеством...»

Сам он спокойно и невозмутимо глядел в лицо опасности, хотя только ему одному были до конца ясны ее размеры и неотвратимость. Ему было ясно, что Наполеон делает все возможное для уничтожения русской армии, единственной противостоящей ему реальной силы. К Кутузову направлялись резервы из России; должны были подойти австрийские войска, находившиеся в Италии; могла подойти и армия Пруссии, которая в те дни решала, вступать ли ей в войну.

Но пока не подошли резервы и обещанные австрийские части, с такими неравными силами вступать в бой было бессмысленно. Оставалось только умело уклоняться от боя, который безусловно будет навязывать Наполеон.

Кутузов был прав. Наполеон решил уничтожить русскую армию до подхода к ней сорокапятитысячной армии Буксегвдена.

Французские корпуса стремительно двинулись вперед, охватывая фланги, угрожая отрезать русским войскам пути отхода.

Чтобы с честью выйти из создавшегося положения,

требовалась величайшая выдержка и умение. Положение и для Кутузова, несмотря на его огромный военный талант, было затруднительным. В этот тяжелый момент началась борьба между Кутузовым и царем.

Русская армия была лишена помощи. Ни подвод, ни провианта, ни одежды — ничего, что обещали союзники, Кутузов не получил. Русские солдаты шли в осеннюю непогоду по размытым дорогам раздетые и голодные. «... Мы идем по ночам, мы почернели... Офицеры и солдаты босиком, без хлеба, — писал генерал Дохтуров жене. — Какое несчастье быть в союзе с такими негодьями, но что делать!..»

В этой катастрофической обстановке, когда Кутузов прилагал все усилия, чтобы оторваться от французов, Франц продолжал присылать издалека свои планы. Он писал Кутузову: «... Не допускаю ни малейшего сомнения, что Вы в чем-либо отступите от точного исполнения этого плана...» Однако Кутузов продолжал выполнять свой план. Тогда Франц сам приехал в русскую армию и, собрав военный совет, потребовал защищать Вену. Его опять поддерживал Александр I, требовавший от Кутузова «сохранить доброе согласие с австрийскими генералами»...

Кутузов отказался защищать Вену. В тех условиях это было не по силам русской армии. Первую свою задачу великий полководец видел в том, чтобы в этих условиях сохранить русские войска. Решениям и планам царей он противопоставил свой план отхода на левый берег Дуная и сдачи Вены французам. Австрийцы вынуждены были согласиться.

Чтобы осуществить этот правильный план, требовались еще невероятные усилия и жертвы.

Авангард противника уже вступил в бой с арьергардами русской армии.

Наконец на поле боя французские солдаты, от которых без оглядки бежали австрийцы, итальянцы, пруссаки, столкнулись с русскими солдатами — ветеранами походов Суворова, героями Измаила и Альп. С одной стороны, знаменитые маршалы, победоносно водившие французские войска, начальники авангардов Ней, Ланн и Мюрат, с другой стороны — сподвижники Суворова, его ученики — Багратион, Дохтуров, Милорадович, Ермолов, прикрывавшие армию своими арьергардами.

И впервые французские солдаты, маршалы и сам Наполеон поняли, что перед ними не австрийцы, не пруссаки

и не итальянцы. После первых же выстрелов русские не побежали, а перешли в штыковую контратаку и, отбросив французов, сдерживали их до тех пор, пока не получили приказ отойти.

К переправе через реку Энс одновременно подошли арьергард Багратиона и авангард Мюрата. Бой приняли павлоградские гусары. Они сдерживали французов, пока арьергард под картечным огнем перешел Энс и затем сжег мост. Последовавший за рекой новый бой был еще более ожесточенным. На помощь Багратиону Кутузов направил резерв арьергарда под командованием Милорадовича. Милорадович напомнил солдатам славные суворовские бои и повел их в атаку.

Апшеронский и Смоленский полки, гренадеры Малороссийского полка атаковали гренадер Удино, мариупольские гусары бились с гусарами Мюрата. В трудную минуту боя, когда казалось, что поражение неизбежно, к Кутузову обратились с вопросом: «Что делать?» Он ответил: «Вы русские. Так и поступайте, как подобает русским».

Французов отбросили. Впервые слава об их непобедимости заколебалась.

Так, отбиваясь арьергардами Багратиона, путем «мастерских движений», как писал об этом Ф. Энгельс, увел Кутузов русскую армию. Он стремился перейти Дунай. Взорвав мосты, армия будет там в безопасности. За Дунаем она отдохнет, к ней подойдет из России армия Буксгевдена.

Но Наполеон уже готовил новый удар. Он тоже понимал значение отхода за Дунай, где Кутузов будет в полной безопасности и все усилия французской армии окажутся напрасными. Наполеон решил скрытно перебросить через Дунай сводный корпус Мортье и, захватив мост, задержать русских у Кремса.

Когда лазутчики, которых всегда имел Кутузов, донесли о появлении французов на левом берегу Дуная, он понял, что может попасть в ловушку, — на левый берег его не пустит Мортье, а на правом — Наполеон главными силами прижмет к Дунаю. Оставалось погибнуть или ценой сверхчеловеческих усилий достигнуть левого берега у Кремса раньше, чем туда подойдет корпус Мортье. Эту возможность и решил использовать Кутузов. Он ускорил марш частей и опередил Мортье.

Император Франц требовал, чтобы Кутузов остался на

правом берегу и защищал предмостные укрепления и мост через Дунай. «Я вполне уверен, — писал он, — что Вы Вашим рвением поддержите славу армии государя императора, Вашего монарха...» Но Кутузов покинул правый берег Дуная и... извинился перед Францем за невыполнение приказа. Не без язвительности писал он, что защищать предмостные укрепления было невозможно, потому что он их не нашел. Очевидно, австрийские саперы их не построили, несмотря на приказания императора.

Едва арьергард русской армии успел достичь левого берега, как французские конные егеря были уже на мосту. Но поздно. Взорванный мост рухнул в Дунай.

Кутузов положил Дунай между своей армией и армией Наполеона.

Наполеона охватила тревога. Он не только упустил Кутузова, но и оставил против него Мортье, лишенного теперь всякой поддержки главных сил.

Тревожился Наполеон не зря. Мортье, перейдя Дунай, двинулся к Кремсу вдоль берега по дефиле — узкому проходу между рекой и лесистыми горами. Кутузов в это время распространил слухи, что он, не задерживаясь у Кремса, отходит в Моравию. Для ложной демонстрации он приказал авангарду Милорадовича отходить, не задерживая Мортье. Хитрость Кутузова удалась. Мортье затопился к Кремсу, втягиваясь все дальше и дальше в дефиле.

С часу на час ждал Кутузов удара Дохтурова, отряд которого послал через горы, чтобы ударить во фланг французского корпуса. Но этого удара не последовало. Отряд Дохтурова двигался темной ночью под проливным дождем, вели его проводники австрийского генерала Шмидта без карт. Они сбились с пути, и Дохтуров был заведен в непроходимую гористую местность. Конницу и артиллерию пришлось оставить. Дохтуров повел отряд сам, преодолевая горные реки и пропасти, втаскивая солдат по одному с обрыва на обрыв. Наконец послышался шум боя: это Милорадович, не дождавшись удара Дохтурова, атаковал Мортье с фронта. Солдаты Дохтурова устремились на выстрелы, атаковали у Дюрренштейна противника с фланга, и начался разгром корпуса Мортье.

Темная ночь, опоздание Дохтурова и личное мужество спасли Мортье от плена. Он успел бежать, уведя с собой остатки разбитого корпуса и очистив левый берег Дуная.

План Наполеона рухнул, усилия его армии оказались напрасными. На всем пути от Браунау до Кремса Кутузов точно дразнил его, то останавливаясь для арьергардного боя, то уходя, и наконец перед всем миром оставил его в дураках, уйдя на левый берег Дуная и разгромив на глазах у французского императора корпус Мортье.

Измученные, но гордые победой, не только отбившие, но впервые в истории наполеоновской армии погнавшие ее дивизии, возвращались русские войска в Кремс.

— Честь вам и слава!.. Молодцы!.. — кричал Кутузов в ответ на приветствия своих солдат.

«Кремское побоище», как называл Наполеон разгром Мортье, завершило марш от Браунау к Кремсу. Русские войска показали, что пора дешевых побед для французской армии миновала. План Наполеона рухнул. Армия Кутузова ушла от угрозы окружения, и это было стратегической победой. Казалось, что наконец-то можно расположить на отдых измученные войска. Но это только казалось.

Новый замечательный маневр предпринял Наполеон. Новое ротозейство, вернее предательство, совершили так называемые «союзники»-австрийцы.

У Вены сохранился единственный Таборский мост через Дунай. От него дорога вела прямо к Цнайму, через который должен был идти Кутузов на соединение с армией Буксгевдена, шедшей из России.

Наполеон поставил своим маршалам задачу занять Вену, любой ценой захватить мост, выйти к Цнайму раньше Кутузова, опять отрезать его от резервов и одновременно обрушиться на русскую армию с тыла.

Мюрат, Ланн и Сульт выполнили задачу. Они овладели Веной, а посланный австрийским императором гофмаршал граф Врбна отправился в Шенбрунн, где во дворце австрийских монархов расположился Наполеон, и выразил готовность выполнять его волю.

Легко удалось захватить и Таборский мост. Помогли хитрость французов и предательская беспечность австрийцев. Мост охранялся сильным австрийским отрядом князя Ауэрсберга и должен был быть взорван при первой попытке французов его атаковать.

Маршалы подъехали к мосту и, размахивая белым флагом, вызвали Ауэрсберга. Они объявили ему, что Наполеон заключил мир с австрийцами, а войну ведет только с рус-

скими. Этого заявления оказалось достаточно, чтобы Ауэрсберг пустился в переговоры. Спрятанные на берегу французские гренадеры по знаку Мюрата взбежали на мост. В течение нескольких минут, пока длилась эта комедия, французы без выстрела захватили мост.

Авангарды Наполеона устремились к Цнайму. Главным силам он приказал обрушиться на русскую армию на левом берегу с фронта, а корпусу Бернадота перейти Дунай у Кремса и атаковать с тыла.

Гибель русской армии казалась неминуемой. Ничего не подозревая, она располагалась у Кремса. Впервые за долгий поход солдаты стали варить себе пищу, впервые спокойно улеглись отдыхать.

Щедро оплаченные лазутчики успели донести Кутузову о движении Наполеона к Цнайму. Но это не спасло. Путь от Вены к Цнайму, по которому шли корпуса Наполеона, был лучше, чем путь к Цнайму от Кремса, по которому предстояло идти армии Кутузова. Она была обречена, но ее опять спасли героизм русских солдат, талант и самоотверженность Кутузова и Багратиона.

Багратион был замечательным учеником Суворова, лучшим соратником Кутузова, его ближайшим другом, которого Кутузов любил как сына. Багратион дрался под стенами Очакова и Праги, был начальником авангарда Суворова в Измаильском походе и в легендарном переходе через Альпы. Ему и доверил Кутузов командование шеститысячным отрядом, которому приказал двигаться днем и ночью наперерез французским авангардам и задерживать всю французскую армию до тех пор, пока русская армия достигнет Цнайма. Кутузов посылал Багратиона и весь отряд на верную смерть, но только в этом он видел спасение всей своей армии.

В бурную осеннюю ночь повел Багратион отряд. Пройдя по бездорожью, по звериным тропам через леса, овраги и горы трудный путь, он к утру опередил маршалов Наполеона и у Голлабруна вышел им навстречу. А Кутузов тем временем поднял свою армию. Голодные солдаты выбросили из котлов недоваренную кашу и, напрягая последние силы, двинулись к Цнайму навстречу идущим из России резервам.

На позиции у Шенграбена, где Багратион ждал французов, он получил два донесения: одно — о приближении французов — он ждал и к встрече с ними подготовился;

во-втором донесении сообщалось, что находившийся с отрядом впереди австрийский граф Ностиц вступил в переговоры с французами и открыл фронт. Предательство Ностица нарушило план обороны и ставило отряд Багратиона в очень тяжелое положение.

Французы, развертываясь для атаки, устремились к Шенграбену. Но, узнав, что неподалеку от позиции Багратиона проходит вся русская армия, Мюрат заколебался. Он боялся атаковать армию Кутузова. Он решил обмануть Кутузова так же, как обманул Ауэрсберга и Ностица, и отправил к нему парламентаря, предлагая следующее: он, Мюрат, прекращает военные действия, а Кутузов подпишет договор, по которому русская армия покинет Австрию и вернется в Россию; до ратификации договора Наполеоном Кутузов приостанавливает марш к Цнайму.

Кутузов немедленно принял все предложения Мюрата.

Мюрат предполагал, что, вынудив Кутузова покинуть Австрию, он по меньшей мере заставит Кутузова стоять на месте, пока Наполеон утвердит договор или подойдет со своей армией, и тогда Кутузов со своей армией все равно погибнет.

Но Кутузов был не князь Ауэрсберг и не граф Ностиц. О Кутузове и Суворов говаривал: «Умен, умен, никто его не обманет...» В ловушку, которую расставил Кутузову французский маршал, Кутузов заманил его самого.

Сделав вид, что он, конечно, верит Мюрату и согласен со всеми статьями договора, Кутузов послал к Мюрату своего представителя, чтобы подписать договор и прислать ему на утверждение, а сам «...нимало не думал, — писал он царю, — принять условия. Я удержался ответом 20 часов, а между тем продолжал отступать и успел отойти от французов два марша».

Он оставил Мюрата пожинать лавры своих дипломатических «успехов» и ожидать похвал Наполеона. Мюрат не дождался императорских похвал. Наполеон пришел в неописуемое бешенство. Он увидел, как второй раз его замечательный план, хитрый маневр, который должен был привести к полному окружению и неизбежной гибели русскую армию, рушится и «старая лисица севера», Кутузов, за которым он гнался сотни верст, второй раз на глазах у всего мира одурачил его и ушел, сближаясь с идущим из России Буксегвеном.

Обрушив на голову любимого начальника кавалерии

и незадачливого дипломата Мюрата весь свой гнев, Наполеон приказал ему немедленно атаковать русских. Не доверяя больше своим маршалам, он покинул Вену, и, загоня коней, сам помчался к Шенграбену.

Авангарды французской армии бросились на отряд Багратиона. Отряд «целый день и половину ночи сражался со всей французской армией», писал Энгельс об этом несравненном арьергардном сражении. Даже враги называли отряд «дружиной героев». Кажется непостижимым, как мог этот отряд сдерживать удары тридцатитысячного авангарда. Мюрат и другие маршалы поняли, какую ошибку они совершили, упустив Кутузова, и теперь стремились как можно скорее покончить с Багратионом, чтобы догнать всю русскую армию.

В центре бросил своих солдат в наступление Мюрат. Но они были остановлены огнем артиллерии и пожаром Шенграбена, подожженного русскими артиллеристами.

Маршал Сульт повел конных гренадер в обход фланга. Их атаку отбили драгуны Черниговского, гренадеры Киевского и стрелки егерских полков.

Маршал Ланн, обойдя другой фланг, окружил Подольский и Азовский полки, отрезал Павлоградский. Но они пробивались сквозь окружение и вышли к своим.

Охватив фланги, французы все сильней и сильней атаковывали центр. Уверенные в победе маршалы предлагали Багратиону сдаться, чтобы не губить весь отряд. Багратион не отвечал.

Упорно обороняясь и часто переходя в контратаки, его отряд отходил к Гутенсдорфу. У Гутенсдорфа Багратион поставил свой резерв, приказал пропустить отходившие полки и опять задержал французов.

День клонился к концу, а бой продолжался. Он продолжался и ночью. Солдаты ходили в атаки, вступая в рукопашную схватку с численно превосходившим противником. У Багратиона осталось почти пол-отряда, но свою задачу он продолжал выполнять.

А в это время русская армия уходила все дальше и дальше, все глуше и глуше доносилась до нее канонада у Шенграбена, где в неравной борьбе сражалась «дружина героев», закрывавшая дорогу к Цнайму, по которой уходили их товарищи.

Глубокой ночью Наполеон, убедившись, что дальнейшие атаки бесплодны, приказал прекратить огонь. Багратион

Барклай-де-Толли.

отбросил окружавшие его французские полки, пробился штыковым ударом и догнал далеко ушедшего Кутузова. Багратион вернулся к Кутузову, который уже не надеялся видеть его живым, — он вернулся с трофейным знаменем, приведя с собой пятьдесят пленных солдат и двух офицеров.

Цель Кутузова была достигнута — русская армия беспрепятственно двигалась к Цнайму.

В истории войн Шенграбенское сражение осталось как изумительный пример арьергардного боя, пример исключительного мужества и героизма русских солдат, о которые разбились все усилия армии Наполеона.

С законной гордостью солдаты полков, участвовавших в бою под Шенграбеном, носили особый знак, на котором было выгравировано: «5 против 30» — пять русских солдат арьергарда Багратиона сдерживали тридцать солдат французского авангарда. В этот момент все тот же «союзный» император Франц, успевший проиграть Ульм, отдать Наполеону Вену и половину своей страны, потребовал от Кутузова остановиться и дать Наполеону сражение. Кутузов отказался, как всегда, вежливо, но твердо.

«Одной преданности моей к Вашему величеству, — писал Кутузов, — было бы достаточно для точного исполнения повеления Вашего, если бы даже не понуждал меня к тому священный долг повиноваться воле Вашей. Не смею, однакож, скрыть от Вас, государь, сколь много представил бы случаю доверить участь войны одному сражению, тем труднее отваживаться мне на битву, что войска хотя исполнены усердием и пламенным желанием отличиться, но лишены сил. Утомленные усиленными маршами и беспрестанными бивуаками, они едва влекутся, проводя иногда по суткам без пищи, потому что, когда начинают варить ее, бывают настигаемы неприятелем и выбрасывают пищу из котлов. Полагаю необходимым отступить, доколе не соединюсь с графом Буксгевденом и разными австрийскими отрядами.

Подкрепясь сими войсками, мы удержим неприятеля в почтении к нам и заставим его дать нам несколько дней отдыха, после чего можно будет действовать наступательно...»

Кутузов ушел дальше, соединился с подошедшей из России армией Буксгевдена и занял выгодную позицию у Ольмюца. Сейчас у него было 86 000 солдат, к нему мо-

гли подойти из Италии 80 000 австрийцев. Русская армия была в безопасности. Ее спас от полного разгрома Кутузов.

Через несколько недель славные боевые полки повел на гибель сам русский царь Александр I.

ГЛАВА VI

Несмотря на победу под Ульмом, занятие Вены и половины всей Австрии, марш-отход Кутузова поставил Наполеона в крайне невыгодное стратегическое положение. Французская армия оказалась разбросанной на нескольких направлениях. Она охраняла базы, длинную коммуникацию, занятые города. Свободными у Наполеона оставались всего 50 000 солдат, а решающее сражение было еще впереди.

Русские сохранили свои силы и могли их удвоить. Возможность победы союзной армии была налицо.

Александр вначале колебался. Он впервые участвовал в войне. Ему очень хотелось видеть себя в лаврах победителя Наполеона, но в то же время он его смертельно боялся. Мысль стать во главе армии возникла у Александра еще в Петербурге. Не надеясь своим умом решить этот вопрос, он еще в Петербурге обратился к юродивому старцу-«предсказателю», проживавшему у Измайловских казарм. Но тот совсем напугал царя, прямо сказав: «Рано тебе, побьет тебя супостат...» Зато придворные льстецы восторгались тем, что впервые за восемьдесят лет, со времен Петра I русский император лично решил выехать на войну, и заранее преклонялись перед его «военными талантами», предсказывая блестящие победы. Прибыв на театр войны, Александр выехал к войскам.

Современник писал, что все были поражены встречей царя с русской армией. Царь проезжал перед строем, ожидая криков «ура» и приветствий, а солдаты, разутые, ободранные, голодные, стояли в гробовом молчании.

Александр струсил перед лицом такого противника, как Наполеон. Он побоялся стать во главе русской и союзной армий и принял излюбленное двойственное решение. Он назначил главнокомандующим Кутузова, а фактически стал руководить сам, с помощью бестолкового, неоднократно битого Наполеоном австрийского генерала Вейротера.

Расчет Александра был прост. В случае победы над Наполеоном, героем победы будет он, русский царь, а в случае поражения ответит Кутузов.

С этого момента Кутузова фактически отстранили от управления армией, вынудили оставаться свидетелем подготавливаемой катастрофы, свидетелем, бессильным помешать бездарной деятельности русского и австрийского монархов, их свиты и в первую очередь Вейротера.

Вейротеру и австрийцам Александр доверял больше, чем Кутузову. Те же придворные льстецы, сравнивавшие Александра с Петром I, говорили ему, что и Петр принимал советы иностранцев.

Но советы советам рознь. Что могли посоветовать Александру австрийцы, если, несмотря на все тяжелые уроки, которые дал им Наполеон, они все же не научились воевать и их армия терпела поражение за поражением? Хуже того, австрийцы, тот же Вейротер, несмотря на то, что находились в своей стране, были плохо знакомы с местностью.

Немногому могли научить Александра и русские советники. Долгоруков ничего не смыслил в стратегии. Аракчеев никогда ни в одной войне не участвовал, и, когда ему предложили командовать в бою колонной, он, побледнев от страха, отказался, ответив, что не может видеть человеческой крови. Дело было, конечно, не в человеческой крови, ее Аракчеев достаточно пролил в царских застенках, — он был трусом.

Александр созвал военный совет, на котором предложил атаковать армию Наполеона. Его поддержали Долгоруков и ему подобные. Решено было наступать. Только один Кутузов высказался против наступления. Кутузов предлагал не давать Наполеону решающего сражения и продолжать отход в районы, обеспеченные продовольствием. Он был прав, говоря: «Надо отходить дальше, и там, в Галиции, я погребу кости французов...»

Кутузов понимал, что, несмотря на то, что у Наполеона сейчас меньше сил, чем у союзников, его разбросанные корпуса могут подойти к нему раньше, чем подойдут австрийские, и тогда русская армия, покинув выгодную ольмюцкую позицию, опять попадет в тяжелое положение. Нужно было отходить и выиграть две-три недели, чтобы подошла восьмидесятитысячная австрийская армия из Италии, а возможно и прусская армия. Это усилило бы союзников, а Наполеон, вынужденный их преследовать, окончательно ослабил бы свою армию и еще больше ра-

стянул бы свои коммуникации. Выигрыш времени был равносителен выигрышу сражения.

Александр отнял руководство Аустерлицким сражением у Кутузова и передал Вейротеру, потому что Кутузов повел бы дело по-своему, не считаясь с царем. Вейротер был ему ближе, чем Кутузов, и Вейротер стал у руководства, хотя Кутузов и числился главнокомандующим. Однако ни Вейротер, ни другие австрийские генералы не могли рассчитывать на успех в борьбе с Наполеоном.

Они являлись типичными представителями отжившей прусско-австрийской военной школы, последователями военной системы Фридриха II, и весь их генеральский путь отмечен поражениями, разгромом армий, гибелью солдат, которыми они командовали.

Вейротер, «осененный идеей» отрезать Наполеона от Вены, поставил армии задачу обойти правый фланг Наполеона. Обход этот Наполеону ничем не грозил. Для успеха нужен был огромный перевес сил, а союзная армия численностью не превышала французскую, двигалась она медленно, даже без боя делая не более десяти-двенадцати километров в сутки, а путь лежал через дефиле, обороняемые противником. Задуманный Вейротером обход был даже выгоден Наполеону. Союзная армия, покидая выгодные Праценские высоты, сама подставляла под удар свой фланг.

С утвержденной двумя императорами диспозицией Вейротер приехал в штаб Кутузова и долго и нудно читал ее собравшимся командирам. Закончив чтение, Вейротер заявил, что все предусмотрено и гибель Наполеона неминуема, тем более что на этом же поле австрийская армия проводила маневры. Австрийский граф Бубна предостерег Вейротера: «... Не наделайте только опять таких же ошибок, как в прошлом году на маневрах, не запутайтесь, как и тогда, на этой местности». Оставив без внимания это замечание, Вейротер на вопрос, что делать, если Наполеон сам перейдет в наступление, ответил: «Это не предвидится...»

Большинство собравшихся понимало, что диспозиция никуда не годится, но, во-первых, она была уже утверждена, а во-вторых, другой быть уже не могло: до начала сражения оставалось несколько часов.

Кутузов во время чтения диспозиции безучастно слу-

шал Вейротера, молчал, а потом посоветовал всем перед боем выпасться.

Почему он молчал на военном совете? Ведь он, как никто в армии союзников, понимал создавшееся положение. Люди, ненавидевшие и не понимавшие Кутузова, постоянные посетители великосветских петербургских салонов, говорили о нем как о лживом царедворце, готовом ради личной карьеры пожертвовать интересами русской армии; в качестве примера они указывали на его поведение под Аустерлицем. Способствовал распространению этих разговоров в первую очередь и сам царь. Он сказал: «Я был молод, неопытен, и Кутузов должен был удержать меня от сражения».

Да, слаб оказался Кутузов. Не нашел в себе сил, чтобы решительно противопоставить свое мнение мнениям двух императоров, их свите, венскому двору и австрийскому генералитету. Но в этой слабости проявились не карьеризм и лживость, а величайшая драма Кутузова.

Это была драма и Суворова и всех передовых людей России, видевших не раз, как цари губят страну, народ, армию, и бессильных помешать этому. Указывали, что Кутузов любил со всеми соглашаться, уступил австрийцам руководство, и в этом его вина и причина поражения, а вот Суворов не любил соглашаться даже с царем Павлом I и тем более с австрийцами.

Но авторитет Кутузова, до 1805 года не командовавшего армиями в сражениях, был несравним с авторитетом Суворова, имевшего за плечами к 1799 году Рымник, Измаил и Прагу. Суворову было легче. Он не имел в Итальянском походе рядом с собой двух императоров, двух дворов, перед ним не было Наполеона, подчинившего волю Александра и Франца, как имел Кутузов под Аустерлицем.

Кутузов видел, как тяжело расплатился Суворов за попытки противопоставить себя Румянцеву, Потемкину, видел, как погибал затравленный Суворов, видел, что не спасли Суворова ни слава, ни непримиримость его, ни чудачества, которыми он прикрывался. И Кутузов понял, что «плетью обуха не перешибешь». Кутузов усвоил себе манеру не возражать, но в интересах России и русской армии все делать по-своему.

Ради этих интересов находил он в себе мужество принимать тяжелые решения, грозящие ему опалой. В дни Ульма он согласился, что надо оборонять Вену, но ради

интересов русской армии сдал ее. Ради интересов России он в 1811 году сдал крепость Рущук, хотя знал, что это вызовет гнев Александра.

В 1812 году ради интересов России Кутузов вопреки воле царя сдал Наполеону Москву.

Но под Аустерлицем Кутузов был бессилен. Он твердо высказался против наступления. Его не послушали.

Лев Толстой описывает, как Кутузов обратился к гофмаршалу Александра, чтобы тот помог убедить царя не давать сражения, но гофмаршал ответил: «Мое дело заниматься рисом и котлетами, а ваше, Михаил Илларионович, — военными делами». Сам же Кутузов не в состоянии был отменить сражение, изменить весь план войны, а только это могло изменить судьбу русской армии. Все остальное: сопротивление императорским приказам, споры с австрийскими генералами и даже уход в отставку, — не спасло бы его от ненависти царя, а русскую армию от разгрома.

Через несколько лет, попав опять в тяжелое положение, преследуемый самодуром фельдмаршалом Прозоровским, Кутузов писал жене: «... Хотя в Петербурге многое говорят, а с фельдмаршалом очень уж тяжело служить, но неповинен я, и надо терпеть и работать».

«Надо терпеть и работать» — в этом весь Кутузов, все объяснение его поведения и действия под Аустерлицем. Сопротивление Александру привело бы в лучшем случае к отставке и опале, но и Кутузову, и русской армии от этого было бы не легче. Его — героя Измаила — в аустерлицком «опыте» Александра обвиняли в трусости, говорили, что он помешан на отступлениях. И Кутузов решил терпеть и работать. На кровавом Аустерлицком поле русская армия, спасенная недавно Кутузовым от разгрома, расплатилась за навязанную ей систему «павловщины», которая слепо скопировала отжившую прусскую военную систему. Против слаженных, органически слитых из трех родов оружия корпусов и дивизий Наполеона стояли колонны случайно сведенных частей, солдаты которых стреляли в два с половиной раза медленней французских.

Русская армия расплачивалась за отсталую, заимствованную у Пруссии военную систему, которая устами ее поборника — Александра I — требовала, чтобы солдаты шли по полю сражения в ногу.

У Кутузова оставалась только надежда на беспример-

ную храбрость русских солдат, на то, что в ходе боя правильным решением он сумеет спасти положение.

И Кутузов пошел вместе с солдатами под пули французов.

Над полем Аустерлица, в далекой Моравии, стояла глубокая ночь. Русским солдатам было запрещено покидать строй, и каждый лег там, где стоял.

Иногда со стороны противника доносились крики и шум. Это Наполеон объезжал лагерь. Он праздновал годовщину своей коронации. Солдатам читали его приказ. Французские солдаты верили своему полководцу, верили в победу и готовились к ней.

Русские солдаты в глубоком молчании ждали утра. Они не знали, какая гроза собралась над ними, и тоже верили своим полководцам.

В осеннее туманное утро по рядам окоченевших солдат пронеслась протяжная команда: «Вставай!» Армию подняли и повели в бой. Кутузов ехал впереди четвертой колонны, которой командовал австрийский генерал Коловрат, и эта колонна оказалась единственной, действиями которой Кутузов имел возможность руководить.

Четвертая колонна заняла Праценские высоты. По диспозиции она должна была следовать дальше, но Кутузов ее задержал. Кутузовым руководило особое чутье местности, которым одарен подлинный полководец, понимание природы сражения и тактики врага.

Слева в болотистую долину ушла уже половина армии под командованием Буксгевдена, но там был и Дохтуров.

Справа от Кутузова, вдоль Брюннского шоссе, наступал Багратион.

Вейротер все время требовал, чтобы четвертая колонна ушла с высот, так как оба императора и австрийский генералитет считали, что испуганный якобы неожиданным ударом Наполеон будет обороняться на месте или позорно покинет поле боя. Кутузов все же не покинул Праценские высоты и стал готовиться к сражению.

На другом конце Аустерлицкого поля, окруженный маршалами, стоял Наполеон. Его знака ждали корпуса Мюрата, Сульта и Бернадота — около 50 000 солдат из 70 000, которыми он располагал. Маршалы рвались в бой. Наполеон медлил. Он ждал, пока освободятся Праценские высоты, не решаясь на трудный во всех условиях боя фронтальный удар.

Маршал Сульт просил разрешения атаковать высоты.

— Сколько вам надо времени, чтобы их атаковать? — спросил Наполеон.

— Четверть часа.

— Подождем еще.

То ли шпионы передали Наполеону план союзного командования, о чем имеются некоторые данные, то ли он действительно разгадал диспозицию Вейротера, но он упорно ждал, пока русские уйдут с высот.

Неизвестно, как бы развернулось сражение, как провели бы бой молодой, поднимающийся к зениту своей славы полководец, собравший в кулак всю свою армию, и старый, умудренный боевым опытом, замечательный русский генерал, если бы он был подлинным главнокомандующим союзной армии. Но события у Праценских высот окончательно показали, что Кутузов не был главнокомандующим своих войск,

Недовольный Кутузовым Александр I прискакал на Праценские высоты, и свита услышала трагический для Аустерлица диалог, переданный Волконским:

«Александр Михайло Ларионович! Почему не идете вперед?»

Кутузов. Я поджидаю, чтобы все колонны пособрались.

Александр. Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки!

Кутузов. Государь! Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете...»

Император приказал. Он толкнул с высот четвертую колонну, а с ней и всю русскую армию на гибель.

— Теперь пора, — просили Наполеона маршалы.

— Господа, — ответил Наполеон, — когда неприятель делает ошибку, мы никоим образом не должны прерывать его. Подождем еще двадцать минут.

Но вот уже стало ясно, что русские войска идут вниз, освобождая высоты. Момент, который выжидал Наполеон, наступил.

— Солдаты! — закричал он. — Враг подставил себя под ваши удары, мы покончим с войной одним ударом грома...

Передовые части четвертой колонны были смяты и раздавлены. Она сдерживала атаку с фронта, но была атакована с фланга. Французы заняли Праценские высоты. Русские войска стремились отбить их.

Кутузов лично участвовал в бою; Милорадович, Камен-

Переход через Березину.

ский один за другим водили полки и бригады в контратаки. «Знамена вперед!.. Знамена вперед!..» раздавалась команда, и пехота и лейб-уланы, конная гвардия, кавалергарды, казаки в течение двух часов, сменяя друг друга, устремлялись в бой, но все напрасно. Силы были неравны, удар противника внезапен.

Спасти положение мог только сильный резерв, но Кутузов его не имел, он не был предусмотрен диспозицией Вейротера. Помочь мог Буксгевден, и Дохтуров указывал ему, что обстановка в корне изменилась, решающий бой идет в центре, там гибнут русские войска, но что и Сульт также подставил свой фланг, по которому выгодно бить.

Но все тщетно.

Фридрих-Вильгельм Буксгевден был непоколебим. Он точно выполнял параграф диспозиции. Сдерживаемый Даву, отказав в помощи гибнущим частям центра, он медленно продвигался вперед, все больше подставляя свой фланг и тыл.

Центр был прорван. Все попытки Кутузова остановить войска оказались безуспешными. Сам он был ранен, рядом с ним убили мужа его дочери Тизенгаузена, бросившегося со знаменем вперед. Кутузов медленно отходил с одной бригадой, пытаясь все же выйти из-под удара и перейти к обороне.

Справа еще дрался Багратион, героически сдерживая атаки корпуса Ланна, сражаясь до последней возможности. Слева находилась главная масса войск — колонны Буксгевдена. Кутузов послал ему приказ немедленно отходить.

Выполнение этого приказа, сохранив большую часть русской армии, могло изменить результат сражения.

Тупое самомнение и полное непонимание обстановки мешали Буксгевдену подчиниться приказу Кутузова. Он продолжал бессмысленное, губительное наступление.

Наполеон, прорвав центр и бросив на одиннадцатитысячный отряд Багратиона восемнадцатитысячный корпус Ланна, все свои силы обрушил на тыл колонн, заведенных Буксгевденом в озерные дефиле. Только теперь понял Буксгевден, что надо отходить. Но было уже поздно.

Началась аустерлицкая катастрофа. Войска, прорываясь из окружения, устремились через мельничную плотину, но мельница загорелась от артиллерийского огня, путь оказался отрезанным. Войска переправлялись через реку Литаву по мосту, но мост рухнул, — был отрезан и этот путь.

Солдаты бросились на лед, едва покрывший пруды и озера. Лед подломился, люди тонули.

С высоты в упор по запертым в дефиле, по гибнущим в воде людям били десятки французских орудий.

Буксгевден бежал, бросив войска. Из окружения их выводил Дохтуров; ему обязаны спасением те, кто уцелел в аустерлицком аду.

Над полем спустилась ночь. Наполеон не преследовал противника. Победа и без того была полная.

Где же были оба императора, Вейротер, Долгоруков, Аракчеев, вся свита, все «герои», жаждавшие сражения?

Они бежали. Постыдно бежали при первой же неудаче, а Аракчеев и вовсе не появлялся в тот день в районе боя.

За царями бежали их свиты, генералы и попы в полном облачении, явившиеся было благодарить бога за победу. По дорогам мчались обозные фуры и коляски придворных. Этот позорный кортеж открывала царская карета, в которой уносил ноги гофмаршал Толстой.

Разнесся слух, что Кутузов убит, царь ранен и все погибло... Но Александр был жив и невредим.

В ночь, когда раненный в лицо Кутузов, Дохтуров и Багратион собирали измученных и раненых солдат, чтобы отразить новые удары врага, вся свита русского императора сбилась с ног в поисках... вина.

У Александра разболелся живот, и нужно было вино, чтобы развести лекарство для успокоения расслабленного императорского желудка. Кинулись к союзникам, но австрийский гофмаршал вина не дал. Он ответил, что австрийский император спит, а без него дать бутылку вина русскому царю он не может. Выручили казаки, у которых в походных флягах оказалось вино. Александр ночь спокойно почивал, а утром купил у местного жителя лисий тулуп — все царское обмундирование было растеряно — и благополучно отбыл из Австрии.

В то же утро в избушке австрийского крестьянина рыдал старик Кутузов. Друзья тщетно пытались успокоить его.

Кутузов оплакивал не только смерть родного человека, и не своя рана вызвала у него слезы.

— Рана здесь, — указывал он на бегущих по Аустерлицкому полю солдат.

Долго еще носил эту рану в своем сердце старый полководец. Долго мучили Кутузова укоры и обвинения в аустерлицком поражении, и только через семь лет, когда

русские герои-солдаты под руководством Кутузова гнали Наполеона из России, стала заживать эта глубокая рана.

Тысячи русских солдат, погибших под Аустерлицем, в болотах и озерах, тысячи героев, сражавшихся в окружении, расстреливаемых в упор, продолжавших борьбу, так же как и Кутузов, были неповинны в поражении русской армии.

Даже в «Описании войны 1805 года», сделанном по повелению Николая I, автор вынужден был признать героизм русских воинов. Он описал, как нижние чины одной батарейной роты, невзирая на отлучку офицеров, оставшись без прикрытия, остановились и открыли пальбу. Окруженные французами, они все же прорвались и через четыре дня под командой фейерверкера пришли в свою часть.

В Азовском полку раненый унтер-офицер Старичков, видя гибель полка, сорвал с древка полковое знамя и спрятал у себя на груди.

Умирая в плену, он передал боевое знамя товарищу, который сберег его и принес после войны в Россию.

Нарвского мушкетерского полка рядовой Нестеренко, тоже попав в плен, спас знамя полка, бежал из плена и принес знамя Кутузову.

Русская армия возвращалась на родину после Пресбургского мира в 1806 году. Долго еще к ее колоннам присоединялись бежавшие из плена храбрецы, прошедшие через Силезию, через леса и горы Богемии и разными путями пробивавшиеся к своим после страшного боя, в котором они потеряли двадцать пять тысяч товарищей, посланных на гибель русским царем.

Когда всем стало известно, что истинный виновник аустерлицкого поражения сам русский император, а не Кутузов, Александр I еще больше возненавидел Кутузова и, удалив его из армии, назначил генерал-губернатором Киева.

Современники писали, что Михаил Илларионович был очень доступен населению, вникал в его нужды, заботился о благоустройстве города.

Оттуда, издалека, наблюдал Кутузов, как в 1806 году в войне между Пруссией и Францией под ударами армии Наполеона затрещала прусская военная доктрина и рухнуло призрачное военное могущество Пруссии, как перестала существовать прусская армия, обреченная на гибель своими же руководителями, разгромленная под Иеной и Ауэрштедтом.

Сразу после победы над Пруссией Наполеон двинул свои войска на Россию. На полях Польши и Восточной Пруссии в жестоких боях русские войска отражали атаки французов, нанесли им поражение у города Прейсиш-Эйлау. Но русскими командовал бездарный и продажный барон Беннигсен, он поставил русскую армию на плохую позицию у Фридлянда, и по его вине погибли тысячи русских солдат. Однако Александр I не хотел назначать главнокомандующим Кутузова. Он не назначил его и тогда, когда под давлением Наполеона на Россию двинулась Турция. Пять лет безуспешно сражались русские войска с турками на Дунае, и только через пять лет, когда все увидали, что никто из русских генералов не может победить турок, царь назначил Кутузова главнокомандующим русской армии.

ГЛАВА VII

Был апрель 1811 года. У сильнейшей турецкой крепости Шумлы собралась шестидесятитысячная армия великого визиря, и султан повелел ей перейти в решительное наступление, решив вернуть все крепости и провинции, занятые Россией. Русские войска, изнуренные пятилетней войной, оказались в крайне трудном положении. Из девяти дивизий пять были уже отозваны Александром для переброски на запад; вместо 85 000 солдат, которыми располагали Прозоровский и Каменский, Кутузову оставили 46 000, да и те были растянуты по Дунаю на фронте в тысячу километров.

Александр требовал, чтобы Кутузов с этой армией добился решающей победы (Прозоровский на это просил 150 000 солдат) и заключил мир на условиях, которые султан не раз уже отвергал. Теперь же, узнав, что русские войска, которым турки сопротивлялись пять лет, уменьшились вдвое, султан о мире и слышать не хотел. Не допускал этого и Наполеон.

Кутузов отказался от осад и штурмов укрепленных позиций и крепостей.

— Важно не крепость взять, а войну выиграть, — говорил Кутузов, и в своих действиях он не слепо копировал Суворова, а, возрождая суворовские традиции, в новых условиях, в крайне сложной обстановке искал новых стратегических решений.

Из суворовской «Науки побеждать» Кутузов взял ее основу — разгром живой силы противника, но решил эту задачу по-своему, по-кутузовски.

Он не только отказался от штурма крепостей, но даже очистил занятые укрепления Силистрии и Никополя, срыв их, чтобы они не достались и туркам. Растянутую кордоном армию (наследие австрийской школы Ласси) Кутузов сосредоточил к важнейшим стратегическим направлениям, собрав главные силы у крепости Рушук. Фланги он прикрыл сильными отрядами, но правый фланг все же оставался в опасности, потому что на Дунае у крепости Виддина стояли 400 турецких судов и турки могли быстро переправиться через реку и зайти в тыл русской армии. Но Кутузов устранил и эту опасность.

Зная о постоянных раздорах турецких пашей, он восстановил против великого визиря виддинского пашу, купил у него все стоящие у Виддина суда и угнал их.

Кутузов решил выманить визиря из Шумлы. «Может быть, — писал он царю, — завлеку я тем неприятеля в сражение на равнинах...»

Расчет Кутузова оправдался.

Визирь действительно намеревался использовать суда виддинского пашы, но их уже не было, и визирь двинулся к Рушуку, где его терпеливо поджидал Кутузов.

Позиция, на которой расположилась русская армия, была открытой для атак с фронта и с левого фланга, а в четырех километрах за ней протекал Дунай, и при неудаче русские войска, прижатые к реке, могли бы быть истреблены. Эта позиция была «не совсем выгодная, но единственная», как определил ее сам Кутузов. Он не думал о неудаче и смело шел на риск, зная, что решающее значение в бою имеет не столько позиция, сколько войска, защищающие ее. В своих же солдатах и командирах он был уверен, хотя их было только 15 000 против шестидесятитысячной турецкой армии.

Сорокалетний опыт боев с турками убедил его, что опасны лишь их первые отчаянные атаки и особенно стремительные атаки их конницы.

Но Кутузов знал, что в открытом полевом бою русские войска дерутся неизмеримо лучше турецких и, если отразить первые атаки турок, они потеряют решимость.

План боя под Рушуком был построен на основе огромного боевого опыта полководца, на глубоком знании про-

тивника, а главное — на уверенности в силе русских солдат, способных отразить бешеные атаки вчетверо сильнейшего противника.

Первую атаку турецких войск русские отразили огнем. Тогда визирь атаковал правый фланг и, отвлекая туда внимание Кутузова, обрушил десять тысяч анатолийских всадников на левый фланг русской армии.

Левый фланг был смят, турецкая конница прорвалась в тыл русской армии, отрезав ее от переправ на Дунае.

Со стороны Рушука турецкую конницу встретила русская пехота, а Кутузов, повернув кругом свою кавалерию, атаковал зарвавшихся турок и остановил их продвижение. Немедленно вслед за кавалерией он бросил в контратаку каре егерей, и турецкая конница, потеряв половину своего состава, начала отходить.

Переломный момент боя, которого ждал Кутузов, настал, и все силы он бросил в общее контрнаступление.

Разбитая турецкая армия обратилась в бегство. Великий визирь на почтительном расстоянии от Рушука торопливо окапывался, ожидая со дня на день нового удара русской армии. Но Кутузов даже не преследовал противника. Через три дня он взорвал и покинул крепость Рушук, стоившую русским стольких потерь, и, очистив правобережье, перешел со всей армией на левый берег Дуная.

Узнав, что Кутузов также отступил, визирь был изумлен и не мог понять, что это значит. Затем, решив, что побежден, очевидно, не он, визирь, а Кутузов, донес в Константинополь о разгроме русской армии и бегстве Кутузова за Дунай. В Константинополе отпраздновали победу, султан щедро наградил визиря и радостно сообщил о победе Наполеону. Очень доволен был и Наполеон. Но больше всех радовался Кутузов, хотя его действий никто не понимал в русской армии, и, как всегда, меньше других их понял Александр I, гневно потребовавший объяснений.

Кутузов писал царю: «Я по совершенному убеждению принял мысль тотчас после одержанной над визирем победы оставить Рушук; оне только и можно было произвести после выигранной баталии; в противном случае казалось бы то действием принужденным; и ежели бы вместо выигранного сражения была хотя малая неудача, тогда бы должно было переносить все неудобства и для чести оружия не оставлять Рушук. Итак, несмотря на частный вред, который оставление Рушука сделать может только лично

мне, а предпочитая всегда малому сему уважению пользу государя моего, я, выведя жителей, артиллерию, снаряды, — словом, все, и подорвав некоторые места цитадели, перешел 27-го числа на левый берег Дуная».

А рвавшимся в бой офицерам Кутузов объяснил:

— Если пойдем за турками, то, вероятно, достигнем Шумлы, но потом что станем делать? Надобно будет возвратиться, как и, в прошлом году, и визирь объявил бы себя победителем. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмет-Бея, и он опять придет к нам.

И Кутузов терпеливо ждал. Мудрый и неторопливый, он умел выжидать и использовать время, а главное — ошибки противника.

Как показали дальнейшие события, русский полководец и на этот раз оказался прав.

Ободренный бездействием русских войск и подгоняемый Наполеоном и султаном, великий визирь усилил свою армию до 70 000 человек и двинулся через Дунай на позиции русской армии. Около 50 000 он переправил на левый берег и расположил против русских укреплений, а на правом берегу оставил лагерь — 20 000 солдат, знамена, продовольствие, вооружение.

Все это не ускользнуло от внимания Кутузова. С помощью лазутчиков он следил за каждым движением турецкой армии.

Темной осенней ночью далеко от лагеря, вверх по течению Дуная, куда не добирались турецкие разведчики, скрытно переправился на правый берег отряд генерала Маркова.

5000 пехоты и 2500 кавалеристов и казаков к рассвету были уже на правом берегу.

Первыми с анатолийской конницей столкнулись казаки, поддержанные пехотой. Опрокинув неприятельскую кавалерию, русские появились на высотах вблизи турецкого лагеря.

Паника у турок была полная. Русские взяли в плен 20 000 солдат, захватив огромный лагерь со всеми запасами оружия и провианта, потеряв при этом всего девять убитых и сорок раненых.

Быстро установив в захваченном лагере орудия, русские открыли огонь в тыл туркам, находившимся на левом берегу.

Следивший за действием отряда Маркова Кутузов не-

медленно бросил в атаку все свои силы, прижимая турок к Дунаю. Подошли суда русских, вооруженные пушками. Семидесятитысячная турецкая армия великого визиря была полностью окружена. Кутузову стало известно, что визирь намерен бежать. «Пусть бежит», решил Кутузов. Он знал, что по турецким законам визирь, находясь в окружении, не имеет права вести переговоры о мире, а Кутузову прежде всего нужен был мир. Ночью на небольшой лодочке визирь бежал.

Наутро к нему явился адъютант Кутузова с букетом цветов и, поздравив от имени Кутузова с благополучным бегством, предложил вступить в переговоры о мире.

В надежде на помощь окруженные турки пытались держаться, однако русские захватили турецкие крепости Туртукай и Силистрию, и на важнейшие направления были брошены отряды, преградившие путь турецким резервам.

— И кто мог бы это предвидеть, этого ожидать! Поймите этих собак, этих болванов турок, у которых дарованье быть битыми!.. — воскликнул Наполеон, узнав о разгроме турецкой армии.

Дружбу с султаном, которую Наполеон начал мольбой всевышнему, пришлось прервать. Планы Наполеона использовать Турцию в войне против России рухнули благодаря Кутузову.

В окруженной турецкой армии начался голод, вспыхнули эпидемии. Приближалась зима, армия могла вся погибнуть. Кутузов сначала посылал осажденным сухари, а потом предложил до перемирия «взять на сохранение», предупреждая турок, что иначе они перемерут.

Турецкая армия перешла «на сохранение» Кутузову. Александр I был недоволен, считая, что надо было требовать полной капитуляции, а взяв «на сохранение» турецкую армию, Кутузов унижил достоинство русского оружия. Но главнокомандующий Дунайской армией объяснил царю, что султан, подстрекаемый Наполеоном, не шел на капитуляцию, а если бы турецкие войска вымерли или сдались, визирю совсем незачем было бы спешить с миром. Подкармливая же турок, русские тем самым подталкивали султана скорее заключить мир, чтобы спасти хоть треть уцелевшей армии, состоявшей из отборных турецких солдат.

Талантливый полководец тогда же проявил себя не менее способным дипломатом и накануне вторжения На-

Сражение при Бородине.

полеона в Россию успел подписать с Турцией мир. Именно успел, ибо Александр I, как всегда недовольный Кутузовым, прислал нового командующего Дунайской армией — адмирала Чичагова, впоследствии бесславного героя Березинской операции.

В то время когда Кутузов вел вооруженную, а потом дипломатическую борьбу, Александр I, не понимая его политики, жаловался своему флигель-адъютанту адмиралу Чичагову на бездеятельность Кутузова.

Чичагов тонко намекнул царю, что следовало бы кого-нибудь послать для наблюдения за Кутузовым, и получил предложение выехать в Дунайскую армию. Чичагов вежливо отказался, но на следующий день разговор возобновился, и царь решил заменить Кутузова Чичаговым, поручив ему не только подписать с Турцией мир, но и заставить ее заключить с Россией оборонительный и наступательный союз. Слухи об этом дошли до Кутузова, и он подписал в Бухаресте мир за день до приезда Чичагова и поставил этим царя и адмирала в глупейшее положение. Для того чтобы сместить Кутузова, у Чичагова были с собой два царских рескрипта: один на тот случай, если мир еще не заключен, и второй — если уже подписан. В первом царь, выражая свое недовольство, предлагал Кутузову сдать армию Чичагову, а во втором выражал благодарность за победу и мир, но тоже приказывал сдать армию. Но Кутузов заключил мир ровно за день до приезда Чичагова, следовательно, ни первый, ни второй рескрипт нельзя было вручать, ибо царь не мог за один день узнать в Петербурге о мире, заключенном в Бухаресте. Это Чичагова не остановило. Он вручил второй рескрипт и написал царю:

«Необходимо было вручить именно этот рескрипт, хотя по естественным законам невозможно было, чтобы Ваше величество узнали об этом происшествии, совершившемся в Бухаресте, через 24 часа в Петербурге».

Все попытки Чичагова принудить турок к союзу с Россией успеха не имели, и адмирал впоследствии признался, что условия мира, которых добился Кутузов, были единственно возможными.

А Кутузов почтительно сдал дипломатические дела и армию и простился с войсками.

Русские солдаты, слышавшие клевету Прозоровского, обвинявшего их в неподчинении командирам в бою, слышавшие приказ Каменского, незаслуженно назвавшего их

трусами, услышали приказ Кутузова, покидавшего русскую армию на Дунае:

«...Обратим внимание на подвиги, столь славно сопровождающие все дни кампании 1811 года. Чего не превозмогли Вы, дунайские воины... 60 тысяч надменных турецких войск под предводительством верховного визиря мечтают перенести владычество свое в места, Вашим мужеством и кровью приобщенные; но 12 тысяч из среды Вашей смиряют их кичливость и обращают в бег. Сей удар блистательного оружия поразил силы многочисленных толп турецких, собранных из всех концов Оттоманской империи, до такой степени, что до 28 августа в войне наступательной с силами превосходными не имел неприятель довольной твердости сделать какое-либо покушение на нас, спокойно расположенных по Дунаю, но и тут готовили Вы ему новый удар. Кто не участвовал, тот с восторгом видел блистательный переход на правый берег, взятие и истребление императорского лагеря, трофеи, пленных и необыкновенную добычу, храбрыми приобретенную. Наконец, взятие Туртукая, падение Силистрии со всею артиллерией поразили дух неприятельский до того, что оную, составленную некогда из отличнейших азиатских арнаутских войск и цареградских янычар, на сей стороне находившуюся стесненную армию с предводителем ее трехбунчужным пашою визирем Чабак-оглы, многими другими, с татарскими султанами, 50 пушками, храбростью и бедствиями утомленную, повергли Вы... Дунайская армия... славу к славе приложившая, останется навсегда незабвенною в сердцах патриотов в любезном нашем отечестве... Расставаясь со здешней армией, приношу чувствительнейшую благодарность мою всему вообще войску за ту любовь, которая оградила меня употребить власть, высочайше мне предоставленную, к обращению кого-либо силою к своим обязанностям. Воспоминание сего останется навсегда неизгладимым в сердце моем и сопровождать будет лучшие часы жизни моей...

Бухарест, 12 мая 1812 г. Подлинный подписал генерал граф К у т у з о в».

Кутузов уехал в свое поместье Горошки, Волынской губернии. Он был отстранен от командования в тот момент, когда к западным рубежам России уже подходила армия французского императора, почти два десятилетия не знавшего поражений.

ГЛАВА I

«... Я не могу быть спокоен за свои успехи в Европе; пока в России каждый год прибавляется полмиллиона детей», так выразил Наполеон свое опасение, что, развиваясь, Россия может стать серьезным соперником Франции. Ему нужно было подчинить Россию своей политике, поработить ее народ, ограничить его развитие и сделать самостоятельное, жизнеспособное государство — Россию — колонией буржуазной Франции. Наполеон мечтал стать повелителем мира, а для этого ему надо было сокрушить английское могущество. Но и это было невозможно без покорения России. Решить все вопросы должна была новая война, и Наполеон начал подготовку к вторжению в Россию.

Его современники и биографы, в частности Альберт Вандаль, добросовестно осветивший этот период деятельности французского императора, пишут, что никогда еще он не вел такой напряженной, громадной работы, как во время подготовки к войне с Россией. Сам он в письме к маршалу Даву признал: «Никогда еще до сих пор не сделал я столь обширных приготовлений».

Наполеон внимательно изучал театр предстоящих военных действий, прочитал все имеющиеся на французском языке описания операций в Польше и России. Особенно внимательно он изучил историю похода Карла XII. На французский язык были переведены для него лучшие сочинения о русской армии, русские карты.

Подготовке к войне Бонапарт придавал огромный размах, охватив ею почти все страны Европы. Он вел сложную дипломатическую игру с Турцией и Швецией, готовился навязать свою волю Пруссии, заключил союз с Австрией,

подкупил обещаниями Польшу, подчинил себе ряд герцогств и королевств.

Исходным плацдармом для нападения на Россию Наполеон избрал Польшу, правильно рассчитав, что ее территория необходима каждому, кто намеревается воевать с Россией. Но так как польские войска не могли устоять против русской армии, он готовился поддержать их из Германии войсками Даву, расположенными как бы во втором эшелоне за польскими. Одновременно Наполеон требовал увеличения варшавской армии, дал полякам субсидию. Боясь все же, что поляки будут разбиты, прежде чем их поддержат, им было приказано в случае наступления русских отступать под прикрытие Даву.

Наполеон отдал распоряжение об укреплении Данцига, который в случае захвата Россией инициативы в войне своим положением на фланге наступления русской армии мог сильно затруднить ее операции. Кроме того, Данциг имел значение как главная база для ведения войны. В нем были литейные заводы, мастерские, кузницы, провиантские склады, — все необходимое для пополнения запасов и приведения в порядок материальной части проходящей через Данциг французской армии.

Подготовка вторжения подходила к концу. Но даже в последние дни перед отъездом из Парижа на Вислу Наполеон попрежнему стремился скрыть свои намерения. Своим приближенным он приказал покинуть Париж заблаговременно, запретив им даже попрощаться с родными. Утробив изощреннейшую дипломатическую ложь, Наполеон избежал встреч с русским послом Куракиным, добивавшимся от него объяснения, и, обманув его, покинул Париж.

И только днем позже, 10 мая 1812 года, в газете «Moniteur» появилась заметка:

«Император отбыл сегодня из Парижа для осмотра собранной на Висле великой армии».

Сознавал ли Наполеон, начиная войну с Россией, какие затруднения принесет война Франции? Видел ли он опасности, которые она таит? Многие заставляло его и наиболее благоразумных его соратников с тревогой задумываться.

Не допуская мысли о поражении, Наполеон понимал все же, что ведет свою армию сражаться с лучшими в мире русскими солдатами и поход будет нелегким. Путь от Франции до России лежал через поработанные им страны.

Агенты и ставленники Бонапарта вместе с монархами и князьями, лебезившими и заискивавшими перед ним, подавляли малейшие попытки покоренных народов восставать. Но Наполеон сознавал, что это только до поры до времени, до тех пор, пока он силен и власть его неограничена.

Народ Испании несколько лет вел беспримерную героическую борьбу с войсками Франции, и конца этой борьбы не было видно. Биографы Наполеона пишут, что он задумывался, не лучше ли ему сначала покончить с Испанией, а потом двинуться на Россию. Но решил вести обе войны, считая, что хотя война в Испании и лишает его в войне с Россией двухсот тысяч солдат, но зато не грозит сорвать континентальную блокаду. Оттяжка же войны с Россией могла привести к краху всей его политики. И он начал поход на Москву в момент, когда его корпуса безуспешно сражались под Севильей и Бадахосом, в Валенсии и Андалузии.

Политикой императора был недоволен народ Франции. Он не хотел воевать ради интересов крупной буржуазии. Франция переживала тяжелый экономический кризис. Мастерские опустели, рабочие были без хлеба. Появились афиши с призывом к мятежу. В Нормандии вспыхнуло голодное восстание. Наполеон больше всего боялся голода в стране накануне самой войны, но он надеялся и этот вопрос решить своим обычным средством — военной победой. Но одна война сменяла другую, гибли сотни тысяч людей, народ не видел этому конца, и новые призывы в армию вызывали сопротивление населения. Отряды жандармов охотились за уклонявшимися от рекрутчины людьми. За уклонение от призыва отвечал не только рекрут, но и семья, и родственники, и все те, кто дал работу или еду дезертиру.

Если уклонялись от мобилизации французы, то что же можно было сказать о рекрутах других стран? Маршал Удино в первые же дни похода сообщал, что в Швейцарском да и в других полках имелись сотни больных и слабых; маршал объяснял это тем, что рекруты были приведены к нему в кандалах, истомленные, обессиленные. Маршал Ней тоже доносил, что рекруты портят его старые, испытанные батальоны. В Померании крестьяне уговаривали своих земляков-солдат бежать, и каждый дезертир мог рассчитывать, что крестьяне укроют его и накормят.

Один из полков пришлось даже на ночь окружить специальными патрулями. Маршал Даву приказал каждого оставшего расстреливать как дезертира.

Не так охотно, как раньше, вели на войну свои корпуса и многие маршалы. Некоторым, разбогатевшим в войнах и походах, пресытившимся успехом и славой, не так уж хотелось покидать Париж и опять идти за неугомным императором навстречу опасностям и лишениям.

Но Наполеон верил в непобедимость своей армии. Ему казалось, что нет конца его силе. По всей Европе сплошным потоком шли его корпуса на Россию:

- 1-й корпус маршала Даву,
- 2-й корпус маршала Удино,
- 3-й корпус маршала Нея,
- 4-й корпус вице-короля Евгения,
- 5-й корпус князя Понятовского,
- 6-й корпус Сен-Сира,
- 7-й корпус Ренье,
- 8-й корпус Вандаммы,
- 9-й корпус маршала Виктора,
- 10-й корпус маршала Макдональда,
- 11-й корпус маршала Ожеро,
- 12-й корпус Шварценберга.

Шли десятки тысяч кавалерии, могущественная артиллерия, шла гордость Наполеона — лично ему подчиненная императорская гвардия под командованием маршалов Лефевра, Мортье и Бесьера. Двигались на Россию и польские легионы, баварские и саксонские, прусские и австрийские, голландские и итальянские, швейцарские и португальские полки.

С Наполеоном не было многих храбрых и талантливых командиров. Погиб маршал Ланн, не было и опытного Массена, в Испании сражались Султ и Мармон. Но зато в походе на Россию рядом с императором Франции был маршал Даву — герцог Ауэрштедтский, принц Экмюльский. Суровый бургундец, способный, железной воли, неустрашимый полководец, он учился вместе с Наполеоном в военной школе и в 1804 году стал уже маршалом, в 1806 году с 27 000 солдат разгромил под Ауэрштедтом пятидесяти тысячную прусскую армию, участвовал в битвах с русскими под Аустерлицем, Эйлау и Фридландом. Снова был с Наполеоном участник всех его походов, начальник штаба маршал Бертье — принц Ваграм-Невшательский, беспреко-

словный, неутомимый исполнитель приказов и распоряжений императора. Был с Наполеоном прославленный кавалерийский начальник Мюрат — король Неаполитанский, пришедший к Наполеону подпоручиком еще в 1795 году и участвовавший почти во всех сражениях, которые вел император. Вел свои полки и маршал Ней — герцог Эльхингенский, впоследствии за решительные действия под Бородиным получивший титул «князя Московского». Начав службу простым гусаром, к двадцати семи годам он стал уже бригадным генералом. «Это лев!», говорил о нем Наполеон и ему поручал самые опасные и трудные боевые дела.

За ними была целая плеяда генералов, прошедших с Наполеоном все походы, выросших в битвах, честолюбивых, смелых. Правда, сейчас они не дружны, не любят делить славы, ссорятся друг с другом, но все они беспрекословно подчиняются императору.

Проносясь в своей карете мимо войск, Наполеон слышал приветственные крики. Он видел в рядах старых боевых ветеранов, любивших своего полководца и веривших в него. Они помогли Наполеону увлечь и значительную часть молодых солдат, которых опьяняла близость легкой победы, славы, наград, почестей.

Вот что писал молодой французский солдат своему отцу: «... Мы вступим сначала в Россию, где мы должны поспражаться немного, чтобы открыть себе проход дальше. Император должен прибыть в Россию, чтобы объявить войну их ничтожному императору. О, мы скоро расколотим их в пух и прах! Ах, отец, идут удивительные приготовления к войне. Старые солдаты говорят, что они никогда не видали ничего подобного. Это правда, ибо собирают огромные силы. Мы не знаем только, против одной ли России это. Один говорит, что это для похода в Индию, другой — что для похода в Египет. Не знаешь, кому и верить. Мне все равно. Я хотел бы, чтобы мы дошли до самого конца света».

Наполеон прибыл в Дрезден.

Если он сам и некоторые из его сподвижников сознавали всю трудность затеянной войны с Россией, то обстановка в Дрездене, люди, окружавшие Наполеона в те дни, сделали все, чтобы подчеркнуть его неограниченную власть над Европой, его «сверхчеловеческую» силу, его «неземной» гений, для которого нет ничего недоступного.

Австрийский император и прусский король, министры и дипломаты, герцоги и князья, их дочери и жены — все они буквально пресмыкались перед ним, вознося его до степени божества. Даже спектакль, данный в его честь, кончался апофеозом, где сверкавшее на сцене солнце было окаймлено надписью: «Менее велико и менее прекрасно, чем он...»

Это было слишком даже для самоуверенного Наполеона.

— Должно быть, эти господа думают, что я очень глуп, — сказал он, глядя на сцену.

Покинув Дрезден, Наполеон направился к берегам Немана, где начиналась необъятная страна, заселенная великим русским народом.

24 июня 1812 года с границы, «взятой в кредит» у польских панов, без объявления войны, говоря все время о мире, Наполеон начал вторжение в Россию.

Европа в напряженном молчании ожидала развязки событий.

ГЛАВА II

В том, что русская армия будет разбита в первом же пограничном сражении, никто в Европе не сомневался. И не только потому, что Наполеон казался всемогущим, но и потому, что Александр I плохо подготовил Россию к войне 1812 года.

Перед лицом Франции, за которой шла почти вся Европа, Россия в войне 1812 года оказалась одна.

Против полумиллионной армии Наполеона на западных границах России было только около 200 000 солдат.

Комплектование русской армии происходило по системе рекрутских наборов. В начале царствования Александра I были попытки установить норму — один рекрут с пятисот душ населения при одном наборе в год. Однако войны потребовали восемнадцати рекрут с пятисот душ населения, и производился не один, а несколько наборов в год. У русского народа рекрутчина была одной из самых мрачных страниц его истории. Но в 1812 году картина изменилась. Русский народ готов был на новые жертвы для защиты родины от иноземного вторжения.

Александр несколько раз задумывал создать милицию, люди которой, «доколе не будут двинуты с места, должны

Выступление казаков.

оставаться в своих селениях и, пребывая в крестьянском их быту, исправлять все те повинности, коими они обязаны по земскому и волостному их управлению...» Предполагалось, что в милиции будет 600 000 человек.

Но если оставались на бумаге другие, более невинные реформы Александра, то идея милиции была тем более мертворожденной. Дворянство и сам царь боялись вооружения народа больше, чем иноземного вторжения. Один из противников милиции откровенно писал:

«Милиция опасна возможностью появления среди нее такой головы, которая, видя себя вне зависимости от регулярного войска, постарается дойти до полной независимости. История дает факт, что безграмотный донской казак собрал себе сообщников, возмутил народ и потрясал государство...»

Даже ополчение, которое Александр оказался вынужденным призвать, когда Наполеон находился уже в центре России, он разоружил сразу же после изгнания Наполеона и создал военные поселения, где жизнь была настоящим кошмаром.

Но и эти 200 000 русских воинов были достойными противниками Наполеона. На берегах Немана стояли полки и дивизии, штурмовавшие Измаил и крепости Италии, побывавшие на вершинах Альп и в болотах Польши, на берегах Дуная и Финского залива. Тут были ветераны сражений Суворова, герои кутузовских походов, дважды встречавшиеся с французами и не уступавшие им в бою. Русские оружейные заводы, учрежденные еще Петром I, научились изготавливать хорошие пушки и ружья, часть вооружения поставляла Англия, и к 1812 году русская армия была вооружена не хуже французской.

На основе опыта войн улучшилась и организация войск. Роты, батальоны, полки, батареи, эскадроны были организованы соответственно боевым требованиям, а дивизия, оснащенная артиллерией, стала сильной и удобоуправляемой. Пехота, артиллерия и кавалерия научились взаимодействию в бою. Возрождались суворовская тактика, обогащенная опытом войн с Наполеоном.

Напуганный Аустерлицем, Александр I присмирел и дал волю передовым русским генералам руководить боевой подготовкой армии. Сам же он в Петербурге разыгрывал маневры по отражению десанта на Васильевские острова, командовал «обороной» Петербурга, а брат его Константин

лихо сбрасывал «вражеский десант» в залив и приказывал адъютанту донести императору, что «противник едва успевает достигнуть своих лодок — совершена победа с нашей стороны и с нею поздравьте государя...»

Война 1812 года призвала в строй множество отличных офицеров. Среди них были вернувшиеся из отставки суворовцы, появилась и молодежь. Два кадетских корпуса, одним из которых руководил Кутузов, выпустили таких образованных офицеров, как Толь, ближайший помощник Кутузова в 1812 году, Хатов, переводивший на русский язык лучшие военные произведения Жомини.

И хотя не сразу и не по воле государя, но в ходе войны под руководством таких полководцев, как Кутузов, Барклай-де-Толли, Багратион, выросли замечательные штабные офицеры.

Передовая дворянская молодежь стремилась к культуре и увлекалась военной наукой. Она посещала «Вольное российское общество, пекущееся о распространении наук» и «Общество друзей словесных наук», она слушала в Академии наук лекции по минералогии, химии, физике, металлургии.

В 1810 году студент Московского университета М. Н. Муравьев создал со своими товарищами «Общество математиков», президентом которого был избран отец М. Н. Муравьева, отставной боевой офицер Н. Н. Муравьев.

В уставе этого общества было сказано: «Но как из прикладных частей математики вообще самые полезные, суть механика и военное искусство, то наипаче на них общество обратило свое внимание и устремило все труды к приготовлению молодых людей, особенно в военную службу...»

Любовь к родине, рост культуры привели передовую молодежь к необходимости овладения военным искусством, к службе в русской армии.

Из этого общества вышли отличные колонновожатые, топографы, офицеры квартирмейстерской части и боевые командиры, отличившиеся в Отечественной войне 1812 года. Многие из них стали впоследствии декабристами.

Вот эта молодежь и вела в бой роты, эскадроны, батареи. Руководили ею в сражениях старые замечательные суворовцы.

Русская армия насчитывала немало замечательных корпусных и дивизионных командиров.

Был Дохтуров, скромный, отзывчивый генерал, сумевший вывести из окружения остатки русских войск под Аустерлицем. Русская армия знала его слова: «Я никогда не был придворным, не искал милостей в главных квартирах и у царедворцев — я дорожу любовью войск, которые для меня бесценны». Армия платила ему за это горячей любовью и уважением.

Был Ермолов, преследуемый в прошлом Павлом, сидевший в Петропавловской крепости, затем сосланный в Костромскую губернию «на вечное пребывание». В сражении под Прейсиш-Эйлау он увенчал свое имя боевой славой.

Был Раевский, который в кампании 1806 года, раненный в ногу, в течение семи дней без отдыха, без продовольствия, без подкреплений не покидал поля сражения.

Корпусами и дивизиями командовали дельные, храбрые командиры — Неверовский, Лихачев, Монахтин и многие другие.

Войсками России, сосредоточенными на западных границах, руководили лучшие главнокомандующие — Барклай-де-Толли и Багратион.

Стройный и гибкий, с характерным лицом грузина, спокойный, мужественный, приветливый с подчиненными и любимый солдатами — таков был главнокомандующий 2-й русской армии Петр Иванович Багратион.

Под стенами Очакова (1788 год), и на подступах к Варшаве (1794 год), на полях Италии и вершинах Альп (1799 год), в Австрии (1805 год) и опять в Польше (1806 — 1807 годы), в Финляндии (1808 — 1809 годы) и на Дунае (1809 год), против поляков, турок, шведов и французов дрался Багратион под руководством Суворова и Кутузова. Он всегда первым вступал в сражение и последним покидал поле боя. Командовал авангардом, когда русские войска шли в наступление, и командовал арьергардом, когда они вынуждены были отступать; находился неизменно там, где был кризис боя, где решалась участь сражения. Тридцать лет из сорока семи лет своей жизни провел он в рядах русской армии и участвовал во всех войнах, которые вела Россия с 1788 по 1812 год.

Барклай-де-Толли, командовавший 1-й армией, шотландец по происхождению, сын бедного поручика, с детства начал службу в русской армии и двадцать лет провел в походах и войнах. Это не наемник из иностранцев вроде Беннигсена и ему подобных, стремившихся в России сколо-

тить состояние. Барклай-де-Толли отдал России всю свою жизнь, дрался под Очаковым, Бендерами, Аккерманом, в Польше; командуя полком, совершил поход в Австрию. Его мужество и непоколебимость в бою останавливали натиск французских маршалов в войне 1806—1807 годов, и только серьезная рана, полученная у Прейшиш-Эйлау, вынудила его покинуть на время строй. В 1809 году он снова участвовал в операциях против шведов в Финляндии и совершил беспримерный переход по льду Ботнического залива к берегам Швеции.

Командиры русской армии нисколько не уступали по своим боевым качествам командирам армии Наполеона.

Теперь, когда война велась уже не на полях Австрии и не на Дунае, где все могло окончиться дипломатическим торгом, теперь, когда решался вопрос о судьбе России как самостоятельного государства и вся армия, охваченная патристическими чувствами, была готова на великие подвиги, как никогда, было необходимо четкое, разумное общее руководство войсками. Но прибывший в Вильно император Александр I отдал приказ, что он «будет при армии».

Согласно «Учреждению о большой действующей армии», которое, по представлению Барклая, царь утвердил в 1811 году, прибытие его на театр войны снимало ответственность с Барклая. Царь сам становился у руководства вооруженными силами. Однако хитроумный приказ, гласивший, что царь «будет при армии», можно было толковать как угодно, и Александр, словесно подтвердив Барклаю, что тот остается главнокомандующим, фактически командовать стал сам. Начало преступной путанице было положено. Корпусами 1-й и 2-й армий стали одновременно командовать и Барклай, и Александр I, и окружавшая его свита приближенных генералов.

Александр отверг план войны, предложенный Багратионом. В начале 1812 года Багратион писал царю, что «опасность с каждым днем увеличивается, война неизбежна, необходимо оградить себя от внезапного нападения, выиграть время, по крайней мере шесть недель, дабы сделать первые удары и вести войну не оборонительную, а наступательную».

Мобилизация всех сил и переход в решительное наступление для защиты страны — вот чего требовал Багратион. Он писал: «Если враг приблизится, всем народом на него навалиться — или победить, или у стен отечества

лечь... Надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах, ибо война теперь не обыкновенная, а национальная».

Выполнение плана Багратиона сорвало бы стратегическое развертывание французской армии, отнимало ее плацдарм в Польше, разрушало базу в Данциге. План Багратиона лишал Наполеона выгод внезапности и предполагал нанесение удара тогда, когда силы Наполеона еще не были сосредоточены для вторжения. Наступательный план Багратиона опирался на силы России, на боевой опыт русских войск, показавших под Прейсиш-Эйлау, что они успешно могут бороться с французской армией.

План Багратиона показывает, что в 1812 году в России были возможности для ведения войны наступательной, а не оборонительной, на что обрек ее Александр I.

Тот план войны, который осуществлял Александр и его бездарная свита, подвергал и 1-ю и 2-ю армии разгрому поодиночке, и о нем правильно сказали, что это «план сумасшедшего или изменника...»

Автором этого плана являлся советник Александра I — прусский генерал барон Карл-Людвиг-Август фон-Пфуль.

По плану Пфуля, русские войска были разделены на две армии — 1-я армия Баркляя-де-Толли была растянута почти на 200 километров в районе Вильно и 2-я — Багратиона — растянулась на 100 километров в районе Волковыска. 1-я армия под давлением сил Наполеона должна была отходить к укрепленному лагерю на реке Дриссе, а 2-я — атаковать французов во фланг и тыл¹. Между армиями был разрыв более 100 километров. Пфуль не учел, что Наполеон, имея 500 000 солдат, мог сосредоточить превосходящие силы и против 1-й и против 2-й армий одновременно и, пользуясь их разобщенностью, разгромить их.

Александр I и Пфуль были главными, но не единственными виновниками хаоса и неразберихи. Как и под Аустерлицем, царя окружала толпа стяжателей и титулованных бездельников. Лев Толстой в этой толпе насчитал девять групп людей, которые строили планы войны, советовали наступать, отходить, обороняться на месте, но прежде всего строили планы личной наживы, разбалтывали военные тайны. Вокруг них сновали французские шпионы, доносившие Наполеону о каждом движении русских войск.

¹ 3-я армия Тормасова в районе Луцка прикрывала направление на Киев и фланг армии Багратиона. Активные действия она начала лишь в конце войны, объединившись с Дунайской армией Чичагова.

Сколь деятельно готовил Наполеон вторжение, столь же деятельно русский император готовил смотры и парады, лично репетировал ход церковного богослужения, бывал на балах.

В ночь на 24 июня барон Беннигсен давал бал в честь царя. Он в этой войне был еще без должности и хотел ее получить, а предвидя, что русская армия должна будет отступать, он торопился продать Александру свое имение под Вильно, пока его еще не заняли французы. На балу сделка состоялась. Александр уплатил 12 000 рублей золотом. Веселье было в полном разгаре, когда в зале появился гонец с грозной вестью о том, что армия Наполеона перешла границу и вторглась в Россию.

Царь со своим штабом уехал в Свенцяны. Барклай начал отход к дрисскому укрепленному лагерю.

Теперь Барклай и царь руководили войсками не только из двух штабов, но и из двух отдаленных друг от друга пунктов. Пагубность этого больше всего сказалась на положении Багратиона.

Используя ошибки плана Пфуля и неразбериху, созданную «руководством» царя, Наполеон главными силами занял Вильно, оказался на фланге расположения 2-й армии, двинул корпус Богарнэ в разрыв между 1-й и 2-й армиями, а против Багратиона — корпус маршала Даву и войска своего брата Иеронима.

Единственно разумное, что мог сделать Барклай, — это продолжать отход, ибо отход, как писал К. Маркс, стал уже вынужденной необходимостью.

Наполеон занимал один город за другим, война охватывала все новые губернии.

Одна из основ стратегии Наполеона заключалась в том, что его армия питалась за счет народа побежденной страны и потому, не привязанная к базам, могла свободно и быстро совершать маневры.

Покоряя страны, Наполеон немедленно накладывал контрибуции, и его главный интендант Дарю беспощадно взимал их с населения. «Враг, как сноп, — говорили французы: — чем больше бьешь, тем больше выколачиваешь». В иных случаях, отняв все у населения, Наполеон прибегал к закупкам продовольствия в местности, не охваченной войной.

Но в России Наполеона ждало другое.

Наполеону нужно было поработенное население по-

бежденных стран. И Россия нужна была ему не как свободное, растущее государство с раскрепощенным народом, а как колония буржуазной Франции. Русское крестьянство поняло, что Наполеон, сохраняя крепостное право и ярмо помещика, несет еще иго иноземного поработителя, и оно поднялось на борьбу. Крестьяне покидали свои деревни, поджигали все, что могло служить врагу. Каждое утро по десять-двадцать французских солдат от роты отправлялись далеко в стороны от дороги в поисках хлеба, фуража. Редко кто из них возвращался живым — их убивали крестьяне, в лучшем случае они приходили с пустыми руками.

Так повторялось изо дня в день. Французская армия стала испытывать лишения, падала духом. Но все еще грозная, она достигла Смоленска.

Пророчество Наполеона о том, что армии Багратиона и Барклая никогда не встретятся, не сбылось. Оба генерала, проявив замечательное искусство вождения войск, встретились у Смоленска. Здесь разыгрался первый крупный бой, после которого русская армия отошла дальше, оставив позади невиданный костер — Смоленск горел.

Барклай считал, что отход необходим и дальше: он ослабляет Наполеона и усиливает русскую армию, и генералам, требовавшим прекращения отхода, он твердо отвечал: «Пусть каждый выполняет свой долг, а я выполню свой», и продолжал отход.

Тот разлад, который оставил царь, не установив единого командования, усилился и привел к конфликту между Багратионом и Барклаем. Багратион был против дальнейшего отхода.

Но отходить не хотели и русские солдаты. Они рвались в бой. И если раньше им объясняли необходимость отхода к Смоленску, чтобы соединить обе армии, то теперь появилось новое объяснение, несправедливое и оскорбительное для Барклая, пагубное для всего дела. Его действия стали объяснять изменой, и первый, кто открыто пустил этот слух, был брат царя Константин.

— Что делать, друзья? — сказал он жителям Смоленска. — Мы не виноваты. Не допустили нас выручать вас. Не русская кровь течет в том, кто нами командует. А мы, и больно, но должны слушать его. У меня не менее вашего сердце надрывается.

Константин, помогавший брату своему Александру губить все достойное, русское в армии, совершил очередное

против нее преступление, бросив незаслуженное обвинение Барклаю и посеяв тревожные слухи.

Дальше так не могло продолжаться. Русской армии, побеждавшей в Европе, вдвойне готовой к героизму в Отечественной войне на своей земле, за свою родину, нужен был полководец, который сумел бы найти правильный путь к победе, ибо на этот раз от победы зависела судьба России.

В это тревожное время Кутузов приехал из Горошек в Петербург и был избран начальником петербургского и московского ополчений. По ночам, запершись в кабинете, часами просиживал он над картой театра войны, внимательно изучая движения войск. В одну из таких ночей ему доставили письмо императора.

«Михаил Илларионович! — писал Александр I Кутузову, назначая его главнокомандующим. — Известные военные достоинства ваши, любовь к отечеству и неоднократные опыты отличных подвигов приобретают вам истинное право на сию мою доверенность. Избирая вас для сего важного дела, я прошу всемогущего бога да благословит деяния ваши к славе российского оружия и да оправдаются тем счастливые надежды, которые отечество на вас возлагает.

Пребываю к вам благосклонный Александр».

Царь опять лгал. Он продолжал ненавидеть Кутузова и не доверять ему. В те же дни он писал своей сестре Екатерине:

«В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова: это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но, когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтоб Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Баграцион оба неспособны на это... мне оставалось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий глас».

Назначение Кутузова главнокомандующим Александр обставил так, чтобы в случае неудачи умыть руки: он передоверил подбор главнокомандующего специальному комитету, который единодушно наметил Кутузова. Однако после этого решения Александр назначил начальником штаба Беннигсена, чтобы в нужный момент заменить им Кутузова.

Ополченцы Калужской губернии (1812 год).

— О, эта старая лисица севера, — многозначительно сказал Наполеон, узнав о назначении Кутузова.

— Постараюсь доказать великому полководцу, что он прав, — промолвил Кутузов, узнав о реплике Наполеона.

С искренней радостью провожаемый народом, полководец отправился к русским войскам, отходившим к Москве. В пути, изучая обстановку, он рассылал приказы, запросы, распоряжения, требуя сведений о новых формированиях, об ополчении, о противнике. С дороги направил он Милорадовича с резервными войсками навстречу отходящим частям, считая главной задачей «приращение армии».

30 августа под Царево-Займищем, скромно одетый, на небольшом донском иноходце, Кутузов появился перед войсками. Первое, что услышали от него солдаты одного из полков, которые, увидев главнокомандующего, начали суетиться, чиститься, строиться, были слова:

— Не надо всего этого. Мне нужно посмотреть, здоровы ли вы, дети мои. Солдату в походе не до щегольства, ему нужно отдыхать после трудов и готовиться к победе...

Позиция у Царево-Займища не удовлетворила Кутузова, и он вынужден был пока отступить, чтобы найти удобную позицию, соединиться с подходившими войсками Милорадовича и ополчением и дать генеральное сражение.

Положение его как главнокомандующего было исключительно трудным. Армию он принял в состоянии отступления. Если Наполеон, располагавший неограниченной властью, имел в лице своих маршалов и штаба, возглавляемого Бертье, послушную, испытанную систему управления, то Кутузов с первых же часов пребывания в армии столкнулся с ненавидевшим его начальником штаба Беннигсеном, считавшим себя единственным полководцем, способным противостоять Наполеону. Беннигсен был уверен, что Кутузов несправедливо отнял у него должность главнокомандующего.

Десятки интриганов, доносчиков, мешавших ранее работать Барклаю, стали теперь клеветать, вредить Кутузову, который отлично знал, что, кроме Наполеона, у него есть враги в собственном штабе и что наиболее непримиримый его личный враг остался в Петербурге — сам император.

В одном Кутузов не сомневался, в одно он глубоко верил — в силу русского солдата, в силу русских команди-

ров, прошедших с ним и Суворовым походы и войны. И если Беннигсен писал, что «французская армия кишит великими генералами, а у нас и посредственных нет», то Михаил Илларионович сообщает жене, что «нашел армию в полном духе, хороших генералов много... Я полон надежды... думаю исправить дела к чести России...»

Быстро разобравшись в сложной обстановке, Кутузов организовал сильный арьергард под командованием спокойного и храброго генерала Коновницына и, продолжая отходить, стал готовиться к сражению. Дальнейший отход привел бы к утере того, чем Кутузов более всего дорожил, — к утере «духа чрезвычайного», которым жила русская армия, рвавшаяся в бой. Наконец у Бородина силы сторон почти сравнялись, отпала главная причина, вынуждавшая русских к отходу. Кутузов дал знаменитое Бородинское сражение, имевшее огромное политическое и стратегическое значение не только в ходе войны 1812 года, но и во всей истории русского народа.

ГЛАВА III

Поле, где разыгралось сражение, лежит близ села Бородино в 110 — 112 километрах от Москвы, в 10 — 12 километрах западнее Можайска. Оно чуть всхолмлено в центре, местами изрезано небольшими оврагами, на дне которых протекают ручейки; пересекает его река Колоча, впадающая в Москва-реку. В центре поля — деревня Семеновская; правее, по сторонам новой Смоленской дороги, за рекой Колочей — село Бородино; рядом с ним — деревня Горки, а у старой Смоленской дороги отделенная лесом и кустарником приютилась деревушка Утица. Ничем не приметное, обычное поле средней полосы России. Выбрали его штабные командиры, посланные Кутузовым, потому что оно перехватывало обе Смоленские дороги, ведущие к Москве, и прикрыто рекой Колочей. Открытая местность была доступна для действия масс конницы. И хотя поле открытое для наблюдения со стороны противника, не имел в центре и на левом фланге серьезных естественных препятствий, усиливавших оборону, все же было решено, что лучшего поля не найти «в сих плоских местах».

Русская армия заняла позицию. Фронт ее протянулся от деревни Маслово у Москва-реки через Бородино до деревни Шевардино, прикрываясь почти на всем протяжении

русской Колочей и опираясь правым флангом на Москва-реку, а левым — на выстроенный у Шевардина редут.

Позицию заняли неправильно. Фронт ее проходил не перпендикулярно направлению наступления Наполеона, а под углом — левый фланг у Шевардина выдался вперед и был обнажен. Противник мог обойти его по старой Смоленской дороге, и русская армия очутилась бы в мешке, образуемом Москва-рекой и рекой Колочей.

Дальнейшее движение противника по старой Смоленской дороге выводило его к Можайску, где обе дороги сходились, и тем самым русским войскам мог быть отрезан путь к Москве и южным губерниям России.

Ответственность за столь опасное расположение войск лежит на выбиравших позицию — начальнике штаба Беннигсене и генерал-квартирмейстере Толе, которому Кутузов всецело доверял.

Оценив обстановку, Багратион немедленно донес Кутузову, что левый фланг армии «в величайшей опасности».

Кутузов лично выехал на осмотр левого фланга и решил отвести его назад — на линию деревни Семеновская — Утица. Но для того чтобы прикрыть отход на новую позицию и выиграть время для постройки на ней укрепления — флешей, Кутузов приказал удерживать Шевардинский редут, который теперь приобретал значение передового опорного пункта.

Натиск на Шевардинский редут начался 5 сентября. Весь день за редут шли жаркие бои, и только к ночи он был оставлен по личному приказанию Кутузова. 11 000 русских солдат сдерживали почти 35 000 французов. Русские потеряли в бою около 6000 человек. Столько же примерно потерял и противник. Наполеон занял редут, уже не имевший большого тактического значения, ибо из-за дальности он не мог быть включен в систему обороны основной бородинской позиции, на которую отошли русские войска.

Но и Кутузову и Наполеону бои 5 сентября многое показали. Наполеону в этот день на требование привести русских пленных ответили, что русские в плен не сдаются, предпочитая умирать на месте. Коленкур добавил, что «их, оказывается, мало убить, а нужно было и повалить». Наполеон заявил тогда Коленкуру: «Я повалю их своей артиллерией». Однако, как показали дальнейшие события, это было не так-то легко сделать.

6 сентября боев не было, и оба полководца провели этот день в рекогносцировках, готовя армии к генеральному сражению.

Медленно проезжал Кутузов на своих широких дрожках по Бородинскому полю, указывая окончательное расположение укреплений и войск. Укреплений было немного, строили их ополченцы, не имевшие опыта, а главное — без шанцевого инструмента, который генерал-губернатор Москвы Ростопчин, несмотря на все требования главнокомандующего, прислал лишь к концу Бородинского сражения. Но все же на правом фланге, у деревни Маслово, укрепления были вырыты, в центре соорудили Курганную батарею (Раевского), а на левом фланге, южнее деревни Семеновской, построили флеши, названные впоследствии «Багратионовы». Русская армия занимала позицию, фронт которой теперь протянулся от деревни Маслово вдоль реки Колочи до села Бородино, поворачивая далее на юг через Курганную батарею, Багратионовы флеши до деревни Утица. Позиция, прикрытая на правом фланге крутыми берегами реки Колочи, была труднодоступна для атаки французов, но на левом фланге, особенно в районе флешей, естественных препятствий не имела и была наиболее уязвима. На этой позиции и разыгралось сражение, причем главные атаки велись на фронте в 2,5 — 3 километра от Бородина до флешей. Позицию от деревни Маслово до Курганной батареи обороняли части 1-й армии под командованием Барклая, а от Курганной батареи до флешей — части 2-й армии.

Близ деревни Утица у старой Смоленской дороги Кутузов приказал «поставить скрытно» в засаде корпус Тучкова и ополчение. В резерве оставались два пехотных корпуса и артиллерия. Всего русская армия насчитывала 120 000 солдат, из них 10 000 ополченцев, в бою не участвовавших, 7000 казаков и 640 орудий.

Наполеон из полумиллионной армии привел под Бородино 135 000 солдат при 587 орудиях. Часть его сил осталась прикрывать длиннейшие коммуникации, действовала на петербургском направлении; много солдат он потерял в боях за Смоленск и Шевардино, дорого платил за каждую попытку атаковать русских при их отходе. Масса больных, отставших дезертиров покинула ряды его армии, но все же под Бородино Наполеон привел лучшие

свои части под командованием прославленных генералов и маршалов. И когда он сосредоточил свои войска для наступления, казалось, что полная победа предрешена.

Излюбленными приемами Наполеона были: сковав противника с фронта, обойти его фланг и тыл или, прорвав фронт противника в тактическом центре, ввести в бой главный резерв. В обоих случаях это всегда приводило к молниеносному сокрушающему разгрому живой силы противника, захвату его орудий и обозов.

И вот здесь, на Бородинском поле, разведав позицию русских, Наполеон нашел ее слабое место. Оно было в центре левого крыла, на флешах у деревни Семеновской. Это было решающее место, против которого Наполеон сосредоточил решающие силы — 80 000 из 135 000 солдат и 400 орудий из 587. Здесь он задумал прорвать фронт русской армии, обойдя ее главные силы, расположенные в центре и на правом фланге, прижать их к рекам Москве и Колоче и уничтожить. Одновременно с главной атакой на флешу Наполеон предполагал атаковать и правое крыло русских итальянским корпусом Богарнэ, а левый фланг обойти польским корпусом Понятовского.

В этих условиях, когда уже Шевардинский бой показал опасность грозившую левому флангу, не говоря уже о том, что сама местность подсказывала необходимость его усиления, Кутузов оставил на левом фланге меньшую часть войск, а основную массу расположил на правом фланге, у новой Смоленской дороги, и сохранил за собой возможность для контр наступления в любом направлении.

Многие историки считали такое решение Кутузова его смертным грехом. Беннигсен, оспаривая это решение, предлагал поставить всю армию от Горок до Утицы и убеждал впоследствии, что Бородино не стало второй Полтавой только потому, что главнокомандующий не принял его предложения. Даже доброжелатели писали, что Кутузов поступил неправильно, но в ходе сражения исправил ошибку, переведя свои силы с правого фланга на левый.

Однако прав был Кутузов, а не его критики.

4 сентября 1812 года Кутузов донес Александру I:

«Позиция, в которой я остановился при селе Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, — одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства.

Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею большую надежду к победе, но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве, тогда должен буду итти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся».

Старый опытный генерал отлично знал, что он делает, он видел значительно дальше многих окружавших его людей, не соглашавшихся с его глубоко правильным решением. Это становится совершенно очевидным, если внимательно посмотреть на поле Бородина с высоты командного пункта Кутузова, пройти по старой и новой Смоленским дорогам к Можайску, вчитаться в приказы Кутузова на сражение, проанализировать весь его путь и сущность его полководческого искусства, если оценивать Бородину в масштабе всей войны в целом.

Из двух дорог, проходящих через Бородинское поле, новая Смоленская, у правого фланга позиции, короче и лучше старой Смоленской, прорезавшей левый фланг. И действительно, после Бородина русская армия, несмотря на ночь и расстройство войск в бою, смогла образцово отойти по новой Смоленской дороге, по четыре повозки в ряд. Новая Смоленская дорога была основным стратегическим направлением на Москву, и это направление прикрывал Кутузов, в то время как все остальные пункты позиции имели только тактическое значение.

Кроме того, Кутузов понимал стратегию и тактику Наполеона. Зная его как мастера молниеносного маневра, он предвидел, что если русские расположатся от Горок до Утицы, а Наполеону удастся обойти любой из флангов на любой дороге, он их окружит и уничтожит, и писал, что пойдет на сражение, «если не буду обойден»... Располагая свои главные силы у широкой новой Смоленской дороги, готовясь к обороне, Кутузов сохранял за собой полную возможность перехода в контратаки. В то же время при попытке Наполеона обходить или при неудачном бое русская армия могла ответить контрманевром, «стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся», и опять закрыть путь к Москве.

Насколько прав был русский полководец, видно из того, что Наполеон отказался обходить левый фланг. В том и проявление могучего таланта Кутузова, что он действует своеобразно, неожиданно, необычно, но глубоко правильно.

Он не только сгруппировал свои главные силы к правому флангу, а резерв поставил за центром, но и на левом фланге у старой Смоленской дороги расположил сильный корпус Тучкова и ополчение, написав на карте: «Поставить скрытно». Капитану-инженеру Фелькнеру, который по его приказу рекогносцировал местность для засады, Кутузов объяснил: «Когда неприятель употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пушу ему скрытые войска во фланг и тыл».

Замечательный замысел Кутузова не осуществился потому, что Беннигсен, без ведома Кутузова и не доложив ему об этом впоследствии, вывел Тучкова из засады, заставив принять фронтальный удар корпуса Понятовского.

Расположив таким образом войска, Кутузов мог смело написать в диспозиции на Бородинское сражение: «Армии, присоединив к себе все подкрепления, от Калуги и Москвы прибывшие, ожидают наступления неприятельского при селе Бородине, где и дадут ему сражение...» И далее, перечислив расположение и задачи частей, Кутузов разъясняет: «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время действий на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность гг. главнокомандующих армиями и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля... При счастливом отпоре неприятельских сил дам собственные повеленья на преследование его. При сем случае не излишним почитаю представить гг. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно далее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден... На случай неудачного дела... несколько дорог открыто, которые сообщены будут гг. главнокомандующим и по которым армии должны будут отступать. Сей последний пункт остается единственным для сведения гг. главнокомандующих.

На подлинном подписано: Генерал князь Кутузов.

Главная квартира — двор Татишиной.

Августа 24 дня 1812».

Итак, по идее диспозиции и донесения Кутузов решил дать оборонительное сражение («Армии ожидают противника... намерен привлечь на себя силы неприятельские»). В этом сражении Кутузов хотел истощить силы Наполеона и сохранить свой резерв, ибо «генерал, сохранивший ре-

зерв, еще не побежден», а при удаче сам переходит в контрнаступление.

Эти резервы Кутузов не только берег, он их расположил, не руководствуясь предвзятым мнением Беннигсена, а сохранив полную свободу их использования «сообразно движениям» Наполеона: контрудар на флангах, возможный отход, решительная поддержка левого крыла, на которую они были употреблены. Этим решением Кутузов даже в условиях обороны сохранил за собой свободу действий и вынудил Наполеона на кровопролитную фронтальную атаку, парализовав его первоначальный замысел. Все это опиралось на уверенность в силы русских генералов и солдат. Кутузов объехал войска, напомнил, что позади Москва и надо крепко стоять за русскую землю, обещая солдатам, что все будут введены в дело и будут сменяться в бою, как часовые. Он напомнил солдатам Суворова победы под его руководством, напомнил, что не было еще противника, который устоял бы против штыковой атаки русских солдат.

Наступила ночь перед битвой.

Во французском лагере царил глубокая тревога и неуверенность. Теплый солнечный день сменила дождливая осенняя ночь. Ожидание боя мешало уснуть. На сырой земле было холодно лежать. Дров на костры не хватало, они горели тускло и не согревали. Накануне вся французская армия видела огромное поле Бородина, и все оно, насколько мог видеть глаз, было занято русскими войсками. Их стойкость все уже знали, и каждый понимал, что многим и многим не придется завтра вернуться к своим бивуакам. В эту ночь под Можайском с особой силой они почувствовали, как далеко от них Берлин, Париж, Лиссабон, родные города и села. Тревога охватывала солдат французской армии.

В такой же тревоге был и их император. Наполеон не спал. Он жаждал сражения и боялся его. Он подсчитывал, сколько ему сил еще нужно, чтобы притти победителем в Москву, понимал, как опасно ему терять войска в сражениях, когда конец войны еще далеко не ясен.

Вдруг ему начинал чудиться шум отступающей русской армии. Он выбегал из палатки, долго прислушивался, вглядывался в огни русских бивуаков... Но там царил тишина, и Наполеон возвращался в палатку.

Наполеон знал, что солдаты его устали, завтра им

предстоит нечеловеческое напряжение, спрашивал, накормлены ли они, приказывал выдать гвардии тройную порцию риса и сухарей. С затаенной тревогой Наполеон спрашивал своего адъютанта, верит ли он в завтрашнюю победу, и, услышав ответ: «Без сомнения, хотя победа будет дорого стоить», пускался в рассуждения о том, что такое война. Он даже напевал боевую песенку:

От севера до юга
Военная труба
Час битвы протрубила...

Затем, уронив голову на руки, задумывался и, точно очнувшись, опять звал адъютанта, спрашивал, не ушел ли Кутузов, и, узнав, что русские стоят, говорил, что Кутузов стар и нерадив.

Измученный волнением и кашлем Наполеон не надолго забывался тревожным, болезненным сном.

В ту ночь не спал и Кутузов. В пустом, брошенном обитателями доме в деревне Татариново он терпеливо дожидался утра. Все распоряжения были отданы, он отпустил свой штаб отдыхать, но самому старику не спалось. Он медленно ходил по комнате, иногда садился к столу, на котором лежала карта, и дежурные слышали за дверью старческое кряхтение, покашливание и отрывистые слова: «Так... Нет, не так...» Старый полководец строил свои предположения о возможных действиях Наполеона.

Медленно текли напряженные часы ожидания.

В штабе, в деревне, над всем огромным лагерем русской армии царил глубокая тишина. Вечером по лагерю еще разъезжали адъютанты Кутузова, проверявшие, как заняли войска свои позиции, затем и они исчезли. У бивуачных огней почти никто не спал. В суровом спокойствии готовились русские люди к сражению. Десятки солдат, раненных под Шевардиным, тайком покинули лазареты и вернулись в свои полки, чтобы участвовать в завтрашнем бою. У костров шли тихие беседы, люди дивились названиям рек и ручьев, пересекавших Бородинское поле, и, вдумываясь в названия: «Война», «Стонец», «Отник», «Колоча», жалели, что седая старина утаила объяснения, с кем и как воевали, какие огни горели, с кем бились люди московской земли на этом же поле в незапамятные времена.

Солдаты готовились стоять за русскую землю крепко, не щадя своей жизни. Земляки уславливались передать последний наказ родным через тех, кто останется жив, родственники и братья, находившиеся в разных полках, сходились и молчаливо прощались. Многие чистили оружие, чинили амуницию или задумчиво глядели в осеннее темное небо.

К утру стало еще тише. Смолк приглушенный говор, многие спали.

С рассветом французская армия была уже на ногах. Разрывая тишину полей, глухо рокотали барабаны, и под их мерную дробь полкам читали воззвание императора:

«Воины!

Вот сражение, которого вы так желали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас; она доставит нам все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске, Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из нас: он был в великой битве под Москвой!»

Наполеону донесли, что русские не ушли, что они по-прежнему стоят на позиции.

— Наконец они попались. Идем открывать ворота Москвы! — воскликнул Наполеон.

Он быстро вышел из палатки, помчался на командный пункт у Шевардинского кургана. Здесь он вызвал к себе одного из лучших генералов — командира дивизии Компана и в знак особой милости приказал ему первым атаковать русских.

Наполеон любил эти минуты, когда по его приказу: «Пойдите и принесите мне победу», с криком: «Да здравствует император!» войска устремлялись в атаку.

В предрассветную тишину, царившую в деревне Татариново, ворвался первый гулкий пушечный выстрел. Кутузов спокойно вышел из штаба, сел на свою небольшую гнедую лошадку и без свиты, с казаком, который вез его скамейку, медленно поехал на командный пункт у деревни Горки. В утренней мгле гасли костры, двигались люди. Главнокомандующий остановился на высоте у Горок и, склонившись к луке седла, с усилием перенес ногу через круп коня и тяжело опустился на скамейку, быстро представленную казаком.

Вниз к Бородину, исчезая в тумане, убегала широкая светлая лента Смоленской дороги. Над рекой Колочей клубился туман. Медленно поднимаясь, он открывал поле с разноцветными пятнами войск, холмы, лесистые берега реки, избы и церковь Бородина. Оттуда доносилась частая, лихорадочная стрельба и шум атаки.

Это была первая атака Бородинской битвы.

Бои разгорелись на всей позиции русской армии, достигая небывалого ожесточения на левом фланге. На командный пункт Кутузова стали прибывать адъютанты. Тучков доносил об атаке левого фланга у деревни Утица корпусом Понятовского, Багратион сообщал об общей атаке французов на Семеновские флеши. Кутузов спокойно и внимательно выслушивал адъютантов. Временами окружающие его видели, как он, вытягивая шею, наклоняет голову к земле, точно вслушиваясь в грохот сражения, стараясь уловить, куда перемещаются эти звуки, где они нарастают.

Он знал, что в первые минуты сражений часто решается их исход, наступающий на много часов позднее. После тревожных ночных часов ожидания боя с еще большим внутренним напряжением ждет каждый полководец, когда прозвучат первые выстрелы, развернутся первые атаки. Он стремится ответить на важнейший для себя вопрос: правильно ли он в долгие ночные часы перед боем разгадал план противника? По десяткам порой самых противоречивых, ничтожных фактов уясняет он себе решающее в плане противника — где он сосредотачивает свой главный удар.

Донесения все прибывали. С каждой минутой картина боя становилась яснее.

Вначале обозначалась угроза правому крылу в районе Бородина, но здесь находились главные силы русской армии, была расположена центральная батарея, недалеко — главный резерв, и за правый фланг Кутузов был спокоен. Наступление Понятовского против левого фланга у деревни Утица было опасно, и хотя там стоял в засаде корпус Тучкова и большая часть ополчения, но оттуда Кутузов с наибольшим нетерпением ждал сведений.

Сообщения Багратиона с левого фланга спокойны. Но все чаще и чаще раздавалась стрельба у деревни Семёновской, орудийные выстрелы слились в непрерывный

грозный гул. Крупные силы, брошенные Наполеоном на флешу, с каждым часом прибывали.

Все яснее становился замысел Наполеона, обозначался его главный удар, — он решил прорвать центр левого крыла русской армии, обойти ее главные силы, прижать к реке и уничтожить.

И каждый адъютант, привозивший с Семеновских флешей все новые и новые вести, то грозные, тревожные, то радостные и бодрые, подтверждал, что там, на флешах, решается в эти часы участь сражения.

Французская дивизия Компана под прикрытием леса подошла к флешам и стала выстраиваться к атаке. Но русские артиллеристы открыли ураганный огонь. Компан был ранен, его дивизия хлынула обратно в лес. Тогда впереди головной бригады своего корпуса стал маршал Даву и сам повел его в атаку. Французы смяли гренадерскую дивизию и ворвались на флешу. Но уже стремились в контратаку брошенные Багратионом батальоны 27-й пехотной дивизии и выбили французов из флешей. Французские генералы Тест и Десе были тяжело ранены, под Даву убита лошадь, сам он контужен, его войска бежали. Их преследовали ахтырские и новороссийские гусары и драгунский полк. Русские гусары и драгуны гнали французов, пока не налетели под удар кавалерийских бригад противника и вынуждены были отступить.

Наполеону донесли об отбитых атаках, о ранении генералов и контузии Даву, которого он считал лучшим своим маршалом. Пораженный, он несколько минут не произносил ни слова. Затем приказал Мюрату стать вместо Даву и снова вести его корпус на флешу. Ему на поддержку он выдвинул 3-й корпус маршала Нея, а вскоре и 8-й корпус Жюно. Позади трех пехотных корпусов Наполеон выстроил три кавалерийских корпуса — Нансути, Монбрюна и Латур-Мобура. Против километровой полосы он сосредотачивал все новые и новые войска, удвоил артиллерию, подготавливая тот страшный удар, который должен был протаранить левое крыло русской армии и положить начало ее разгрому.

Багратион видел, как у высот Шевардина сгущается эта грозная масса войск и опасность становится все более явной и близкой. На помощь сводной гренадерской дивизии Воронцова, оборонявшей флешу, Багратион вызвал 27-ю дивизию Неверовского, приказал Тучкову передать

ему 3-ю дивизию Коновницына, выдвинул всю свою артиллерию. Он сообщил Барклаю-де-Толли и донес Кутузову о нависшей над флешами опасности.

Главный удар Наполеона, решающее направление его атак определилось, и согласно его движениям Кутузов начал переводить силы с правого фланга к левому. К флешам были двинуты 2-й пехотный корпус, из резерва брошены полки Измайловский, Литовский, Финляндский, три полка кирасир, сводные гвардейские батальоны и роты гвардейской артиллерии. Барклай передвинул к флешам часть войск центра.

Но силы эти были еще на пути к флешам, когда, подготовленные сильнейшим огнем артиллерии, на флешах одна за другой обрушились атаки корпусов французской армии.

Удар опять приняла сводная гренадерская дивизия и почти вся «исчезла не с поля боя, а на поле боя», как писал ее командир. И опять 27-я дивизия Неверовского штыковой контратакой выбила части корпуса Нея, занявшие флеша.

Третья атака была отбита.

Но тут же дивизию Неверовского атаковали и начали теснить Мюрат и Даву, оставшийся в строю, несмотря на контузию. На помощь Неверовскому бросились кирасиры и драгуны и отчаянной атакой отбросили и погнали французов. Мюрат удерживал бегущих. Он остановил команду одной из бригад, тот указал на флеша, где полегла половина его бригады, и крикнул, что не может оставаться в этом аду.

— Я-то ведь здесь остаюсь, — ответил ему Мюрат.

Он обнажил шпагу и, задержав бегущих, бросил их в четвертую атаку, и снова французы ворвались на флеша. Им ударила во фланг 3-я дивизия Коновницына, четвертая атака французов была отбита, и любимец Наполеона маршал Мюрат сам едва не попал в плен.

Уже не 100 орудий со стороны Наполеона и не 50 со стороны Багратиона, а 400 французских и 300 русских пушек открыли ураганный огонь у Семеновских флешей, и в жестокой схватке сошлись 35 000 французских и 18 000 русских солдат.

Одновременно войска Богарне начали атаку Курганной батареи. Но и здесь первая атака была отбита. Быстро восстановив порядок и подготовив вторую атаку, Богарне

бросил бригаду Бонами опять на батарею. На этот раз атака удалась. Французы овладели центральной батареей, 1-я и 2-я русские армии были разобщены.

Проезжавший позади батареи начальник штаба 1-й армии Ермолов, посланный Кутузовым осмотреть поле сражения и ободрить войска, мгновенно оценил обстановку, понял опасность катастрофы и, собрав ближайшие батальоны Уфимского полка, скомандовав сопровождавшей его конной артиллерии открыть огонь, бросился в контратаку.

Увлеченные примером солдат Уфимского полка, на врага устремились егерские полки, гусары, даже раненые поднимались и шли в контратаку, охваченные общим порывом.

— Братцы!.. Батарея — Россия, отстоим ее грудью! — кричал солдатам начальник штаба корпуса Момахтин.

Солдаты ворвались на батарею. Генерал Бонами был взят в плен русским фельдфебелем. Французы бежали. Сила натиска была так велика, что русских солдат, преследующих противника, нельзя было остановить. Пришлось послать казаков, чтобы они обогнали и вернули героическую русскую пехоту.

С кургана опять заговорила русская артиллерия.

Наполеон ждал вестей от Понятовского, думал, что его атака удастся и изменит обстановку в центре. Он знал, что Понятовский ждет из его рук польской короны, надеется найти ее здесь, в этом бою, в пепле сожженной деревушки Утицы, и поэтому отчаянно дерется с Тучковым. Но Тучков не сдавался. Выведенный Беннигсеном из засады на открытую высоту Утицкого кургана, лишенный возможности внезапно ударить во фланг Понятовскому, Тучков принял фронтальный бой, и все усилия Понятовского оказались напрасными.

Близился полдень. Тучи пыли и дыма закрывали солнце, высоко поднимавшееся над полем. Пыль и дым застилали flesh и батарею.

По полю двигались массы людей то стройными колоннами, то квадратными каре; вдруг, рассыпавшись беспорядочными толпами, они бежали обратно; падали убитые и раненые, носились потерявшие седоков кони. Потом вновь строились колонны и каре; приливы и отливы людских лавин чередовались один за другим, час за часом. Остатки разбитых полков отходили в тыл, на смену им двигались новые, вступали в штыковой бой, опять разбегались, и

опять начинался грозный артиллерийский поединок. Это было самое кровавое сражение со времени изобретения пороха. За десять часов русская и французская армии потеряли 90 000 человек. Сами участники называли это сражение битвой гигантов. Бой шел не утихая, и никто не мог сказать, когда он кончится.

На десятки километров вокруг разносился гул артиллерийской канонады, дрожал воздух. Могучее эхо отдавалось и таяло в лесах, плыло долинами рек, и крестьяне, покинув избы, в тревожном ожидании прислушивались к звукам далекого сражения, решавшего судьбу их родины.

Молчаливый и угрюмый сидел в эти часы Наполеон на командном пункте у Шевардинского кургана, почти не имеясь в ход боя. Окружавшая его свита не узнавала своего императора.

На другом конце поля, на командном пункте у Горицкой высоты, сидел Кутузов. И если бы рука Кутузова не помахивала плетью, если бы он время от времени не принимался рукояткой чертить на песке узоры, генералы и адъютанты, окружавшие полководца, решили бы, что он спит.

Толстый, с шарфом через плечо, в белой приплюснутой фуражке на большой седой голове, к которой дважды прикасалась смерть, бесстрашный, молчаливый, но властный, грузно сидел он на деревянной лавке.

Кутузов перевел к левому флангу все свободные силы правого фланга, бросил войска своего резерва и часть сил центра, пошел на короткий маневр на своем правом фланге, чтобы облегчить положение на флешах, и ждал результатов этих мероприятий.

Он, казалось, бесстрастно слушал грохот боя и приказывал, соглашался или не соглашался на те или иные движения войск, но он не был равнодушен. Он оставил правительство и царя в невероятной тревоге. В случае поражения царь, конечно, немедленно с позором прогонит его, свалит всю вину на него, заменит Беннигсеном, которого царь посадил рядом с ним и который только и ждет провала Кутузова. Тогда ему, старому полководцу, останется опозоренным сойти в могилу. Но это не спасет Россию...

Как никто в армии, как никто в России, понимал Кутузов, что значит победа или поражение в Бородинском сражении. Страна только от него, своего любимого генерала, ждала ответа за исход боя, за исход войны.

Внешне он был спокоен, потому что умел сохранять самообладание в самые критические минуты боя и верил в силу русских солдат, защищавших родную землю. Он верил в силу Петра Багратиона, руководившего обороной флешей. Тот же Багратион, который в невероятно тяжелых условиях сдержал под Шенграбеном маршалов Ланна, Сульта, Мюрата, теперь вот уже полдня отражает атаки «храбрейшего из храбрых» маршала Нея, того же Мюрата и настойчивого Дану, не отдав им пока ни шпяди земли. Кутузов был спокоен, зная, что и Барклай-де-Толли не отступит, и хотя для Богарнэ «сама мысль потерпеть неудачу была невыносимой», но вот уже две его атаки на Курганную батарею были отбиты, и она продолжает обстреливать французские войска.

Против Понятовского у деревни Утица действовал Тучков, покинувший поле боя только после тяжелой раны, — брат Тучкова, погибшего в тот же день на флешах со знаменем в руках.

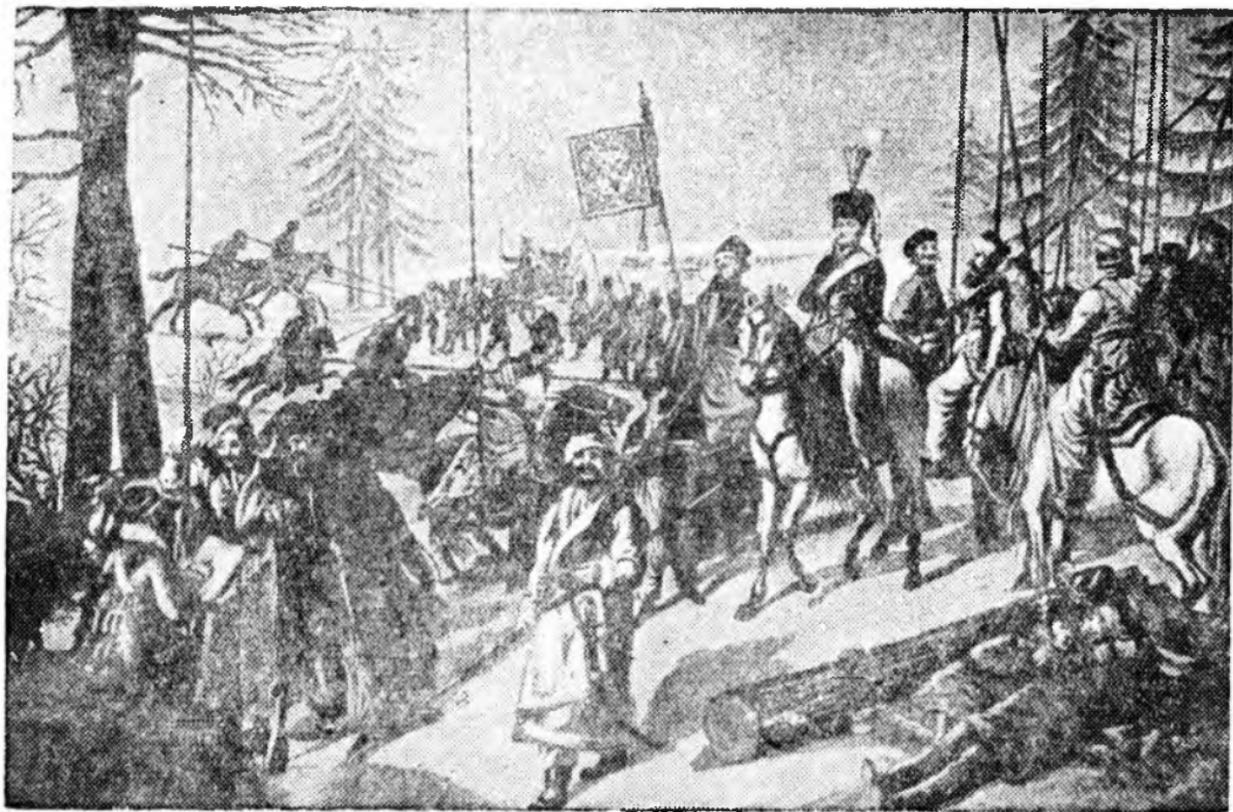
Мюрат, обнажив шпагу, не покидал поля боя, но и Милорадович не выезжал из-под пуль и даже завтракать сел в районе батареи, там, где скрещивался огонь наибольшей силы.

— Живым или мертвым, но я буду там! — вскричал Коленкур, получив приказ взять Курганную батарею. Он сдержал свое слово, но погиб на кургане, там же, где без эффектных слов погиб и Кутайсов, двадцативосьмилетний начальник артиллерии русской армии, бросившийся вместе с героем Ермоловым в контратаку.

Невиданную храбрость проявили Раевский, Дохтуров, Коновницын, Неверовский, Лихачев — славная плеяда героев, учеников Суворова, соратников Кутузова.

47 французских и 23 русских генерала погибли и были ранены в этой битве, и Кутузов знал, что русские генералы не уступят противнику боевой чести.

Кутузов был спокоен, потому что решение войны перешло в руки солдат, овеянных великой славой замечательных побед, сынов русского народа, отстаивавшего свою землю. Геройски боролись не только полки и дивизии, солдаты которых прошли боевой путь с Кутузовым, но и только что сформированные части. Ярким примером является 27-я дивизия Неверовского. Ее сформировали в дни войны. Она состояла из крестьян, взятых прямо из деревень, наспех обученных. Дивизии пришлось контр-

М. И. Платов в походе.

атакой спасти гренадер Воронцова, погибавших под ударами французских корпусов; она столкнулась с дивизиями Даву, Нея. Армия Кутузова, защищавшая Россию на Бородинском поле, была действительно армией героев, — так ее называли не только друзья, но и враги.

«Они умирают там, где начальник им приказал умереть», «Они предпочитают смерть плену», писали французы.

«Преданность генералов, непоколебимая храбрость солдат спасла Россию. Другие войска были бы разбиты и, может быть, уничтожены задолго до полудня», писал французский историк Пелле.

Кутузов не суетился, не дергал командующих армиями и всем своим видом как бы говорил своему штабу: «Вы видите, несмотря на все тяжелые события и ужасы, о которых вы мне докладываете, все идет, как я и предвидел».

В этой борьбе воля Наполеона впервые едала, поколебалась. Впервые в истории войн Наполеон стал создавать массирование артиллерийского огня. Ряд сражений выиграл он, разрушая артиллерийским огнем боевой порядок противника и сокрушая его ударами также массированной живой силы. Но ни в одном из своих сражений Наполеон не сосредотачивал такого количества орудий, как перед флешами: на фронте 800 — 1000 метров было 400 орудий — невиданная до того времени в военной истории сила и плотность огня.

При их поддержке ходили на штурм части Нея, Даву, Мюрата, столько раз приносившие победы своему императору; вслед за пехотой бросались в атаку кавалерийские корпуса. Наполеон наносил могучие удары, а победы все не было. Наполеон почувствовал себя, «как во сне, когда человеку представляется наступающий на него злодей и человек размахнулся и ударил своего злодея с тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить его, и чувствует, что рука его, бессильная и мягкая, падает, как тряпка» (Лев Толстой, «Война и мир»).

Наполеон привык, что после первых же атак к нему с радостными лицами мчались адъютанты, донося о победах, а здесь один за другим они доносили о неудачах, передавая просьбы маршалов о поддержке.

В любом другом сражении Наполеон бросил бы им на поддержку свой резерв, а здесь он колебался. На просьбы о поддержке он долго не отвечал, прогуливался, ел

свои любимые пастилки, советовался с Бертье, кого бы послать, двинул было дивизию Клапареда, но тут же вернул ее. Сражающиеся войска уже не видны ему, но он не меняет, как обычно, своего командного пункта, не наблюдает за ходом боя. Приехавшему за помощью генералу приказывает посмотреть еще раз, что делается на поле боя, и, когда тот, вернувшись, доносит, что Багратион опять готовит контратаку, Наполеон отвечает, что он еще не уяснил себе свой шахматный ход.

К нему приносят тяжело раненого любимого адъютанта, которому он ночью объяснял, что вся сущность войны заключается в том, чтобы быть сильнее противника в данном месте в данный момент.

— Ну что, Рапп, что там наверху?

— Надо послать гвардию, — говорит Рапп

— Нет, — отказывается Наполеон, — я не хочу, чтобы ее разбили.

Обозленные маршалы снова и снова бросали в атаку свои дивизии. Армия Багратиона таяла, но героически отбивала и пятую, и шестую, и седьмую атаки.

«Упорство русских приобрело ужасный, зловещий характер», писал один из историков Наполеона.

Идет восьмая атака французских дивизий. Ее встречают с флешей картечью, но французы, не обращая внимания на убийственный огонь, бегут по трупам товарищей, все ближе и ближе.

— Bravo, bravo! — кричит восхищенный доблестью противника Багратион и мчится впереди кирасирской дивизии навстречу французским маршалам. Это была последняя его встреча с ними.

Вокруг Багратиона падали кирасиры, врач его армии Гангарт, не покидавший его ни на минуту, упал вместе с убитым конем.

— Спасите Гангарта! — коротко приказал Багратион и помчался дальше, но в это мгновение, смертельно раненый, поник к шее коня.

Дивизия кирасир ушла в контратаку, а Багратиона, окружив небольшим конвоем, медленно везли к деревне Семеновской. Он очнулся, запретил везти себя в тыл. Его опустили на землю. Лицо Багратиона было бледно, местами обожжено порохом, но спокойно. Санитары снимали сапог с раздробленной ноги, а он требовал доклада о результатах атаки и, выслушав, приказал:

— Передайте Барклаю, что теперь он решает судьбу боя.

Багратион видел, что маршалы, воспользовавшись его отсутствием и минутным замешательством, захватили флешы и появились на фланге 1-й армии.

Наступил критический момент боя. Армия Багратиона была расстроена, французская артиллерия стала в районе флешей, подготавливая новый удар кавалерийских корпусов, которые должны были завершить разгром.

Кутузову донесли о ране Багратиона, падении флешей и отходе левого фланга. Как-то по-стариковски заохал, заволновался Михаил Илларионович, потом встал и, расспросив офицера, привезшего тяжелые вести, сказал принцу Вюртембергскому:

— Не угодно ли будет вашему высочеству принять на себя командование?

Принц умчался, но, не доехав до деревни Семеновской, прислал адъютанта просить у Кутузова подкрепления. Кутузов досадливо поморщился, поняв, что совершил ошибку, тут же передал принцу, что он не может обойтись без его помощи и советов и просит вернуться в Горки, а командовать войсками левого фланга послал Дмитрия Сергеевича Дохтурова.

Кутузов был попрежнему внешне спокоен, хотя отлично представлял себе, что ждет Дохтурова у Семеновского оврага. Там стояли посланные из резерва гвардейские Литовский, Измайловский и Финляндский полки. Но отошедшие части 2-й армии были в беспорядке. С флешей уже гремели залпы французской артиллерии, вдали строились к атаке кавалерийские корпуса Нансути и Латур-Мобура.

Как и семь лет тому назад, посылая Багратиона к Голлабруну удержать французскую армию хотя бы ценой гибели всего арьергарда, так и теперь Кутузов написал Дохтурову: «Дмитрий Сергеевич, держаться надо до последней крайности». Он знал, что Дохтуров будет держаться.

Герой бесчисленных боев, спасавший армию в болотных теснинах Аустерлица, с беспримерной храбростью отстоявший Смоленск, Дохтуров так же храбро и умело действовал у Бородина. На небольшой усталой лошадке — это была четвертая лошадь, трех под ним уже убили — подъехал он к войскам 2-й армии. С рассвета не выходил он из-под огня. Усталый, медленно проезжал между расстроенными полками и спокойно отдавал приказы. От его

незаметной фигурки в поношенном, потертом сюртуке один за другим: уносились с распоряжениями адъютанты, и с каждой минутой восстанавливался порядок, командиры опять брали в свои руки управление людьми. Все это было как нельзя во-время, потому что на ослабевшие полки шли в атаку знаменитые французские кирасирские дивизии — дивизии «железных людей».

Страшна была эта атака. Могучие всадники в металлических кирасах, на огромных конях, под развевающимися знаменами неслись за Мюратом.

На Бородинском поле высятся десятки памятников полкам и дивизиям. Большинство их по замыслу одинаково: двуглавый хищный орел наверху обелиска, под ним название полков и надпись, прославляющая царя, который в дни Бородина, объятый великим страхом, сидел в Санкт-Петербурге, — вот обычный памятник. Но на холме за деревней Семеновской стоит невысокий монумент. Он врос основанием в землю, квадратный, гранитный, неприступный. В этот памятник вложена глубокая идея. Здесь стояло каре гвардейских полков, которое приняло на себя страшный удар дивизии «железных людей» и точно вросло в землю, как поставленный в их память квадратный гранит. О них, как о гранит, разбились атаки кирасир. Кирасиры бросались на каре, а гвардейские полки, пишет Глинка, как острова в этом движущемся море всадников, затопившем вокруг всю местность, непоколебимо стояли, гибли под ударами, но отвечали огнем и штыками. Натиск длился до тех пор, пока не подоспели русские кавалерийские полки и отбросили кирасир.

Весь правый фланг французской армии продолжал висеть над остатками армии Багратиона, но сил завершить победу у французских маршалов не было, они истощили их в бою.

И маршалы опять и опять просили Наполеона бросить в бой свою гвардию. Ней прислал генерала Егльера и донес, что уже видна Можайская дорога, проходившая в тылу позиции, у деревни Семеновской. Нужен один только натиск, чтобы окончательно решить сражение. Мюрат головой ручался за успех и также требовал гвардию.

Сейчас, когда пали флешы и в центре держалась только Курганная батарея, когда кризис обороны русской армии достиг высшей точки, Наполеон решил, что наконец наступил единственный и неповторимый момент в сраже-

нии, когда сильный неожиданный удар решит его исход. Он двинул в бой свою молодую гвардию и резервную кавалерию.

Наполеон сам любил этот момент и свою лаконичную магическую фразу: «Гвардию — в огонь!», подчиняясь которой мимо него сомкнутыми рядами, могучая, монолитная, двигалась в атаку гвардейская пехота; сокрушая все на своем пути, гренадеры врывались в каре войск противника, сея смерть, ужас и панику. Карьером шла в атаку гвардейская кавалерия и, скрываясь в дыму и пыли, гнала, уничтожала и добивала противника.

Вот она наступает, эта неповторимая и единственная минута победы. И вдруг:

— Казаки!.. Казаки!.. Казаки!..

Это слово с ужасом произносят примчавшиеся на взмыленных конях адъютанты. Это слово повергло в тревогу весь штаб. Наполеон узнал, что на левом фланге его армии, угрожая ее тылу, севернее Бородина, появились казаки и русская регулярная кавалерия. Находившиеся на фланге войска Орнано и Дельзона смяты и отошли. Богарнэ, остановив атаки на батарее, повел итальянскую гвардию на защиту левого фланга. Попад под атаку казаков, гвардейцы бежали. Сам Богарнэ едва спасся, укрывшись в каре гвардейцев.

Паника охватывала войска и особенно тылы. Наполеон приостановил действия.

Шли минуты, часы. Французский император терял время, а с ним и возможность победы.

Стоя перед залитым солнцем полем битвы, вспомнил Наполеон сражение под Прейсиш-Эйлау. Там в 1807 году он уже пережил тревожные часы, столь похожие на эти часы тревоги. Вспомнил Наполеон, как он стоял на своем командном пункте, на старом кладбище, среди крестов и могильных холмов, русские пули летали вблизи, сея смерть среди окружавших его адъютантов. Вспомнил, как, так же вот как сегодня, в этот теплый осенний день, тогда, в январскую пургу, бросал он свои корпуса в атаки на позиции русской армии, но все атаки разбивались о стойкость и храбрость русских солдат. Вспомнил Наполеон, как на его глазах русские истребили почти весь корпус — это было самым страшным тогда, и этого он боялся больше всего сегодня — и перешли в контратаку. Один из русских батальонов ворвался на кладбище, где стояла вся старая

гвардия. Батальон окружили, но он продолжал прорываться, пока последний русский солдат не был зарублен почти у ног императора.

Эти же русские солдаты были сегодня перед ним, они отразили атаки лучших частей и опять переходят в наступление.

Начальник штаба Бертье, маршалы и приближенные Наполеона тихо посовещались, и Дарю, один из самых близких Наполеону людей, вежливо, но твердо передал императору, что все считают необходимым бросить в бой старую гвардию. Наполеон молча выслушал это требование. Лицо его вначале выражало досаду, он казался больным, нерешительным. Дарю настаивал.

Вдруг знакомое всем выражение бешеного гнева и раздражения залило лицо Наполеона. Голосом тихим, но полным ярости и тревоги он сказал:

— Если завтра будет сражение, скажите, Дарю, кто будет драться?

В этих словах — выражение всех планов, мыслей, чувств, тревог, обуревавших Наполеона с первых же неудачных атак и достигших апогея после атаки казаков на его фланг.

Так Кутузов, бросив казаков Платова и кавалерийский корпус Уварова на левый фланг французской армии, внес смятение в ряды противника и тем выиграл время, подвел к батарее и к левому флангу резервы и вырвал у Наполеона инициативу. Он не разрешил казакам углубляться в тыл французской армии, понимая, что для этого их сил недостаточно, и вскоре отозвал их обратно.

Действия кавалерии и казаков сыграли огромную роль в ходе Бородинского сражения. Два часа, потерянные Наполеоном, позволили русской армии укрепить разбитый левый фланг.

После отхода Уварова и Платова Наполеон приказал маршалам и Богарнэ возобновить атаки, но свою старую гвардию, без которой победа не могла стать решительной, он наотрез отказался дать.

Собрав все свои силы, Богарнэ начал последнюю атаку на батарею Раевского — фатальный редут, или «редут смерти», как его называли французские солдаты. С фронта атаковали пехотные дивизии, с флангов и тыла — кавалерийские корпуса. Дорого обошлась эта атака французам.

Дорого обошлась она и русским. Две предыдущие атаки

вывели из строя защищавшую батарею 26-ю пехотную дивизию, Барклай сменил ее 24-й дивизией Лихачева, но и она понесла большие потери. Половина орудий батареи оказалась подбитой, укрепления сравнялись с землей.

На кожаном складном стуле на краю кургана сидел больной старик, командир дивизии Лихачев.

— Братцы, позади Москва! — кричал он солдатам, и солдаты продолжали вести огонь и штыками отражали натиск противника.

Вдруг грохот орудий стих. Издали казалось, что гигантская бронированная гусеница вползает на батарею, покрывая собою весь курган, сверкая на солнце желтой чешуйчатой броней. Это колонна кирасир Коленкура с тыла ворвалась на батарею. С фронта на русских кинулась пехота.

Немногие уцелевшие русские артиллеристы, не имея возможности стрелять, схватив банники, которыми прочищают орудия, сбивали ими кирасир с коней. Артиллеристы все погибли у своих пушек. Почти вся 24-я дивизия легла там, где защищалась. В Ширванском полку из 1400 солдат уцелело лишь 92. Сам Лихачев встал со стула, расстегнул мундир и с обнаженной грудью, шатаясь, пошел на штыки французов.

Рядом с русским Ширванским полком легли 1116 солдат 9-го Парижского полка. Погиб и сам Коленкур. Курганная батарея пала.

«Бородино стало могилой французской кавалерии», писали французы, и большая часть ее нашла эту могилу на Курганной батарее.

Через несколько часов французы покинули батарею, все орудия были подбиты, укреплений не существовало. Лишь ряды мертвых французских и русских солдат остались на высоком кургане.

Близился финал Бородинской битвы. Назревал ее последний кризис. Он мог стать более катастрофичным, чем падение флешей и батареи. Он мог привести к полному поражению русской армии, хотя он разыгрался не на поле битвы, а на командных пунктах полководцев.

Бои еще шли. Войска были расстроены, но еще гремела артиллерия, местами шла ружейная перестрелка, на равнине, возле Курганной батареи, завязался горячий кавалерийский бой. Это Барклай-де-Толли повел в контратаку на французскую кавалерию русские кавалерийские полки.

Он повел их сам, обнажил шпагу и дрался, как рядовой всадник. В этот день рядом с ним было убито несколько адъютантов. Он сменил четырех коней, бывал в самых опасных местах. Внешне спокойный и невозмутимый, но глубоко оскорбленный отстранением от командования, затравленный, он искал в этот день смерти. Смерть обходила его.

Воля его подконец сдала. Он послал своего адъютанта Вольцогена к Кутузову. От имени Барклая Вольцоген передал Кутузову, что все пункты захвачены неприятелем и нечем их отбить, что русские бегут и нет возможности их остановить, что надо скорее отступить, пока не погибла вся армия.

Кутузов сам знал о тяжелых потерях, понесенных войсками, знал, что пали флешы и батарея, в руках Наполеона деревни Бородино, Семеновская, Утица, что Багратиона нет, а Барклай сам настаивает на отступлении, знал, что на обоих флангах нависли корпуса маршалов Наполеона, а его главный резерв — императорская гвардия еще не введена в бой и готова к удару.

Кутузов, всегда спокойный и сдержанный, закричал, что Барклай ничего не знает, что русские не бегут, что они завтра погонят врага с поля сражения.)

Кутузов, мудрый и опытный, кровно связанный со своей армией, веривший в русских солдат, видел и понимал то, что было недоступно пониманию даже лучших его генералов. Он помнил битвы под Мачином и штурм Измаила, катастрофу Аустерлица и разгром турок под Рущуком. Полвека слушал он грозную музыку сражений, видел страшные картины смерти, разрушений, паники, когда у него на глазах таяли ряды неприятельской армии, а уцелевшие, в панике бросая оружие и артиллерию, бежали, отдавая территорию, покидая раненых, покидая немногих храбрейших, готовых еще драться, когда солдаты не слушали командиров и те были бессильны что-либо сделать с воинскими частями, превратившимися в беспорядочную толпу.

Похоже ли это было на состояние русской армии в Бородинском сражении, когда оно многим казалось проигранным?

Нет. Кутузов, проведший полвека в боях бок о бок с солдатом, был твердо уверен, что русский солдат не побежит. Только он один в этот критический момент сраже-

Партизаны. „Не замай, дай подойти“

ния смог найти в себе то великое мужество и волю, которые он противопоставил тяжелым впечатлениям дня. Он не допустил отхода, а следовательно гибели русской армии. Гибели потому, что армия не батальон и в четверть часа не отрывается от противника, не выходит из боя так, как ей хочется, а, расстроенная боем, отступает под воздействием противника, к которому целиком переходит инициатива; отход превращается в бегство, отступающая армия гибнет под ударами преследования. Кутузов выгнал Вольцогена.

Барклаю казалось все потерянным, он опять послал Вольцогена, потребовал у Кутузова письменного подтверждения приказа не отступать. Здесь, в этот момент, сказались вся огромная разница между Кутузовым и Барклаем. У последнего не хватало веры в неистощимую стойкость русских людей, не хватало таланта, чтобы правильно оценить весь ход сражения. Но смелый и честный генерал, он сам, обнажив шпагу, вел русские кавалерийские полки в последнюю атаку.

Уцелев в атаке и узнав, что Кутузов еще не решил отходить, Барклай сам прискакал на командный пункт Кутузова убедить его в необходимости отхода.

Кутузов отдал приказ готовиться к контрнаступлению: «Завтра атаковать противника». Этот приказ он послал объявить всем командирам, всей армии. Воля Кутузова оказалась сильнее воли Барклая. Она опиралась на волю к победе тысяч русских солдат, вдохнула новые силы в измученные боем войска. Эту волю Кутузов противопоставил Наполеону в критический момент падения флешей, бросив туда резервы; ее почувствовал Наполеон, решив послать в бой свой резерв, и, узнав о казаках, он ощущал ее сопротивление весь день; непоколебимой она осталась и в этот последний час Бородинского боя.

К Наполеону, на Шевардинский редут, тоже съехались маршалы. Они уже не просили, не уговаривали, а требовали послать в бой старую императорскую гвардию. Ней возмущенно говорил своим товарищам, что если Наполеон «хочет быть только императором и не хочет командовать, пусть отправляется в Тюильри и предоставит нам командование». Мюрат в последний раз настаивал на разрешении вести в бой гвардейскую кавалерию, ругаясь, что сражение, а с ним и вся кампания будут выиграны.

Впервые за весь день Наполеон сел на коня и сам по-

ехал к линии огня. Он приблизился к сгоревшей, разрушенной деревне Семеновской, и то, что не понимали Барклай и французские маршалы, но что понимал Кутузов, понял и Наполеон.

Он тоже видел десятки сражений, видел победы, когда мимо него гнали беспорядочные толпы пленных, волокли знамена и орудия, представляли униженных пленных генералов. Здесь он не видел ничего подобного. Воля Кутузова вновь собрала воедино русские полки, и «видно было, как они, не теряя мужества, смыкали свои ряды, снова вступали в битву и шли умирать...» писал Сегюр, стоявший в ту минуту рядом с Наполеоном.

Опять, разделенные полем сражения, стояли друг против друга два полководца. Разыгралась последняя сцена борьбы, из которой Кутузов вышел победителем. Именно здесь, под сожженной русской деревней Семеновской, почувствовал Наполеон тот первый страшный удар, после которого стал возможен удар под Ватерлоо. Именно этот грохот Бородина сменился глухой могильной тишиной на острове Святой Елены, и там Наполеон говорил, что «из всех сражений, мною данных, самое ужасное то, которое дал я под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

Маршалы опять заговорили о гвардии.

— Я не могу рисковать своим последним резервом за три тысячи километров от Парижа, — оборвал их Наполеон и повернул обратно коня.

Он возвращался к Шевардину. Страшен был, пишут очевидцы, вид его воспаленных, блуждающих глаз. Вся его сгорбившаяся фигура выражала усталость и безнадежность.

Хриплым голосом отдал он приказ остановить бесплодные атаки, а войскам Мортье приказал удерживать занятые позиции. Вскоре он опять вызвал Мортье и спросил, понял ли он его приказ стоять на месте и ни в коем случае не наступать.

— Делайте, что вам говорят, и ничего более, — потребовал Наполеон.

Через несколько часов он опять вызвал Мортье и приказал отвести войска. Не добившись победы, он оставил на Бородинском поле почти 50 000 убитых и раненых своих солдат.

Кровавая битва затихла. «Раненые звали родных, но позади был Гжатск, а не Дрезден», с горькой иронией пишет французский врач. Если раньше они рвались в Россию, надеясь поработить русских людей, как опьяненные, шли за Наполеоном, то в бою этот хмель прошел, и «... раненый вестфалец, — пишет тот же врач, — проклинал Наполеона, проклинал брата Наполеона — вестфальского короля, за которыми пошел в Россию, и жалел, что не может им отомстить...»

Таких искалеченных, изуродованных вестфальцев, пруссаков, итальянцев, поляков, португальцев, французов были десятки тысяч. Они плакали, стонали, некоторые бредили; им казалось, что они еще в аду сражения. Раненые молили о помощи, но их некому было подобрать, некуда положить, и они лежали на холмах и в долинах, их стоны доносились из оврагов и из-под груды мертвых тел. Никто не приходил к ним на помощь.

Близилась ночь, полил дождь, дул резкий осенний ветер. Становилось темно, холодно. Раненые умирали. Далеко-далеко от Бородинского поля в траур оденутся города и деревни Франции, Германии, Польши, Италии, Португалии и десятков других стран, солдаты которых пошли за Наполеоном в Россию.

Сегюр, доктор Роос, Цезарь Ложье и другие с изумлением писали о том, как вели себя в то же время русские раненые: Они почти не стонали, не жаловались, некоторые отказывались говорить с врачами, некоторые сами крепко перевязывали перебитые ноги ветками деревьев и медленно ползли на свою сторону.

«... Никакое бедствие, никакое проигранное сражение, — писал Ложье, — несравнимо по ужасам с Бородинским полем, на котором мы — победители. Все потрясены, подавлены. Армия неподвижна. Раненым нехватает места, кругом трупы, трупы людей, коней, лужи крови, брошенное оружие, разрушенные и сгоревшие дома, земля, изрытая ядрами. На батареях смерть уложила всех людей и коней. Русские канониры, изрубленные кирасирами, лежат у своих орудий, целые ряды пехоты полегли, как скошенные. Генералы, офицеры, солдаты молча бродят, подавленные, изумленные. Они не верят, что живы, незнакомые начинают говорить друг с другом. Все голодны. Забыв все на свете, солдаты шарят по карманам убитых, разыскивая сухари...»

«Безмолвны бивуаки, — писал Сегюр, — ни пения, ни говора, даже вокруг императора не слышно обычной лести. Суровая тишина. Солдаты поражены количеством убитых и раненых и ничтожным количеством пленных, а ведь только ими определяется успех. Убитые говорят о храбрости противника, а не о победе над ним. Если он отошел в таком блестящем порядке, что значит для нас приобретение какого-то поля битвы? Контуженный русский, раненый, встает и идет к своим, и никто его не останавливает».

Состояние прострации овладело армией Наполеона.

Наступила ночь. Уже видны результаты сражения. Наполеону удалось занять все укрепления, позиции Кутузова. Он достиг тактического успеха, но русскую армию не сокрушил и вынужден был, опасаясь контрнаступления, оставить захваченные укрепления, потеряв этот единственный успех и лишившись 50 000 солдат и офицеров. Наполеон хотел разгромить русскую армию и, одним ударом победив Россию, закончить войну, а вместо этого сам перешел к обороне, что явилось стратегическим поражением наполеоновской армии. Это не помешало Наполеону написать бюллетень о победе над русскими — «самый лживый из своих бюллетеней», писал Сегюр. Этим он мог не надолго обмануть Европу, но армию свою он не обманул.

К ночи подсчитали пленных и трофеи и доложили Наполеону, что взято в плен 700 русских солдат, в большинстве своем раненых, и 13 орудий. Наполеон не поверил, приказал пересчитать; пленных пересчитали и опять доложили, что из стадвадцатитысячной армии в плен попали всего 700 солдат. Наполеону указали на бесчисленное количество трупов русских, пытались говорить о его победе, но он ответил, что он сам видит победу, но не видит выгод от нее, наоборот, можно ждать нового наступления русской армии.

На Бородинском поле Кутузов заставил Наполеона перейти к стратегической обороне, и это привело Наполеона впоследствии, в Москве, к обороне в политике.

Ночью русская армия заняла новую позицию восточнее Бородина — на опушке леса.

Теперь никто в русской армии не считал сражение проигранным. Ее живая сила не была ни уничтожена, ни взята в плен, ни разбита, что явилось бы поражением, она не

бежала, теряя оружие, она, сохранив силы, вооружение и волю к борьбе и победе, боеспособной отошла на новую позицию, готовясь к новому сражению утром 8 сентября. В расположении армии ярко горели костры, к ним стекались раненые, отбившиеся от частей солдаты. Командиры несли перекличку. В штабе разрабатывали диспозицию ночного наступления, согласно которой предполагалось вернуть центральную Курганную батарею, нанести удар вдоль новой Смоленской дороги на Бородино, переправиться через реку Войну и атаковать Колоцкий монастырь, где были тылы Наполеона.

Казаки, посланные в разведку, добрались до Шевардинского редута, где находилась палатка Наполеона, и охранявшая ее гвардия дважды кидалась к оружию. Разведка показала, что батарея Раевского, и флешы, и все Бородинское поле оставлено французами, и это еще больше облегчало русской армии наступление.

В этот момент Кутузов приказал... отходить к Москве. Этому никто не хотел верить. Барклай писал: «В ночь получил я предписание, по коему обеим армиям следовало отступить за Можайск. Я намеревался ехать к князю, дабы упросить его к перемене его повеления, но меня уведомили, что генерал Дохтуров уже выступил, и так мне оставалось только повиноваться с сердцем, стесненным грустью».

Кутузов остался верен себе. Он приказал произвести расчет войск, и ему донесли о потере 44 000 солдат и 23 генералов. Он знал, что Наполеон понес не меньшие потери, но понимал, что новое сражение 8-го даже при успехе русской армии и отступлении Наполеона приведет французскую армию к ее же резервам, а русские, истощив в новом бою все силы, не смогут реализовать победу. Он знал также, что у Наполеона осталась нетронутая его гвардия, и это новое сражение было рискованно для русских.

Силы воюющих государств в ту эпоху были таковы, что одним ударом далеко не всегда решался исход войны, — стратегия требовала ряда последовательных сокрушающих ударов. И если первый успех русской стратегии — отход к Бородину — ослабил французов и дал свои результаты, второй успех под Бородиным был победой, то нужны были новые могучие удары, чтобы разгромить нашествие. Предстояла еще жестокая борьба.

Для этого, добившись стратегической победы под Бо-

родиным, Кутузов под утро 8 сентября снялся с позиции и в полном порядке отошел. Русский полководец имел все основания писать царю: «Войска Вашего величества сражались с неимоверной храбростью. Батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными силами...» И далее он объясняет царю, что «когда дело идет не о славе выигранных только баталей, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, я взял намерение отступить...»

В штабе Наполеона были изумлены — армия Кутузова исчезла. Наполеон ободрился. Он еще не смог сразу начать преследование, потому что войска русского арьергарда оставались на позициях, но Кутузов все-таки ушел.

Наполеон опять проезжал Бородинским полем, кто-то обратил его внимание на это гигантское кладбище. Он сам знал, что у него выбыли из строя 47 000 солдат и 47 генералов, но сегодня он бодро ответил:

— До Москвы два дня пути, а в Москве все забудется.

Наполеон двинул вперед в авангард кавалерию Мюрата.

Французы не верили своим глазам. Дорога была пуста. Ни одного человека, ни одной повозки, даже ломаного колеса не оставил Кутузов в пути. Свежие могильные насыпи и кресты говорили, что русская армия отходит спокойно, успевая хоронить своих мертвых бойцов. А в армии этой были десятки тысяч раненых, огромный обоз и неисчислимы потери в конском составе.

— Что это за армия, которая после такой битвы так образцово отошла? — сказал Мюрату изумленный Ней.

Мюрат подошел к Можайску и уверенный, что погонит русских дальше, пригласил Наполеона ночевать в городе.

Наполеон приехал, и на его глазах авангард Мюрата после упорного боя был отброшен с потерями от Можайска. Наполеон был потрясен. В глубоком раздумье, не обращая внимания на окружающих, он продолжал ехать к Можайску. Кто-то указал ему на опасность. Наполеон долго смотрел на бивуачные огни шестидесятитысячной русской армии, прикрывавшей пути к Москве.

Образцовый отход Кутузова, бой за Можайск окончательно показали Наполеону, что Бородино не было победой.

Борьба продолжалась.

ГЛАВА IV

Русская армия, отойдя от Можайска, подходила к Москве. Вслед за ней медленно, точно ощупью, двигалась армия Наполеона.

Кутузов чувствовал, как с каждым шагом, приближающим армию к Москве, обостряется кризис войны. Кризис тяжелый и опасный для России, для армии, для него самого. Надо было решать вопрос, как вести войну дальше.

Кутузов знал, что исход войны зависит прежде всего от воли к победе русского народа и русской армии, от тех военных резервов, которые имеет Россия. Но сейчас все зависело от его — Кутузова — решения.

Что мог решить Кутузов? Народ и армия видели в нем спасителя России, ждали, что он поведет войска в новое сражение, что не сдаст без боя Москву. Народ и армия готовы были сражаться под стенами Москвы. Население Москвы в эти дни рвалось к оружию.

— Лучше умереть в Москве, чем сдать ее неприятелю, — говорили в армии.

«Там, за Москвой, казалось, начнется иная жизнь, невысказанная, если сдадут Москву», писал современник.

Все это говорило Кутузову, что надо сражаться под стенами Москвы и, если придется, то дать бой самый кровавый и ужасный из всех видов боя — уличный бой.

В этом бою можно потерять всю армию, но ее можно было потерять и без боя, потому что сдача Москвы грозила деморализацией армии и потерей ее боевого духа. Другой армии, способной сразиться с армией Наполеона, в России не было, создать ее правительство Александра было неспособно, и Кутузов еще более остро, чем под Бородиным, почувствовал, что теперь царь, наверно, сможет прогнать его, теперь у него будут для этого объяснения, — сдача Москвы без боя сама по себе достаточна для смещения главнокомандующего. Она будет означать, что и Бородино было поражением, а не победой, как доносил Кутузов.

Кутузов помнил, как прогоняли его после Аустерлица, прогоняли после Рущука, но тогда царь вынужден был опять его вернуть и поставить во главе вооруженных сил и доверить ему судьбу России. А сейчас Кутузов чувствовал, как конфликт между ним и царем, то затихавший, то обострявшийся, на этот раз достиг кризиса, и стоит толь-

ко решиться на сдачу Москвы, и его, старого полководца, навсегда прогонят из армии. Он должен будет уйти, оставив армию Беннигсену. Ему останется короткий путь к могиле, путь к позору и бесславному забвению. Кутузов, любящий свою родину, не мог примириться с мыслью, что он сдаст Москву Наполеону.

Это не то, что сдать крепость Рушук, чтобы потом вернуть ее, и даже не сдача Вены. Речь шла о существовании родной столицы, о существовании русского государства, о судьбах родного народа.

Москву надо было защищать.

К этому решению вели не только мысли Кутузова в тот час на Поклонной горе, — на этом настаивали почти все окружавшие Кутузова командиры, для которых хотя и было ясно, что на позиции, избранной Беннигсеном, драться невозможно, но еще более невозможным казалось сдать Москву без сражения.

И все же мысль полководца Кутузова пробивалась к единственно верному решению. Истина точно мерцала вдали, скрываемая разноречивыми поводами и соображениями. Но мысль полководца двигалась к истине могучими усилиями ума и сердца. Она отвергала все препятствия — волю царя, с которым он теперь вступил в открытую борьбу, заботу о личной славе, даже мнение народа и армии. Полководец точно поднимался над Поклонной горой, над позицией под Москвой. Он видел перед собою не только Москву, но и всю Россию, не только позицию под Москвой, но и весь гигантский театр военных действий, где могли быть решены судьбы войны.

Москва должна быть сдана.

Кутузов знал, что народ решил защищать Москву, но надеялся, что сдача Москвы не обескуражит русских людей, а наоборот, вызовет в них новые силы, еще большую готовность к борьбе и в этом будет залог успеха. Он знал, что вся армия готова погибнуть под стенами Москвы, но знал также, что армия уже потеряла массу солдат и много командиров. Он должен выиграть время, чтобы пополнить армию, готовить ее к новым боям.

Кутузов-полководец решал и как замечательный политик и дипломат, неизменно учитывавший психологию солдат армии противника, острым умом проникавший в замыслы ее полководца, в обстановку, сложившуюся в Европе. Он верил, что страшный удар, нанесенный под Бородиным,

Атака.

скажется позднее и Бородино в судьбе России будет победой. Глубокое понимание природы войны подсказывало Кутузову, что война вступает в решающий этап, но что нужно еще время и время.

И он, мудрый, всегда неторопливый, решил ждать и не форсировать событий. Но ожидать, не полагаясь на произвольный ход событий и не подчиняясь воле Наполеона и его действиям, а маневрировать так, чтобы поставить свою армию в безопасное положение и самому получить свободу действий.

Маневр надо прикрыть военной хитростью, которая столько раз помогала ему, надо обмануть Наполеона, ввести его в заблуждение относительно своих замыслов и скрыть эти замыслы даже от своего штаба, которому Кутузов, за исключением отдельных командиров, окончательно перестал доверять. Если он раньше шутливо говорил, что «подушка, на которой спит полководец, не должна знать его мыслей», если всю жизнь это было для него правилом, то теперь он уже не сомневался, что Беннигсен и его компания разболтают любой его секрет, выдают самую сокровенную военную тайну.

Решая сдать Москву без боя и скрывая свои замыслы, он не только не оправдывался перед царем, народом, армией, а наоборот, усугублял «вину», оставив себя без защиты от гнева императора Александра, дав широкий простор для клеветы Беннигсена, Ростопчина и других.

Но Кутузов пошел и на это ради спасения родной страны.

Сдача Москвы противнику была величайшей трагедией русского народа, русской армии, мучительной трагедией полководца Кутузова.

Стоя на Поклонной горе, он смотрел на Москву, огромную и величественную, сверкавшую под лучами холодного сентябрьского солнца, и молча слушал, как окружавшая его свита обсуждала позицию, избранную Беннигсеном.

Барклай, всегда все сам проверявший, несмотря на мучившую его жестокую лихорадку, сел на коня и объехал позицию. Вернувшись, он указал Беннигсену на невозможность обороняться в избранной позиции и доложил об этом Кутузову.

Беннигсен сделал вид, что изумлен этим открытием, обещал еще раз осмотреть местность, но этого не сделал.

Кутузов послал на рекогносцировку Ермолова и Толя,

спросил, можно ли отойти с этой позиции на Калужскую дорогу, и уехал в Фили, где в 5 часов собирался военный совет.

Совет начался с опозданием. Все ждали Беннигсена, который обедал и на совет не торопился. Борьба между ним и Кутузовым вступала в решающий этап, и все его действия были направлены к тому, чтобы дискредитировать Кутузова. Беннигсен решил настаивать на новом генеральном сражении под Москвой.

Он мог действовать без проигрыша. Если победит русская армия, он припишет победу себе, а за поражение все равно ответит главнокомандующий. К тому же дело шло о чуждых для него интересах чужого ему народа в чужой для него стране. И на совете Беннигсен поставил вопрос: сразиться ли под стенами Москвы, или сдать ее неприятелю?

Кутузов сердито прервал его, указав, что такой вопрос обсуждаться не может, что обсуждать нужно вопрос: следует ли рисковать всей армией, расположенной на невыгодной позиции, или сдать Москву без боя...

Мнения разделились. Пользуясь разногласиями, Беннигсен стал настаивать на своем.

— Мы те же русские! — с притворным пафосом восклицал иностранный наемник. — И будем сражаться так же храбро, как и прежде.

На Беннигсена не подействовали доводы Барклая и других генералов, но его отрезвило вежливое, но полное глубокого сарказма напоминание Кутузова о Фридланде.

Русский полководец напомнил Беннигсену, как он уже под Фридландом завел русскую армию в точно такое же положение, поставив ее тылом к обрывам реки Алле. Здесь же под Москвой были крутые берега Москва-реки. Там позиция была разрезана оврагом, здесь — речкой Карповкой. Там, на виду Наполеона, Беннигсен повел под его удары русскую армию, лишив ее своими распоряжениями возможности маневрировать, действовать резервами, сдерживать противника на естественных преградах и на худой конец отойти. Он обрек русскую армию на поражение, и тысячи ее солдат погибли от артиллерийского огня в улицах горящего Фридланда и волнах реки Алле. Это не повредило генеральской карьере Беннигсена, и, пользуясь благосклонностью Александра, он опять звал русскую армию на погибель.

Более страшного аргумента, чем напоминание о Фридрихе, не потребовалось, и Беннигсен умолк. А Кутузов продолжал говорить о том, что с потерей Москвы еще не потеряна Россия, что русский народ идет на беспощадную борьбу, он готов на любые жертвы ради спасения России, но сейчас для нанесения решающего контрудара надо сначала отойти по Рязанской дороге. Наконец, Кутузов тихо произнес тяжелые и решающие слова:

— Приказываю отступить.

Молча покидали генералы военный совет и, не глядя друг на друга, разъехались по корпусам. Кутузов остался один. Никто так и не узнал, что пережил он в эту ночь. Говорят, что иногда из его комнаты доносились глухие, сдерживаемые рыдания. Лев Толстой, гениально раскрывавший глубину человеческих чувств, остановил свое перо и поставил многоточие там, где начал говорить о своих переживаниях Кутузов. Страшные часы переживает полководец, когда он должен решить не только свою судьбу, но когда от его слова зависит жизнь десятков, сотен тысяч людей, зависит судьба его народа и государства.

Мы можем только представлять себе, что пережил в эту ночь Кутузов и близкие ему люди.

«... Я ехал в отдалении от командира корпуса, — писал адъютант Раевского, — недоумевая, почему он, всегда приветливый, сегодня не ответил мне на вопрос, что решил военный совет. И вдруг в ночной тишине я услышал, как наш любимый герой сражений глухо зарыдал. Страшная мысль: «Неужели Москву сдают?» обожгла сознание, сомнений не оставалось».

Весть о сдаче Москвы обожгла сознание всей армии. В некоторых корпусах отказывались верить приказам отступить, в штабах говорили об измене.

Армия покидала Москву, но солдаты считали, что их ведут через Москву в обход атаковать армию Наполеона. Они двигались по затихшим улицам мимо безмолвных жилищ.

Обитатели Москвы частью выехали из города, частью собрались на Воробьевых горах и в Кремле, чтобы участвовать в сражении, или ждали его, находясь дома, уверенные, что противника не пустят в город. Но весть о том, что Москву сдают, донеслась и к ним.

Толпы народа хлынули вслед за армией. Люди покидали дома, несли детей, тащили стариков и больных. В Мо-

скве оставались тысячи русских раненых, которых не успели эвакуировать, и на улицах разыгрались душераздирающие сцены. Всю ночь в глубокой тревоге и унынии армия двигалась через Москву, и на рассвете прошли последние ее полки. Кутузов подъехал к Дорогомиловской заставе, чтобы миновать Москву.

— Проводи меня так, чтобы мы ни с кем не встретились, — обратился он к ординарцу.

Они проехали бульварами и появились у Яузского моста. Здесь произошла встреча Кутузова с московским губернатором Ростопчиным. Решение Кутузова сдать Москву свело на-нет и без того беспочвенные хвастливые заверения Ростопчина, что он-де будет сам отстаивать столицу. Теперь все усилия этого мелкого человека, «сумасшедшего Федьки», как звала Федора Ростопчина Екатерина II, свелись к тому, чтобы всю вину свалить на Кутузова и клеветать, чернить его, насколько хватит сил.

Здесь, на мосту, он пытался укорять Кутузова, объяснить с ним, но Кутузов отвернулся, приказал очистить мост и поехал дальше. Он остановил дрожки у старообрядческого кладбища, пропуская мимо себя русскую армию.

Сгущался сумрак. Над опустевшей Москвой плыл звон колокола. Слепой пономарь кладбищенской церкви медленно и ритмично дергал за веревку. Толь доложил, что французы уже вступили в Москву, но фельдмаршал, облокотившись рукой на колено, был в глубоком раздумье и ничего как будто не слышал.

В этот момент к нему подъехал знаменитый партизан капитан Фигнер. Он доложил, что приказание Кутузова выполнено и на квартире Фигнера собраны люди для выполнения тайного приказа полководца, сложены ракеты и зажигательные вещества.

— Москва запылает в первую же ночь, — закончил свой доклад Фигнер.

Кутузов обнял Фигнера и тихо произнес:

— Москва станет последним торжеством Бонапарта.

Замыслов Кутузова никто не понял и теперь.

Ростопчин доносил царю, представляя Кутузова предателем Москвы, а Беннигсен рисовал Кутузова помешанным стариком.

Государственный совет требовал прислать протокол со-

вещания в Филях и объяснения, почему Москва сдана без сражения.

Царь запрашивал, что привело Кутузова к «столь несчастной решимости».

Кутузов не отвечал, и вскоре перепуганный император истошно завопил из Петербурга: «Князь Михаил Илларионович! Со 2 сентября Москва в руках неприятеля... На вашей ответственности остается, если неприятель в состоянии будет отрядить значительный корпус на Петербург. Вспомните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы...» Кутузов не ответил и повел армию дальше по Рязанской дороге, так и оставив открытой дорогу на Петербург.

Разные слухи ползли в народе, забирались в армию. Появилась опасность, что армия и народ могут усомниться в успехе войны, а это означало катастрофу.

Монахтин, узнав о падении Москвы, в гневе сорвал повязки со своих ран и умер. Не пережил падения Москвы и Багратион. Из Владимирской губернии, куда его отвезли на излечение, он продолжал слать в Москву своей армии указания, советы, документы и не получал ответа. Офицер, которого он лично послал к Дохтурову, не зная, что от Багратиона скрывают падение Москвы, сказал ему об этом. В страшной тревоге вскочил Багратион с кровати, забыв о раздробленной ноге, и тут же ушел в обморок. Наступила агония и смерть.

Даже мужественный и честный Барклай заколебался. «Благодарите бога, что вас отозвали отсюда, у нас здесь нельзя ожидать ничего дельного...», сказал он отъезжавшему в Петербург Клаузевицу.

В глубоком раздумье смотрел Кутузов на ночной небосклон, озаренный зарею пожара Москвы. Мимо него двигались обозы, толпы людей. Порою холодный сентябрьский ветер приносил пепел и запах пожарища, шевелил седыми волосами полководца, и никто тогда не знал, какие думы обуревают его старую голову, какие чувства волнуют сердце, по каким путям поведет он народ, русскую армию к спасению России. Великий полководец по-прежнему хранил невозмутимое молчание.

На то же место, где стоял на Поклонной горе Кутузов, прибыл со штабом Наполеон.

— Наконец! Вот он, знаменитый город! — вырвалось восклицание у Наполеона.

Да и пора уже: все усилия, все тяготы, все жертвы были позади, а цель, к которой он стремился столько лет, наконец достигнута — Москва у его ног. Последние русские солдаты покинули Москву, преследуемые авангардом Мюрата.

Начиная войну с Россией, Наполеон имел в виду прежде всего весьма определенные выгоды. Он хотел победить Россию и сокрушить Англию. Но иногда наиболее близким людям он высказывал и другие, неизмеримо дальше идущие мечты.

— У меня хранится карта, — говорил он Нарбонну, — на которой указаны средства народов и пути, по которым можно пройти от Эривани и Тифлиса до английских владений в Индии... Представьте себе, что Москва взята, Россия сломлена, с царем заключен мир или он пал жертвой дворцового заговора; что, может быть, явится новый, зависящий от меня трон, и скажите мне, разве есть средство закрыть отправленной из Тифлиса великой французской армии и союзным войскам путь к Гангу? Разве недостаточно прикосновения французской шпаги, чтобы во всей Индии обрушились подмостки торгашеского величия?..

Став хозяином в завоеванной России, он будет хозяином Черного моря, и если раньше турки, побежденные русской армией, отказались от предписанной им роли в войне 1812 года, то теперь он продиктует волю Оттоманской империи в Константинополе, он проникнет в Азию, покорит ее слабые народы, и тогда... император Запада будет и господином Востока, повелителем мира.

Не для этого ли в его личном обозе везли тщательно укрытые, специально охраняемые повозки, где хранились его статуя, которую он собирался установить в Кремле, и драгоценные императорские регалии?

Полушутя, полусерьезно жаловался он своим приближенным, что не может заставить народы почитать себя как бога...

— Я явился слишком поздно, — говорил он, — нельзя свершить ничего великого. Согласен: карьера моя хороша. Я прошел прекрасный путь. Но какое различие с древностью! Вспомните Александра Македонского: когда он завоевал Азию и объявил себя сыном Юпитера, ведь за исключением Олимпии, которая знала, как к этому относиться, да еще Аристотеля и нескольких афинских педантов, ему по-

верил весь Восток! Ну, а если бы мне пришло в голову объявить себя сыном предвечного и воздать себе преклонение в качестве такового? Ведь последняя торговка захочет мне в глаза. Нет! Народы теперь слишком просвещены!

Он говорил об этом раньше полушутя, но теперь, стоя на Поклонной горе над покоренной Москвой, Наполеон ни на минуту не сомневался, что он властелин мира.

Осталось только разыграть сцену принятия ключей от Москвы, сцену, которую он так любил и к которой он привык в Европе.

Он принимал ключи Берлина и ключи Вены, ключи итальянских городов и ключи Лиссабона и многих других крепостей и городов, но шел час... другой... третий, а ключей от Москвы ему не несли. Москва была пуста.

Русские люди не понесли «властелину мира» ключей от своей столицы.

Он вспомнил, что так же, как пуста Москва, был пуст Смоленск, были пусты самые глухие русские деревушки почти на всем его пути от Немана. Но он еще не понимал да и не мог бы примириться с мыслью, что его свергают в бездну.

По одному мановению руки императора французские корпуса двинулись вперед и несколькими потоками вливались в улицы Москвы. Сам он поселился в Кремле и спокойно уснул сном победителя.

Страшно было его пробуждение.

В окна кремлевского дворца било зарево пожара. Наполеон вскочил. Мамелюк подал ему одежду, но сапоги полетели в лицо любимого лакея, а император, босой, полуголый, кинулся к окнам, выходящим на Красную площадь. На Красной площади горели торговые ряды. Он кинулся к окнам, выходящим на Москва-реку, и увидел, как охваченное огнем пылало Замоскворечье.

Одевшись, он вышел на кремлевский двор, отдал распоряжение потушить пожар, но все было напрасно.

— Какое ужасное зрелище! Это сами они поджигают, — произнес он. — Сколько прекрасных зданий, какая необычайная решимость! Что за люди! Это скифы.

Огонь подступал все ближе, и маршалы уговорили Наполеона бежать. Они едва прорвались сквозь горевшие улицы и благополучно добрались до Петровского дворца.

Но Наполеон не знал тогда, что еще более страшный для него пожар, в котором погибнут его армия и его сла-

ва великого полководца, разгорается за стенами Москвы. Как пожар, разгорается партизанское движение, разгорается народная война, свергнувшая в бездну высоко забравшегося захватчика...

После пожара Москвы, бушевавшего несколько дней и уничтожившего почти всю столицу, Наполеон возвращался в Кремль. По сожженным улицам бродили его солдаты, продолжавшие грабить, не обращая внимания даже на него, их грозу и кумира. Это потрясло Наполеона. Он отдавал приказ за приказом, но дисциплина армии, основа ее боеспособности, падала на его глазах, и он не в силах был остановить этот разрушительный процесс.

— Где же Кутузов и его армия? — стал тревожиться Наполеон.

Он потребовал ответа у Мюрата, и тот приказал своему авангарду, преследующему Кутузова по Рязанской дороге, разбить арьергард, прикрывающий русскую армию, и разведать ее главные силы. Командовавший авангардом Себастиани выполнил приказ. Арьергард Кутузова был отбросен, но... оказывается, он никого не прикрывал. Русской армии за ним не было. Семидесятитысячная армия исчезла среди бела дня. Мюрат несколько дней метался в поисках, не решаясь донести Наполеону, что он потерял всю русскую армию, потерял и не может найти, как иголку в стоге сена.

Кутузов завершил свой гениальный марш-маневр. Дойдя до Красной Пахры, Кутузов приказал арьергарду отходить все дальше и дальше на Рязань, заманивая за собой французов, а сам со всей армией быстро и скрытно свернул с Рязанской дороги и пошел на Калужскую дорогу, став близ деревни Тарутино, угрожая коммуникациям французской армии.

Сдача Москвы и последовавший за ней гениальный марш-маневр — вершина полководческого искусства Кутузова.

Вся сущность и многообразие полководческого таланта Кутузова выявились здесь с наибольшей яркостью. Он предвидел дальнейший ход операций. Замечательным маневром, разумно организованным маршем он занимал стратегически выгодное положение. Свой замысел он прикрывал военной хитростью и глубокой военной тайной. Мудрый и осторожный, он стремился к победе малой кровью, сберегая жизни солдат и командиров. Он осуществлял

Восный совет в Филях.

свои решения с огромным упорством и гибкой последовательностью, не щадя своей жизни и благополучия, являя замечательный пример мужества и преданности родине.

Марш-отход Кутузова к Цнайму, отход за Дунай после Рушука и особенно отход к Москве после Бородина дали основание врагам Кутузова говорить, что он полководец нерешительный, склонный к отступлению, что он добивается победы пассивно, предоставив все терпению и времени, дожидается гибели противника, совершившего ошибку.

Но осторожность Кутузова никогда не была нерешительностью. Она всегда вела к победе «не числом, а умением».

Отходы Кутузова — это маневр, направленный к выигрышу времени и пространства для решительного удара. Так было под Рушуком, Кремсом и, наконец, под Бородиным. Не «генерал ретирад», как это пытались изобразить враги или не понявшие его историки, а полководец, сущностью искусства которого был широкий стратегический маневр вне поля боя, переход от обороны к наступлению и разгром противника в то время, когда все данные для успеха были на стороне неприятеля. И только теперь, когда, совершив изумительный марш-маневр к Тарутину, Кутузов создал реальную угрозу французам, все поняли, что полководец был прав.

Теперь вспомнили слова Кутузова: «Самой сдачей Москвы я приготовлю гибель Наполеону», «Армия французская рассосется в Москве, как губка в воде»; вспомнили, как убеждал он, что Москва сдана за Россию, а Россия там, где русский народ, обещал, что заставит французов питаться кониной, как год назад заставил это делать турок. Тогда на все эти слова Кутузова не обращали внимания, а они были пророческими.

Теперь стало всем ясно, что отходить сразу по Калужской дороге означало поставить армию под разгром с флангов и что движение на другие дороги стратегических выгод не сулило, в то время как маневр на Рязанскую дорогу, прикрытую по условиям местности с флангов, уводил русскую армию, особенно до перехода Москва-реки, от опасности. Это сближало ее с армиями Торماسова и Чичагова. Стало ясно, что неожиданное появление армии на Калужской дороге преграждало Наполеону путь в южные губернии России, к оружейным заводам Тулы и Брянска

и ставило под удар основную коммуникацию Наполеона на Смоленской дороге.

В ходе войны 1812 года обозначился перелом.

ГЛАВА V

Лагерь русской армии расположился у деревни Тарутино за небольшой болотистой рекой Нарой.

Кутузов хотел дать войскам отдых, накопить новые силы. Народ поднялся на войну с иноземными захватчиками, и к лагерю подходили все новые и новые вооруженные отряды. Кутузов решил пока не тревожить Наполеона, не вызывать его на новые бои, а наоборот, успокоить своим якобы бездействием.

Но полководец снова оказался не понятым императором Александром и его приспешниками. Александр видел, что Наполеон спокойно сидит в Москве, дорога на Петербург остается открытой, а русская армия «бездействует» у Тарутина, и, не разобравшись в новой стратегической обстановке, он настаивал, чтобы Кутузов дал сражение Наполеону. Царь давно бы заключил мир с Наполеоном, на что его толкали брат Константин, царица-мать и небольшая группа дворян, сторонников мира. Но царь боялся.

Никогда еще с той ночи, когда в соседней комнате душили его отца, не переживал Александр такой тревоги, как сейчас.

В годовщину своей коронации он побоялся даже ехать верхом в Казанский собор и поехал в закрытой карете.

Толпы народа встретили царя суровым молчанием.

«... Никогда в жизни не забуду тех минут, — писала придворная дама графиня Эдлинг, — когда мы поднимались по ступеням в собор, следуя среди толпы. Не раздавалось ни одного приветствия. Можно было слышать наши шаги, и я нисколько не сомневалась, что достаточно было малейшей искры, чтобы кругом все воспламенилось. И, взглянув на государя, поняла, что происходит в его душе, и мне показалось, что колена подо мной подгибаются...»

И теперь, когда мелькала мысль о заключении мира с Наполеоном, перед Александром снова появился призрак задушенного отца. Он гнал от себя мысль о мире, потому что отлично помнил, как Павла умертвили русские дворя-

не, интересы которых Павел нарушил, заключив союз с Наполеоном.

Александр смог бросить свою армию, когда Наполеон вторгся в Россию; он был пассивен, когда враг занимал одну губернию за другой, — судьбы страны и народа его не беспокоили. Но когда под царем зашатался трон, когда под ударом оказалась личная судьба, Александра охватил животный страх. Вся царская семья приготовилась к бегству из Петербурга. Старая царица, уверенная, что Наполеон возьмет Петербург, заставила всех заниматься вопросом, куда увезти одну из царевен, которая должна родить.

Было приказано эвакуировать из Петербурга все, включая архивы и даже памятник Петру I на Сенатской площади.

Царь часами бродил по каменноостровским рощам, хватался за библию и погружался в чтение. Он говорил окружающим, что нашел в библии свое утешение, клялся, что отрасли бороду, уйдет в Сибирь. И чем больше росла тревога в душе Александра, чем настойчивее Константин и царица требовали заключения мира, тем настойчивее царь заставлял Кутузова сразиться с Наполеоном и закрыть дорогу на Петербург. Но Кутузов не двигал свою армию с места. Теперь у Александра была к нему не только зависть незадачливого полководца, не только неприязнь царя к генералу, который воспитывает армию, игнорируя царские указы. Он испытывал к Кутузову жгучую ненависть. Ему казалось, что своим бездействием Кутузов ставит под удар личное благополучие царской семьи. Отношения между царем и главнокомандующим все больше и больше обострялись. Пользуясь этим, царский ставленник Беннигсен продолжал порочить старого генерала.

Удалить Кутузова из армии царь на этот раз побоялся. Он это легко делал в 1805 и 1811 годах, когда война заканчивалась, но сейчас наступил самый критический момент, и прогнать Кутузова, за которым стояли армия и народ, он не решался. К тому же в тайном военном совете в Петербурге нашлись люди, понимавшие лучше царя, что Кутузов не бездействует, и на донос Беннигсена член совета Кнорринг ответил: «Каждый день его «бездействия» стоит победы».

Сидя в сожженной Москве, Наполеон ждал, что русские сами предложат мир.

Однако русские парламентарии не появлялись. Надо бы-

ло что-то решать самому. Наполеон решил первым заговорить о мире. Он делал это через оставшихся в Москве директора воспитательного дома Тутолмина и московского дворянина Яковлева — отца А. Герцена. Александр не отвечал.

Одновременно Наполеон старался прочно обосноваться в Москве. Из оставшихся в Москве дворян и купцов был создан Московский муниципалитет, но он не смог наладить жизнь в сожженной Москве и почти никакой роли не играл. В Москве голодало не только население, но и наполеоновская армия. Были сделаны попытки наладить снабжение из окрестных деревень, но крестьянство оставалось непримиримым, и были случаи, когда крестьяне убивали не только французских фуражиров, но и своих односельчан, если они вступали в сделку с врагом. Не было сражений, но были донесения о разгроме целых отрядов, посланных на фуражировку или следовавших в Москву на пополнение армии Наполеона. Французская армия находилась точно в осаде. Регулярные части, казаки, партизаны, местами все население лишали французскую армию возможности питаться и жить за счет народа, как это было в Италии, Австрии, Пруссии и что составляло одну из важнейших осов стратегий Наполеона.

Привыкшая паразитически существовать контрибуциями, налогами, грабежами, лишенная подвоза и снабжения, армия Наполеона не смогла правильно использовать даже те запасы, которые остались в Москве, а их было довольно много.

Расчетливый Даву писал, что он обеспечен питанием и войска его отдохнули, отдохнула и гвардия. Но были части, которые голодали, дрались за право мародерствовать в том или ином районе Москвы; солдаты дезертировали, дисциплина падала, армия разлагалась.

Дарю посоветовал превратить Москву в укрепленную крепость, подвезти резервы и с весны начать новую кампанию.

— Это совет льва! — воскликнул Наполеон, но все же от него отказался, понимая, что зимовка в Москве, окруженной вооруженным крестьянством, приведет к гибели его армии.

Наполеон задумал новый грандиозный план и объявил маршалам, что решил сжечь остатки Москвы и идти через Тверь в Петербург.

— Подумайте, — воодушевлял он маршалов, — какой славой покроем мы себя и что скажет весь мир, когда он узнает, что в течение трех месяцев мы покорили две великие северные столицы!

Маршалы угрюмо молчали, а Даву и Дарю напомнили ему о зиме, голоде и опустошенной дороге. Этот план был так же невозможен, как и план зимовки в Москве.

Наполеон не понял России и ее народа, хотя знал о ней все, что могли сообщить его шпионы. Он не понимал, почему взятие Вены и Берлина приносило ему мир, а Москва принесла новые бедствия. Честолюбие мешало ему признать себя побежденным.

Долгими часами император Франции шагал по залам кремлевского дворца в поисках выхода из создавшейся обстановки.

Неподвижную тишину дворца нарушал доносившийся сюда пронзительный крик ворон, которые неисчислимыми стаями кружились над Кремлем.

За окнами лил осенний дождь, ветер крутил пепел пожарища, на улицах валялись кучи хлама, разбитой домашней утвари, и по небу плыли тяжелые темные осенние тучи.

Наполеон чувствовал себя точно в плену. Он волен и в то же время бессилён что-нибудь предпринять. Иногда ему казалось, что он все же повелитель Европы и отсюда, из кремлевского дворца, будет диктовать свою волю вселенной. И вдруг становилось ясно, что он не император мира, а сторож сожженной Москвы, посадил его здесь старый одноглазый фельдмаршал Кутузов, который сжег столицу, как простую деревню, и оставил его, французского императора, сторожить пожарище.

Вечером после докладов маршалов и начальника штаба Бертье Наполеон уезжал в организованный им театр. Но спектакль не мог рассеять тревожных мыслей. Могильщики в шекспировском «Гамлете» показались ему веселее патрульных, ночью бродивших по Москве, один из которых, осветив его тусклым фонарем, не отдал даже чести императору. «С соболезнаванием видит император, — писал маршал Лефевр, — что отборные солдаты, предназначенные охранять его особу, не повинуются». Приказы уже не помогали.

Однако Наполеон продолжал разыгрывать роль победи-

теля. Он приказал заготовить провиант на всю зиму, занимался театральными делами Парижа, утверждая устав театра «Комедия».

Восторженные наивные поклонники Наполеона восхищались его способностью наряду с ведением войны заниматься десятками других дел, не понимая, что это был блеф, рассчитанный на то, что и своя армия и русская поверят в победу Наполеона, в то, что французская армия осталась в Москве надолго и прочно. Но миновал сентябрь, наступил октябрь, а ответа на предложение о мире не было.

Два раза писал Наполеон приказы о выступлении из Москвы и два раза сжигал их. Он приказал снять крест с колокольни Ивана Великого, чтобы водрузить на крышу инвалидного дома в Париже, говорил, что Париж станет столицей мира. Он призвал к себе бывшего посла в России Коленкура, чтобы послать его с предложением о мире, но и ему сказал, что делает это ради спасения Петербурга, который будет разрушен, если русские не пойдут на мир. Коленкур мужественно сказал императору правду, что Россия на мир не пойдет. Тогда Наполеон послал в штаб Кутузова Лористона. Прощаясь с ним, Наполеон не выдержал. Он чувствовал безвыходность положения, боялся потерять последнюю возможность спасения, и вместо обычной бравады Лористон услышал беспомощную мольбу:

— Я хочу мира, мне нужен мир, нужен во что бы то ни стало, спасайте только честь...

Лористон спешно выехал в Тарутино.

Но, посылая своего посла, Наполеон «не думал о том, что заключать мир с ним будет русская нация, а не царь», писал Франц Меринг.

Выражая волю своей нации, Кутузов не шел на мир с Наполеоном. Он встретил Лористона изысканно вежливо, принял у него два письма — одно для Александра, другое для себя — и, положив их на стол, завел беседу с послом с погоде и музыке, о парижских женщинах.

Лористон, прервав фельдмаршала, высказал надежду, что курьер с письмом для Александра двинется в Петербург сегодня же. Но Кутузов посмотрел в окно и ответил, что на ночь глядя посылать нет смысла. Тогда Лористон предложил, чтобы сократить путь курьеру, послать его че-

рез Москву, обещая пропуск, но Кутузов ответил, что русские сами знают дорогу в свою северную столицу, и возобновил прерванный разговор.

Теряя терпение, Лористон прямо предложил Кутузову прочесть письмо, адресованное Наполеоном ему лично. Кутузов вскрыл конверт, прочел письмо, затем опять заговорил о французских женщинах, о Париже, который он когда-то посетил, и Лористон почувствовал, что русский полководец играет им самим и его императором и в его старческих пухлых руках теперь не только письмо, на которое он волен отвечать и не отвечать, но и судьба французской армии, судьба Европы.

Забыв о выдержке, французский дипломат прямо заявил, что Наполеон предлагает кончить войну.

— Кончить войну? — переспросил Кутузов. — Да ведь мы ее только начинаем...

И великий русский полководец, дипломат и политик дал понять Лористону, что он знает состояние французской армии и положение самой Франции, знает, что французы терпят поражения в Испании и что европейские дела тревожат Наполеона, а на упрек Лористона, что война ведется «не по правилам» и нельзя убивать французских фуражиров, Кутузов ответил, что не может изменить настроение народа, который более двухсот лет не видел на своей земле завоевателей. Так же невозможно, как всегда, ощущая за собой силу народа, Кутузов волю свою противопоставил воле метавшегося в Москве Наполеона, и воля Кутузова опять оказалась сильнее.

Он не отказывался от переговоров, рассчитывая, что этим еще дольше удержит французов в Москве и продлит отдых своей армии, но отказался от каких бы то ни было обещаний.

Так ни с чем и уехал Лористон. Наполеон понял, что надо отступить. Но своим маршалам он говорит не об отступлении, а о наступлении на русскую армию, не о бегстве из России, а о зимовке в Смоленске, где-то на Днепре, чтобы с весны возобновить войну. Он не спешил покинуть Москву, устраивал смотры корпусам своей армии. Во время одного из парадов к нему примчался адъютант с тревожной вестью: выдвинутый к лагерю Кутузова Мюрат разбит у Тарутина и отошел, потеряв 1500 человек.

— Мы пойдем на Калугу, и горе тому, кто преградит нам путь! — говорил Наполеон.

Это была еще действенная угроза. Наполеон вел за собой стотысячную армию, еще боеспособную и сильную. В ней поредела кавалерия, убавилось пушек, но пехота способна была нанести мощные удары. Многие считали, что силы Наполеона иссякли и французская армия уже не представляет опасности. Но Кутузов знал, с кем имеет дело, и, когда какой-то офицер пошутил над Наполеоном, Кутузов сурово оборвал его:

— Молодой человек, кто тебе позволил так отзываться с величайшем полководце?

Предстояло еще раз столкнуться с неприятелем, и Кутузов деятельно готовился к этому. В первый же день пребывания в Тарутинском лагере он затребовал для армии полушубки, обозы с провиантом, сюда же приказал направлять партии рекрут. Он накапливал силы для решающего удара и каждый день отдыха войскам отстаивал с величайшим для себя риском в борьбе с царем и Беннигсеном. Сдав Москву, он мужественно и просто написал об этом царю и больше не вступал ни в какие объяснения, уверенный в том, что каждый день пребывания Наполеона в Москве ослабляет французскую армию, что Наполеон не усидит в Москве, а вынужден будет бежать не только из Москвы, но и из России. Когда же ему окончательно досадили советами и упреками, что бездействие русской армии беспокоит царя и Россию, он резко и в последний раз объяснил:

— Дело надо вести к тому, чтобы спасти Россию, а не к тому, чтобы ее успокоить.

Уверенность полководца в правильности избранного им пути опиралась на гениальный стратегический анализ обстановки, сложившейся в Европе, в Москве, Петербурге и деревнях. Кутузов учел психологию военачальника враждебной армии и свой опыт борьбы с ним под Браунау, Аустерлицем, Бородиным.

В Тарутинский лагерь прибывали сотни людей, но с разными целями шли они к Кутузову и по-разному участвовали в войне 1812 года. Шли иногда просто убедиться, что русская армия существует и может продолжать войну, ибо после сдачи Москвы и распространения панических слухов из Петербурга многим казалось все погибшим. В Тарутинно нахлынули купцы, развернувшие бойкую торговлю. Прибыло духовенство благословлять русское оружие и предавать анафеме Наполеона. Приехали помещики, чтобы по-

Сквозь пожар.

требовать, если удастся, возмещения убытков за разоренные войной имения, и пришли крестьяне за оружием для борьбы с врагами родины.

Дворянство кричало о патриотизме, о любви к отечеству, а на деле это сводилось к тому, как пишет современник, что «гостиные наполнялись патриотами — кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто отказался от лафита и принялся за русские щи; заговорили о Минине и Пожарском, стали проповедовать народную войну, сами, однако, собираясь на долгих отправиться в дальние саратовские деревни... Кричали о народном ополчении и сдавали в армию людей пожилых, с телесными недостатками, плохого поведения».

Эти «патриоты» говорили о жертвах и требовали возместить убытки за вытоптаный урожай и за разлетевшихся при пожаре Москвы канареек, за убитых крепостных и разбитые четыре кувшина сливок, за серебряные оклады с икон и пропавшие при бегстве из Москвы чулки и шамишкетки.

Не это дворянство решало исход битв и не купечество, «сдиравшее за ружье 80 рублей вместо 15, за саблю — 40 рублей вместо 6». Сам Ростопчин писал, что «всяк, бежавший из Москвы купец, беглый поп и малодушный дворянин, почитает себя героем». Не они были героями, не они вели народную войну. Только часть дворянства, та, из которой вышли декабристы, ходила в героические атаки на Бородинском поле.

Шестнадцатилетним мальчиком будущий знаменитый декабрист Муравьев скрылся из дому, чтобы участвовать в борьбе с французами.

«Пойти парламентаром, чтобы всадить Наполеону в бок кинжал», стремился будущий декабрист Лунин. Они пошли с русским народом, поняв «дух народный». На вопрос царя, какой «дух народный», будущий декабрист Волконский отвечал:

— Каждый крестьянин — герой, преданный отечеству и вам.

— А дворянство?

— Стыжусь, что принадлежу к нему, было много слов, а на деле ничего...

Не царю был предан русский крестьянин. Устами однодворца Курской губернии, осужденного синодом к вырыванию ноздрей, палочным ударам и каторге за слова: «Госу-

дарь проспал Москву и всю Россию», крестьянин сказал, кому он предан. Он был предан своей родине, разоряемой вторгнувшимися завоевателями. За родину он поднялся на борьбу с ними, убедившись, что долгожданной свободы не несет и Наполеон. Наоборот, он вооруженной силой поддерживает помещиков против крестьян.

Наполеон нес русскому народу бедствия и разорение.

В. И. Ленин писал, что «... войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»¹.

Вот на эту национально-освободительную Отечественную войну и поднялся русский народ, мужественно и беззаветно защищая свое отечество, добровольно пополняя армию новыми тысячами рекрут, вливавшихся в героические кутузовские полки. Из далеких донских степей в Тарутино пришли 26 казачьих полков, шли все новые и новые рекрутские пополнения.

Кутузова часто можно было видеть окруженным тысячной толпой крестьян, с которыми он вел беседы, указывал, как вести партизанскую борьбу.

В те дни Крылов написал свою басню «Волк на псарне». Знаменитый баснописец волком изобразил Наполеона, а ловчим — Кутузова.

Однажды перед собравшимися крестьянами Кутузов прочел эту басню и, читая последние слова: «Ты сер, а я, приятель, сед», снял фуражку, открывая свои седины. Могучее «ура» прокатилось над тарутинским полем. Каждый понял, какого волка зовет их травить старый, испытанный ловчий, и партизанские отряды кутузовской армии не давали покоя французам. Располагавшиеся в деревнях резервные партии просыпались в подожженных домах и, выбегая, гибли под ударами партизан. Крупные части наталкивались на разобранные мосты и заваленные дороги, конвой почти никогда не спасал обозы от захвата. Огром-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 181.

ную роль в партизанской борьбе играли отряды Давыдова, Фигнера, Сеславица, Дорохова, Кудашева и другие, выделенные из кавалерийских и казачьих частей кутузовской армии, но не меньшую роль играли и партизанские отряды, которыми коначдовали выдвинутые крестьянами руководители.

Вот Герасим Курин, избранный вождем партизан Вохтинской волости, организовавший отряд в 6000 крестьян, участвовавший с ним в серьезных сражениях. История сохранила имя старостихи Василисы, партизанившей в Сычевском уезде.

Талантливейшим организатором и командиром оказался рядовой Киевского драгунского полка Четвертаков. Крепостной помещика Черниговской губернии, он был сдан в солдаты в 1804 году. Не выдержав каторжных условий солдатской жизни, он бежал, был пойман, жестоко наказан розгами, опять собирался бежать, но началась война 1805 года, затем войны 1806 — 1809 годов, в которых он выказывал замечательную храбрость, и, наконец, война 1812 года. В арьергардном бою под Гжатском Четвертаков был ранен, взят в плен, выздоровел, бежал из плена и начал беспощадную партизанскую борьбу на территории, занятой французами.

Сначала за ним пошел только один крестьянин. Хитростью они захватили в плен двух конных французов. Вооружившись, убили еще нескольких. Скоро отряд Четвертакова вырос до 47, а затем до 150 человек, и, наконец, весь район поднялся под его руководством, очищая деревни от противника. Во всех волостях Четвертаков установил замечательный порядок, который поддерживался самими крестьянами. Все входившие в его отряд проходили специальную военную подготовку. Отнятые у пленных кирасы служили мишенями; на отбитых у французов коней он посадил партизан, создав кавалерийский отряд.

Много было народных героев, подобных Курину, Четвертакову, чьи храбрость и талант во многом содействовали успеху войны.

Кутузов в гигантском масштабе объединил усилия войск с усилиями партизан и вел их к одной цели — к спасению России.

Удары армейских и крестьянских партизанских отрядов имели огромную стратегическую весомость. Нарращивая силу бородинского удара, он был равен ему по стратеги-

ческим своим последствиям. Самые скромные подсчеты показывают, что за время пребывания в Москве французская армия потеряла свыше 30 000 убитыми и взятыми в плен, в то время как действовавшие в лесах партизаны почти не несли потерь.

Представим себе, что произошло бы, если бы Кутузов не совершил фланговый тарутинский маневр и не опирался бы на поддержку партизан, которых он обучал военному делу, действиями которых он руководил.

У Наполеона были бы открыты сообщения с Европой, и, сидя в Москве, он имел бы полную возможность продолжать черпать из покоренных стран людские резервы и продовольствие. Он и рассчитывал на это, устроив огромные магазины и склады в Данциге, Граудеице, Модлине, Варшаве, Вильно, Ковно, Витебске, Минске, Орше, Могилеве, Смоленске. Помимо резервов, которые могли выставить Франция и подвластные ей страны Европы, у Наполеона было под ружьем более семи корпусов, входивших в состав его армии. Они действовали на петербургском и украинском направлениях, находились в Польше, но большая часть их могла быть в Москве. Однако стратегия Кутузова сковала Наполеона и не дала ему возможности воспользоваться ни запасами, ни резервами. По оценке Клаузевица, французская армия, находясь в Москве, загнанная острым клином на 120 миль в глубь России, имевшая справа армию Кутузова в 110 000 солдат, оказалась к тому же окруженной вооруженным народом и не могла продержаться в Москве.

Этого Наполеон не предвидел, не веря в силу русских людей, не поняв характера русского народа, не поняв, что Россия непобедима, когда на ее защиту поднимается народ.

— Напрасно вы надеетесь на своих солдат, — говорил он русскому послу. — До Аустерлица они считали себя непобедимыми, теперь они заранее уверены, что мои войска побьют их. У вас не станет людей, где вы наберете рекрут? Да и что значит ваш рекрут? Сколько времени нужно, чтоб из него сделать солдата!!

Наполеон не знал, что в петербургском ополчении крестьяне требовали, чтобы их учили воевать не только днем, но и ночью, используя свет белых ночей. И это ополчение громило отличные баварские войска и взяло Полоцк.

В трагические для Наполеона часы под Малоярославцем, убеждая его отступить, маршал Бесьер говорил:

— Разве не видели мы того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?

То, что не предвидел Наполеон, предвидел Кутузов, и своим фланговым маневром он лишил противника резервов из Европы. К нему же из глубины России шли могучие резервы. Ополчения тульское, рязанское, калужское, владимирское, смоленское, московское составили армию в 200 000 человек, прикрывали рубеж реки Оки, окружили Москву, дрались всюду, где представлялась возможность.

Кутузов вооружал крестьян, несмотря на сопротивление помещиков. Помещики попрежнему были против вооружения крестьян, и классовая борьба не прекращалась. Об этом свидетельствует восстание рекрут в Пензенской губернии, решивших побить французов и освободиться от крепостного права; об этом свидетельствует расстрел Бенкендорфом крестьян, занявших брошенное помещиком имение; об этом говорили сами крестьяне, которым во время призыва записываться в ополчение хотя неофициально, но с молчаливого согласия императора было обещано освобождение в награду за патриотизм; «с людьми, защищавшими Русь, нельзя-де обращаться, как с рабами», писал Маркс.

Крестьяне брались за оружие часто вопреки воле помещика, и их наказывали за уход в армию, как за побег, о чем говорит следующий документ: «Явившийся сего числа в присутствии для записи в ратники помещика Павла Бельского дворовый человек Евтих Михеев, как в отношении г. губернского предводителя обозначено, таковых людей без воли помещика не определять, то посему оный для поступления за побег по законам при сем к вам препровождается».

В этих условиях Кутузов писал царю, что он не только не удерживал население от вооружения, «но, напротив того, посредством дежурного при мне генерала Коновницына усиливал желания сии и снабжал их неприятельскими ружьями. Таким образом, жители получали ружья из главного моего дежурства».

Крестьяне объединялись, давали общую присягу не выдавать друг друга, жестоко наказывать трусов и шли к штабу Кутузова.

В подмосковные леса, на дороги, ведущие к древней

столице России, выходили партизанские отряды, деятельность которых направлял Кутузов.

«По приказанию его светлости, — гласил приказ из штаба Кутузова генералу Орлову-Денисову, — назначается Вашему сиятельству отряд легких войск, с коими вместе Вы отправитесь на новую Калужскую дорогу, откуда делая нападение на Можайскую и, если возможно, на Рязанскую дороги, стараясь причинить всякого рода вред неприятелю, наиболее иметь в виду сожжение артиллерийских парков, которые к нему от Можайска идут. Не нужно упоминать Вам, сколь деятелен и решителен должен быть партизан, и для того, имея в виду какое-нибудь отважное предприятие, имеете Вы действовать по соответственному усмотрению. Рапорты Ваши имеете Вы посылать как можно чаще, пленных же, если возможно, — под прикрытием некоторых казаков и вооруженных мужиков. Его светлость особенным удовольствием поставит себе отличать тех, коих Ваше сиятельство представите. Ибо Вы отрядом Вашим можете большой вред учинить неприятелю».

Гвардии капитану Сеславиному Кутузов приказывает действовать по дороге от Боровска к Москве на фланг и тыл неприятеля, взаимодействуя с соседним отрядом капитана Фигнера. «Отобранным от неприятеля оружием, — подтверждает Кутузов, — вооружить мужиков, отчего Ваш отряд весьма усилиться может. Мужиков ободрять подвигами, которые оказали в других местах...»

Сеславин обнаружил движение Наполеона из Москвы на Калугу и донес Кутузову. Попавшего в окружение партизана Дорохова Кутузов учит, что «партизан никогда в сие положение притти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько нужно для накормления людей и лошадей, марши должен летучий отряд партизан делать скрытные, по малым дорогам. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, да не можно было дать об нем известие. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим».

Видя огромный патриотический подъем в народе, чувствуя поддержку народную, Кутузов писал: «Но какой полководец не поражал врагов подобно мне с сим мужественным народом! Я счастлив, предводительствуя русскими». А много лет спустя после войны, один из сподвижников Наполеона написал о русских людях вещи сло-

ва: «Товарищи, воздадим им должное! Они всё принесли в жертву без колебаний! Их доброе имя сохранилось во всем величии и чистоте. Когда во все слои их общества проникнет цивилизация, этот великий народ создаст великую эпоху и овладеет скипетром славы».

Приведенный в действие гениальный стратегический план Кутузова оправдал себя. Силы русской армии росли. Наступил момент, когда от обороны можно было перейти в решающее наступление. В новые бои повел Кутузов свою армию, которая, помимо партизан и ополчения, насчитывала 97 000 солдат при 622 орудиях.

ГЛАВА VI

Темной осенней ночью по грязи и лужам мчался с конвоем казаков штаб-офицер Бологовский. Он загнал одного коня, пересел на заводного, карьером поскакал дальше и в час ночи был у штаба Кутузова в Леташевке. В штабе, кроме дежурного адъютанта, все спали. Бологовский, как и все в армии, знал, что двери избы дежурного генерала Коновницына всегда открыты и каждому прибывшему с любым донесением разрешено самим Коновницыным будить его. А донесение, которое привез Бологовский, определяло дальнейшие судьбы войны. Генерал Дохтуров, которого Кутузов выдвинул в направлении Москвы, сообщал, что партизан Сеславин, укрывшись в лесу, «видел Наполеона со всею его свитою, а также французскую гвардию и другие войска в значительном числе». Пропустив их мимо своего отряда, Сеславин захватил нескольких отставших гвардейцев и привез с собою как явное доказательство присутствия самого Наполеона. Один из пленных, расторопный унтер-офицер, показал следующее: «Уже прошло четыре дня, как мы вышли из Москвы. Маршал Мортье с особым отрядом оставлен в Москве и, взорвав кремлевские стены, присоединится к армии. Дальнейшее направление нашей армии — на Малоярославец...»

Коновницын немедленно понес донесение Кутузову, и вскоре к нему вызвали Бологовского. Михаил Илларионович сидел на кровати.

— Расскажи, друг мой, — встретил он Бологовского, — что такое за событие, о котором весть привез ты мне. Неужели в самом деле Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорее, не томи сердце, оно дрожит.

Бологовский повторил рассказ. Михаил Илларионович

всхлипнул, стал коленями на кровать, повернулся к иконе и тихо произнес:

— Боже, создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена...

Терпение и выдержка русского полководца победили, предвидение его сбылось, и Наполеон бежит. А он преградит Наполеону путь, загородит ему обе дороги, ведущие на Калугу, где сосредоточены огромные запасы русской армии и откуда ведут пути в «полуденные», «не разоренные войной губернии России». Это лишит Наполеона единственной возможности спасти свою армию, возможности, к которой действительно рвался в те дни Наполеон.

Теперь в кутузовском штабе уже незаметно медлений. Главнокомандующий работает с большим напряжением, энергией. Главным силам приказано быть готовыми к выступлению. Дохтурову предписано немедленно двигаться и опередив Наполеона в Малоярославце, преградить ему путь на Калугу. «Его светлость желает, чтобы предприятие сие было покрыто непроницаемой тайной», передал Дохтурову Ермолов. Платов направлен прикрывать вторую дорогу на Калугу. Милорадович брошен в поиск против Мюрата. К дорогам на Калугу стянуты партизанские отряды, в местах переправ наводятся мосты.

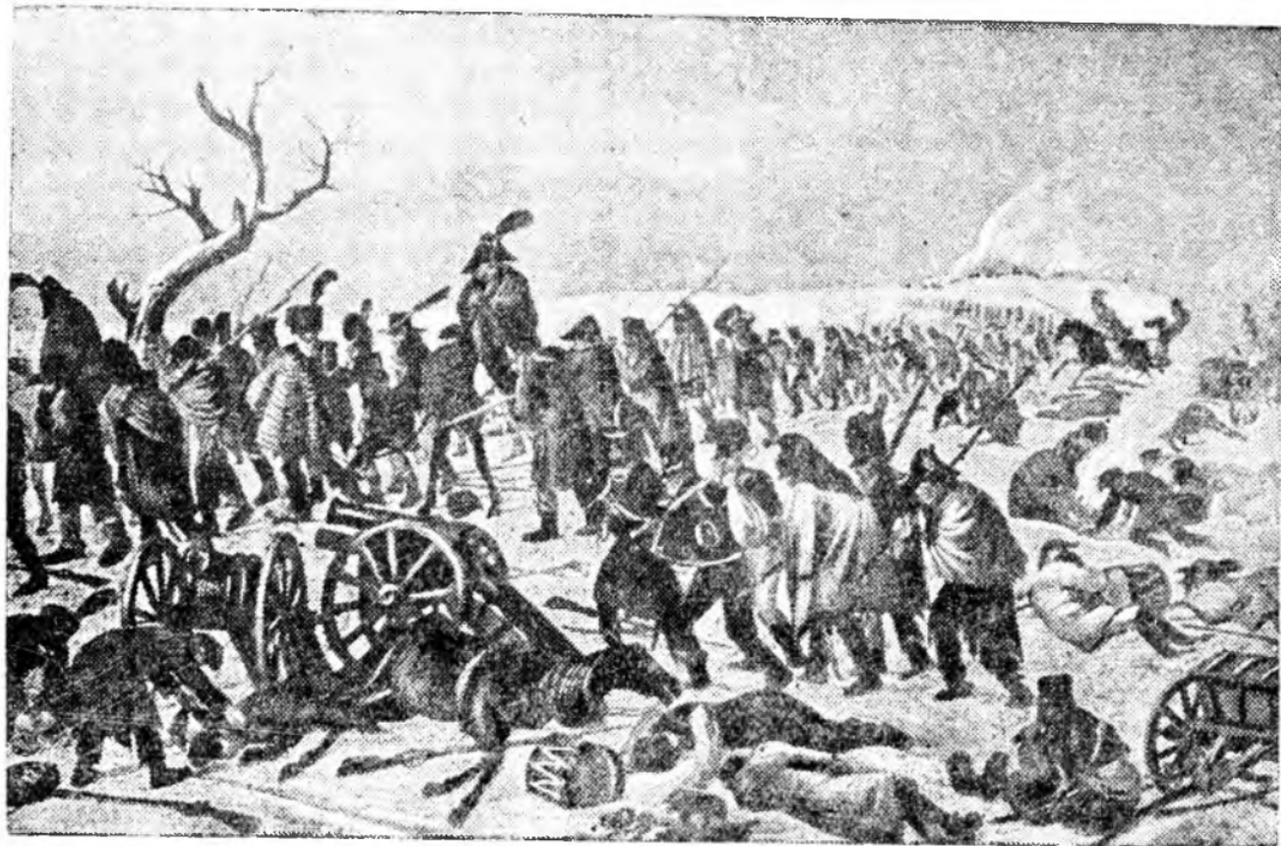
Войска ревностно выполняют приказы Кутузова, их ничто не останавливает, им помогает население. Когда Дохтурову пришлось переправляться через глубокую речку Протву, крестьяне разобрали свои избы, свили из проложенной в стенах пакли веревки, связали ими мостки, по которым переправился весь корпус Дохтурова, направлявшийся к Малоярославцу.

Данные разведки окончательно подтвердили, что туда же ведет свою армию и Наполеон. Кутузов оставил Тарутинский лагерь и с главными силами двинулся Наполеону навстречу.

День и ночь шли русские полки. К рассвету они были уже в пяти верстах от Малоярославца, высившегося на крутом берегу реки Лужи, притока реки Москвы.

На узких улицах городка, в садах и оврагах шел уже бой — это Дохтуров столкнулся с Евгением Богарнэ.

Богарнэ имел перевес сил, но Дохтуров занимал более выгодное положение, и это давало ему возможность пока держаться. Богарнэ в этот день, который Наполеон назвал лучшим днем боевой жизни принца Евгения, сделал

Отступление французской армии

невозможное и после трех атак вытеснил русских из Малоярославца.

Кутузов долго не вводил в бой главные силы, затем сам выехал к полю сражения. Кругом свистели пули, катились ядра. Генералы указывали Кутузову на смертельную опасность, но Михаил Илларионович оставался равнодушным к предупреждениям. Разобравшись в обстановке, он тихо сказал Коновницыну:

— Ты знаешь, как я берегу тебя и всегда прошу не кидаться в огонь, а сегодня прошу — очисти город...

Коновницын устремился в бой, за ним Кутузов двинул корпус Раевского. Французов выбили из города. Но к Богарнэ подошли главные силы французской армии. Наполеон бросил их в бой. Сражение разгорелось с новой силой и длилось восемнадцать часов. Восемь раз Малоярославец переходил из рук в руки и в конце концов остался за французами, но при первой их попытке пробраться из города на Калужскую дорогу они были отброшены артиллерийским огнем. К Кутузову, совершив пятидесятиверстный марш, подошел Милорадович, и теперь вся русская армия собралась у Малоярославца.

Наступила ночь. Бой прекратился, и тишину нарушали лишь редкая перестрелка на окраинах и крики раненых, оставленных на улицах горевшего города и погибавших в огне. Зарево пожара освещало окрестности Малоярославца.

Кутузов со штабом расположился в лесу у костра. Он ждал к утру наступления французов и решил переменить позицию. Горевший город выгод уже не представлял, холмистая местность перед ним мешала действовать кавалерии, позади был овраг, и Кутузов решил отвести русскую армию за овраг. Этому воспротивились Вильсон, Беннигсен и даже любимец Кутузова Толь. Толь считал, что надо перейти в наступление, а не отходить. Беннигсен иронически поздравлял с успехом в новом сражении, и Кутузов так же иронически убеждал Толя:

— Видите, опытный генерал говорил, что завтра нападет на меня неприятель, а вы хотите, чтобы я действовал, как заносчивый гусар, — и, положив руку на плечо Толя, добавил: — Поди, милый, и напиши все, что я тебе говорил.

Кутузов перевел армию за овраг.

Он мог быть доволен результатами дня. «... Сей день один из знаменитейших в войне 1812 года, ибо потерянное

сражение при Малоярославце повлекло бы за собой пагубнейшие следствия и открыло путь неприятелю в богатейшие наши губернии», записано в журнале военных действий русской армии «А между тем, — пишет историк Окунев, — сама Бородинская битва не была так нужна для Наполеона, как битва при Малоярославце. Правда, что первая открыла ему вход в Москву, но не принесла ничего, кроме бесплодного трофея и гибельных последствий, между тем спасение всей его армии зависело от последней...»

Отдав все распоряжения, Кутузов спокойно уснул на разостланной бурке в лесу под открытым небом.

Несмотря на глубокую ночь, Наполеон не спал. Ему донесли, что позиция русских за оврагом неприступна. Французский император сидел в заброшенной избе деревушки Геродни, недалеко от Малоярославца, опершись на стол, закрыв лицо руками и не глядя на лежавшую перед ним карту России.

Вокруг, молчаливые и неподвижные, стояли маршалы. Они ждали приказа императора. Наконец он заговорил, ни к кому не обращаясь, ни у кого не спрашивая. Он, словно не замечая присутствующих, разговаривал сам с собой:

— Прибытие князя Кутузова изменило положение. Неприятель принял боевое положение. Мы нападем на него, сражение неизбежно. Должны ли мы дать сражение при настоящем положении дела?

Он посмотрел на карту: дороги тянулись на Калугу и на Можайск. На первой ждал Кутузов, на второй — позор отступления. По какой итти?

Наполеон умолк. В тревожной тишине медленно тянулось время. Наконец Наполеон встал и, не выслушав мнения маршалов, не сказав им своего решения, мановением руки отпустил их.

Всю эту ночь провел Наполеон без сна. Трудно было впервые в жизни принимать решение бежать от противника.

Стало светать. Наполеон со свитой опять выехал на рекогносцировку, во время которой на них налетел казачий разъезд, и только случайность спасла Наполеона от плена или казачьей пики. Это потрясло Наполеона. Вернувшись в штаб, он потребовал у своего врача яду, очевидно, чтобы отравиться, если не удастся избежать плена.

В десять часов утра под охраной конвоя Наполеон все же опять выехал на осмотр позиций русской армии. Он не мог еще примириться с мыслью, что должен отступить.

Но грозная и непобедимая, на неприступной позиции стояла армия Кутузова, армия, которую он знал по Аустерлицу, Прейсиш-Эйлау, Бородину, Малоярославцу, и Наполеон понял, что почетного выхода у него нет. Оставался pozorный выход — бежать по разоренной Смоленской дороге.

«... Помните ли вы, — с тоской вспоминал Сегюр, — это злосчастное поле битвы, на котором остановилось завоевание мира, где двадцать лет непрерывных побед рассыпались в прах, где началось великое крушение нашего счастья? Представляется ли еще вашим глазам этот разрушенный кровавый город и эти глубокие овраги и леса, которые, окружая высокую долину, образуют из нее замкнутое место? С одной стороны, французы, уходившие с севера, которого они так пугались, а с другой — у опушек лесов русские, охранявшие дорогу на юг и пытавшиеся толкнуть нас во власть их грозной зимы. Представляется ли вам Наполеон между двумя армиями посреди этой долины, его шаги, его взгляды, блуждавшие с юга на восток — с Калужской дороги на Медынскую? Обе они закрыты. На Калужской Кутузов и 120 000 человек, готовых оспаривать у него 20 лье лошадины; со стороны Медыни он видит многочисленную кавалерию — это Платов... Маршалы, уже не стесняясь присутствия императора, обсуждая положение, начали ссору... «Хорошо, господа, — остановил он маршалов, — я решу сам».

Он приказал было готовиться к наступлению, тайнописью написал приказ маршалу Виктору спешить из Смоленска, но в этот момент ему доложили, что и в тылу и на фланге появились казаки. Это упало последней гирей на чашу весов.

Французская армия получила приказ отступать. Впереди своей гвардии на разоренную Смоленскую дорогу вступил Наполеон. Начиналось бегство.

«Мог бы я гордиться, что от меня первого бежит Наполеон, — писал Кутузов жене, — но бог смиряет гордыню».

Через пятьдесят два дня после Бородинского сражения Наполеон со своей армией опять подошел к Бородину.

Вся земля была усеяна десятками тысяч трупов, растерзанных хищниками и псами. Потрясенные ужасным зрелищем, проходили по полю солдаты французской армии. Они стремились скорее уйти с этого огромного кладбища.

Солдаты уходили все дальше, но каждый из них, как

никогда раньше, понимал, что все жертвы напрасны. Россию победить не удалось, а их ждет участь, товарищей. чьи изуродованные трупы видели они на Бородинском поле. Смерть следует за плечами, идет сбоку, стоит впереди, заглядывая в глаза. Сзади наседали казаки Платова, на фланге двигалась вся русская армия, впереди ждали голод и зимняя стужа.

В армии Наполеона, шедшей в Россию побеждать «русских варваров», установились звериные отношения между людьми, она сама стала скопищем варваров. Армия стала распадаться. Солдаты перестали подчиняться офицерам, потому что поняли, что гибнут они за чужие интересы, а офицеры бросили на произвол голодных солдат, оберегая лишь имущество, награбленное в Москве. Французская гвардия грабила вестфальские части, отнимая у них провиант, между французами и пруссаками, между итальянцами и поляками, между солдатами десятков национальностей возникали смертные побоища из-за хлеба, из-за теплых вещей, за место у ночного костра. Ночью обкрадывали друг друга, уводили друг у друга коней, раздевали и забирали одежду умирающих, убивали, отнимая кусок хлеба.

Отступавшая армия проходила мимо находившегося у Бородина Колоцкого монастыря, обращенного в лазарет. Узнав об отступлении своей армии, раненые выползали на дорогу, умоляя взять их с собой. Наполеон не выдержал и, хотя сам приказал оставить в Москве тысячи больных, разрешил забрать раненых из Колоцкого монастыря, положив по одному на каждую обозную повозку и на экипажи, груженные награбленными вещами.

Но ночью, когда Наполеон уехал вперед, обозники, интенданты стали сбрасывать в грязь под колеса и копыта коней героев Бородинского сражения. Дикие крики, мольбы и проклятия людей, оставленных на мучительную смерть от холода, голода, на растерзание волков и собак, неслись вслед убегавшей французской армии. Наполеон, находясь в авангарде, сделал вид, что не знает того, что творится позади. Он сам еще под Москвой не смог проехать сквозь обозы с награбленными вещами, которые тянулись на 35 верст. Но уничтожить их не решился, боясь прямого неповиновения.

Знал Наполеон, что по его же приказу в тылу творится еще одно страшное злодеяние, возмутившее даже маршалов. Пленных русских солдат, которых вели из самой

Москвы, измученных, полуодетых, приказано было убивать, если они отставали больше чем на пятьдесят шагов. Их никто не кормил, силы покидали их с каждым днем, они шли все медленней, затем отставали на шаг, два... пять... десять... Многие, завидев деревню, тянулись к ней, чтобы не умереть в открытом поле. Друзья приходили им на помощь, вели ослабевших под руки, но силы иссякали, друзья прощались и уходили не оглядываясь, потому что к отставшему подходил конвойный и убивал его. Отставших становилось все больше, выстрелы раздавались все чаще, а затем из экономии патронов отставших стали закалывать штыками или разбивали им головы прикладами.

Французская армия оставляла за собой вереницу трупов русских людей, и это еще больше усиливало непримиримую ненависть к врагу у преследовавших неприятеля солдат и казаков.

С невиданной стремительностью и смелостью они вели преследование. Первая же попытка арьергарда под командованием Даву задержать преследующих стоила ему многих потерь людьми, орудиями, знаменами, и французы побежали дальше. «Неприятеля преследуем столь живо, — доносил Кутузову Платов, — что он бежит так, как никогда никакая армия ретироваться не может. Он бросает по дороге все свои тяжести, больных, раненых, и никакое перо историка не в состоянии изобразить картины ужаса, которые он оставляет по большой дороге. Поистине сказать, что нет десяти шагов, где бы не лежал умирающий, мертвый или лошадь. В два дня он поднял на воздух в виду нашем более 100 ящиков (зарядных). Такое же число принужден был оставить на месте за быстрым нашим преследованием».

Ночью под Вязьмой Милорадович, нагнав Даву, Нея и Богарнэ, повел свои войска в рукопашный бой, нанес противнику огромный урон и погнал дальше. Партизаны Сеславин, Фигнер, Денис Давыдов, Кудашев, отряды крестьян, которым не было числа, довершали удары регулярных частей и казаков. Сдавались в плен не только мелкие части. Положила оружие целая дивизия Ожеро — 2000 солдат и 60 офицеров. Огромный подъем, охвативший русскую армию, преследующую и уничтожающую врага, удесятерил ее силы.

Если русская армия в столь же тяжелых условиях осени, голода, обреченности, имея против себя вчетверо силь-

нейшего противника, совершила марш-отход Браунау — Цнайм, если она с успехом отошла под тройным превосходством сил от Немана до Москвы, то многонациональная по своему составу армия, имевшая захватнические цели, оказалась неспособной выдержать трудности своего отступления. Каждый обрыв, ручей, мост, река, где скоплялись, задерживая и давя друг друга разные части, обозы, артиллерия, пехота, стоили новых жертв. Каждый новый удар преследования ускорял гибель наполеоновской армии. К Смоленску у Наполеона из 100 000 солдат, вышедших из Москвы, осталось всего 40 000. Были попытки объяснить столь большие потери холодами и голодом. Теперь уже окончательно установлено, что осень стояла удивительно теплая и только под Смоленском начались холода. Голод начался потому, что Кутузов отбросил Наполеона на разоренную дорогу, но он усилился из-за развала, царившего в бегущей армии после ударов, полученных в бою.

Наконец французская армия достигла Смоленска. Здесь Наполеон рассчитывал найти запасы провианта, дать армии отдых и привести ее в порядок. Но запасов почти не оказалось. Наполеон приказал расстрелять смоленского интенданта, и тот, умоляя о пощаде, рассказал, как маршевые партии без разрешения разбирали запасы, напомнил, что по приказу Наполеона запасы отправлялись в Москву, но в пути их перехватывали партизаны. Русские захватили все крупнейшие базы снабжения, согнанные к Смоленску стада скота, и в городе осталось провианта на несколько дней. Наполеон решил уцелевшее продовольствие отдать императорской гвардии, вступившей в Смоленск, а другие части оставить вне города. Толпы людей, обезумевших, потерявших человеческий облик, одетых в лохмотья, женские салопы, поповские рясы, людей, почерневших от грязи, с дикими, слезящимися от стужи глазами, ломились в город. Но Наполеон приказал запереть ворота крепости, и гвардейцы отгоняли оружием голодных солдат. За первую же ночь было съедено 215 строевых коней кавалерии и артиллерии, расположенных вне крепости, а к утру, выломав ворота, солдаты ворвались в Смоленск и начали грабить склады и винные погреба.

Посланные на усмирение гвардейцы сами перепились и затеяли побоище. На улицах города появились новые трупы людей. Узнав, что Кутузов начал параллельное пре-

следование и прозит отрезать ему пути через Оршу, Наполеон, бросив Смоленск, продолжал отступление.

Расчетливо и уверенно вел Кутузов преследование.

«Думаю нанести Наполеону величайший вред параллельным преследованием и, наконец, действовать на его операционные пути, — писал Кутузов из-под Малоярославца. — Я приобретаю разные выгоды, — объяснял он: — 1) Кратчайшим путем достигаю Орши, если неприятель станет на нее отступать. Если же Наполеон обратится на Могилев, то пересеку ему туда совершенно путь. 2) Прикрываю край, откуда к армии приходят запасы».

Невероятные лишения и трудности несли и русские солдаты, преследуя врагов по снежным полям, в морозы и вьюги суровой зимы.

Кутузов обратился к солдатам с призывом:

«... После таких чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костями его. И так мы будем преследовать неутомимо. Настают зима, вьюги и морозы. Но вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь наша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов: она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается. Вы будете уметь переносить кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением, старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова, который научил сносить холод и голод, когда дело шло о победе и о славе русского народа».

Но, требуя от солдат жертв, Кутузов сделал все возможное, чтобы облегчить их положение. «Главкомандующий для сбережения войск приказал располагать их на кантонир-квартирах», записал Толь приказ Кутузова. Армия была снабжена полушубками, хлебом, мясом и даже вином, но снабжение иногда отставало от стремительно преследующих, добивавших противника войск.

Под Красным произошло новое сражение, в котором Наполеон потерял 26 000 солдат и 216 орудий и бежал дальше. Но все это казалось недостаточным царю, Беннигсену, Вильсону и другим генералам, мечтавшим взять в плен самого Наполеона.

Александр, обвиняя Кутузова в медленности преследования, писал: «Все несчастья, из того проистечь могущие,

остаются на личной вашей ответственности». Кутузов отвел царю подробным рапортом.

С Беннигсеном Кутузов расправился еще под Тарутиным. Он получил из Петербурга рескрипт о награждении Беннигсена за Тарутино, о чем ходатайствовал раньше, и вместе с этим вернулся сочиненный Беннигсеном грязный донос на Кутузова. Кутузов в присутствии всех генералов дал Беннигсену прочесть вслух рескрипт, что он охотно исполнил, а затем попросил прочесть также вслух и этот донос. Отстраненный Кутузовым от дел Беннигсен остался при армии и, видя, что все обходится без него, пытался что-то делать, мешая Кутузову руководить операциями. Старик рассердился, заявив, что, если адъютант Беннигсена еще раз появится в штабе, он повесит адъютанта. Беннигсена он выслал из армии.

Свое отношение к ходу событий Кутузов выразил в беседе с интендантом наполеоновской армии Пюибюском, взятым в плен и описавшим эту беседу.

«Пюибюск, ты мог видеть, — сказал он мне, — как скоро ваша армия оставила Москву, я запер вам все те новые выходы, которыми вы хотели пробраться, даже отступил от принятого мною плана избегать как можно сражений.

При Малоярославце я с вами сразился для того, что мне нужно было заставить вас идти тою дорогою, которая была опустошена вами же. Я был уверен, что, кроме нескольких деревянных изб, вам разрушать уже более нечего. Я приказал также графу Платову идти сбоку подле вашего правого фланга. Наша армия шла за вами, и одна ее часть подле левого вашего фланга не допускала ваших фуражиров отдаляться от дороги. Как пленных, так точно и вас вел от Вязьмы до Смоленска. От меня зависело истребить вас еще до прибытия в сей город, но я, уверенный в вашей гибели, не хотел жертвовать ни одним из своих солдат. Ты видишь, что с тех пор, как ты со мною, через каждые три дня я даю им роздых, и, ежели бы провианта или вина у меня не достало, я бы тотчас остановился, заперся бы, и никто не посмел бы явиться перед моей армией! Вот как мы, северные варвары, сохраняем людей!

Ваших лошадей я поморил с голоду, но я знал, что через сие вынужу вас бросить всю вашу артиллерию в Смоленске. Так и случилось. Вышедши из него, у вас не было более ни пушек, ни конницы. Мой авангард с 50 пушками ожидал вас под Красным. Я желал истребить вас без со-

Отступление Наполеона из России.

противлений и потому приказал стрелять только по хвостам ваших колонн, конницу же пускать только на расстроенные ваши отряды. Сам Наполеон помогал мне: он сверх моих ожиданий растянул свои корпуса так, что между ними было расстояние на целый день пути. Я не ходил с места четыре дня, и вот ваша гвардия и все корпуса, следовавшие за Наполеоном, постепенно мимо проходили, каждый для того, чтобы оставить половину своих солдат с нами.

Поверь, что спаслось под Красным, то с великим трудом пройдет Оршу. Распоряжения мои сделаны до Березины таким образом, что там должен быть конец путешествий вашей армии и ее полководца. Разумею, если приказания мои исполнятся в точности.

Бесспорно, у вас были прекрасные солдаты, но многие остатки их приходили умирать при Красном под нашими пушками. Их мужество достойно было лучшей участи и лучшего начальника».

Наполеона Кутузов отлично понимал и строил свои планы, раскрывая его замыслы. Когда Пюибюск возразил Кутузову, что Наполеон собирался остаться в Смоленске, Кутузов ответил: «Я не думаю, чтоб сей план был изобретением Наполеона, слишком привыкшего к коротким кампаниям, а и нельзя думать, чтобы он решился употребить два года на завоевание одного государства. Кто его знает хорошо, тот может быть в том уверен, что в его предприятиях не имеет места то, что требуют время, терпение и рассудительная медлительность... Если бы он захотел продолжать свои завоевания далее за Москву, то мы могли бы еще миль пятьсот уступить ему, но его силы уже истощились до Москвы».

ГЛАВА VII

Но даже и теперь Наполеон не хотел сознаваться, что дело безнадежно. Еще под Вязмой от его имени Бертье требует объяснений от маршалов, «как могло случиться, что неприятельский корпус, который покусился перерезать сообщения между французскими дивизиями, не был взят в плен».

Наполеон едет одетый в соболью шубу, покрытую зеленым бархатом и украшенную золотыми шнурами, в меховой шапке и теплых сапогах. Его окружает императорская

гвардия, которая еще сильна, но другие части его армии гибнут... Он знает это, но делает вид, что ничего не происходит, и, когда один полковник стал подробно докладывать ему об ужасном положении солдат, Наполеон оборвал его:

— Полковник, я вас об этом не спрашиваю...

Ему докладывали о массовом дезертирстве, и он приказал беспощадно расстреливать за малейшую отлучку из части. Но ничего не спасало, и армия продолжала таять.

Погибла вся кавалерия. Из отдельных всадников Наполеон образовал особый эскадрон и назвал его священным, но и это не спасло последних кавалеристов от гибели. Он хотел спасти гвардию и оставил в арьергарде лучшего маршала — Нея, а сам ушел вперед. Но погиб и арьергард, и только под Оршей к одному из костров приблизилась одинокая огромная фигура, и на вопрос, кто он, человек ответил:

— Я арьергард великой армии — маршал Ней.

Но даже и в этой обстановке Наполеону кажется, что он всемогущ и достаточно ему захотеть, и он повернет события в свою пользу.

— Довольно я был императором, настало время стать опять генералом, — говорит он маршалам, приказывает собрать остатки старой гвардии, обращается к ней с речью, призывая показать образец стойкости. Гвардейцы опять кричат: «Да здравствует император!» И, чтобы показать пример, он идет с гвардейцами пешком.

Но ничего не помогает. Новые удары партизан и казаков, стужа и голод разрушают армию. Наполеона не слушают, он беспомощен, он жалуется:

— Больше десяти градусов мороза, я не могу найти на месте ни одного генерала.

Наполеон еще не знает, что десятки офицеров, не только итальянцев, немцев, но и французов, перебегают к русским и просят взять их на русскую службу, он не предвидит, что после Березины его любимец Мюрат будет жалеть о том, что своевременно не продался Англии.

Наполеон приказывает во всех частях бить в барабаны, собрать всех отставших и разбежавшихся и вестик Орше. Но никто не собирается, а наоборот, услышав бой барабанов, дезертиры разбегаются еще дальше. Тогда он объявляет, что будут выдавать пищу, но мародеров и это не манит. Наконец он решается сделать то, что следова-

ло сделать под Москвой, — сжечь все повозки с награбленным, а лошадей отдать в артиллерию, спасти пушки. Но конидохнут, и по всей дороге тянутся их трупы, брошенные орудия, ломаные повозки, взорванные зарядные ящики и всюду, всюду мертвые люди. О них уже никто не говорит, только продолжает собирать сухие рапорты командиров полков аккуратный Бертье, но и он в конце концов бросает свою канцелярию, теряет маршалский жезл. Все это достается русским, которые прочли в одном из оставленных Бертье документов:

„Императорская армия.

6-й полк тиральеров

При отбытии из Смоленска было под ружьем офицеров 27, солдат 470.

Остались на месте сражения, умерли от ран и голода, попали в руки неприятеля офицеров 10, солдат 440.

В полку налицо офицеров 17, солдат 24.

4-й полк тиральеров

Осталось в полку налицо офицеров 14, солдат 10.

4-й полк вольтижеров

Осталось в полку налицо офицеров 26, солдат 29^а.

Кругом брели люди разноплеменной Европы, их ничто не сплывало, и они превращались в зверей. Они собирались еще у костров и, чувствуя смертельный холод, тянулись к огню. Иногда пламя охватывало чью-нибудь голову, но не было сил потушить, и живой человек на глазах у других падал в костер. Его товарищи оставались у потухших костров, не имея сил подняться.

«...Стаи воронов поднимались над нами с зловещим криком, собаки следовали за нами с самой Москвы, питаясь нашими кровавыми останками, — писал французский офицер Лабом. — То, что не поедают хищники, вороны и псы, покрывает зима».

Вьюга наметала над трупами белые холмики снега, и большая Смоленская дорога стала длинным кладбищем армии Наполеона.

С остатками своей армии Наполеон стремился к Березине. За Березиной Наполеон мог считать себя вне опасности. Он шел, опираясь на палку, когда к нему навстречу подошел офицер с донесением от маршала Удино, кото-

рый действовал на Березине. Наполеон остановился, выслушал и, точно не понимая, несколько раз спросил:

— Что он говорит?

Бертье приказал офицеру повторить донесение, и офицер ответил:

— Маршал Удино поручил мне донести, что русская армия Чичагова пришла к Березине и заняла все переправы.

— Неправда, этого быть не может! — вскричал Наполеон.

— Два неприятельских отряда, — продолжал офицер, — заняли мост и перешли уже на левый берег. На реке лед слаб, и переходить по нему невозможно.

Выхода у Наполеона не было. Армия Чичагова, действовавшая на южном направлении, и корпус Витгенштейна, действовавший на петербургском направлении, должны были отбросить фланговые корпуса Наполеона, выйти к Березине, отрезать Наполеона от переправ, а Кутузов, наступая с тыла, должен был прижать неприятеля к Березине и уничтожить. Но ряд причин благоприятствовал Наполеону.

Чичагов захватил переправы у Борисова, но южнее Борисова оставалась еще одна переправа. Наполеон, сделав вид, что переправляется там, нашел брод и стал переправляться севернее Борисова, у Студянки. Искусный обман, военная хитрость — первая причина березинской удачи Наполеона.

В конце концов Чичагов разобрался в обмане, имел возможность вступить в бой, но не решился. Нерешительность Чичагова — вторая причина, которая помогла Наполеону избежать окончательной катастрофы.

Третьей важнейшей причиной считают медлительность Кутузова, который в нужный момент не поспел к Березине. Кутузов не форсировал марша своих главных сил, так как считал, что сил Чичагова и Витгенштейна вполне достаточно, чтобы захватить Наполеона, тем более, что в авангарде у Кутузова шли казаки и Ермолов, который сильнее, чем кто-нибудь другой в русской армии, стремился захватить в плен самого Наполеона. Отпуская его, Кутузов говорил:

— Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях.

В 1812 году.

«Ручаясь за точность исполнения, — вспоминает Ермолов, — я перекрестился, но должен признаться, что тогда же решил поступать иначе...»

Кутузов не форсировал марша и без того изнуренной армии, видя, по его собственным словам, что «все развалится без меня» и нужно беречь солдат. Он видел, что борьба прекратится за отсутствием противника и нужно побеждать малой кровью, нужно беречь армию еще потому, чтобы не стать после войны игрушкой в руках сохранивших свои армии Пруссии, Австрии, Англии. «Неприятели все равно пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придем на границу? Не притти же нам на границу, как толпе бродяг». Стремление к победе малой кровью, стремление сберечь армию, чтобы быть сильным в результате победы над Наполеоном, а не истощить свои силы, красной нитью проходит через все планы Кутузова, и он удерживает своих генералов от форсирования и без того крайне напряженных маршей. О том, насколько напряженными были эти марши, свидетельствует нам участник войны 1812 года и крупнейший военный авторитет Клаузевиц.

«Никогда, — пишет он, — преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию. Правда, русские генералы часто проявляли нерешительность в то самое мгновение, когда следовало захватить бегущих, но все же заслуживает удивления энергия общего натиска при огромном масштабе фронта. В ноябре и декабре после крайне тяжелой, напряженной кампании, среди снегов и льдов России, то по плохим проселочным дорогам, то по совершенно опустошенной большой дороге, при крупнейших продовольственных затруднениях преследовать бегущего неприятеля на расстоянии 120 миль в течение 50 дней представляет собой, пожалуй, нечто беспримерное. Чтобы вкратце очертить огромный масштаб требовавшегося напряжения, достаточно будет указать на то, что главная русская армия, выступившая из Тарутина в числе 110 000 человек, дошла до Вильно в составе 40 000. Остальные 70 000 остались позади.

Когда под Красным он наконец решился схватить за горло своего противника, когда он захотел преградить ему окончательно дорогу по сию сторону Днепра при посредстве половины своей армии под командой генерала

Тормасова и в середине этих долгожданных решительных действий снова задержался и выпустил из рук страшного беглеца, ограничившись тем, что лишь умеренно потрепал его, то в этом усматривали лишь проявление безграничной слабости или опасного равнодушия к славе и успехам русского оружия, причем такие взгляды высказывались преимущественно людьми, спокойно сидевшими в своих кабинетах, а не на поле сражения под Красным.

Представим себе зиму со всей ее суровостью, подорванные физические и моральные силы всех бойцов, армию, беспрерывно переходящую с одного бивуака на другой, подвергающуюся лишениям.

Кутузов видел, что нелегко будет довести до границы сколько-нибудь значительные силы, но что успех кампании будет во всяком случае колоссальный; с глубокой проницательностью предугадывал он полное уничтожение противника».

Ежедневно Кутузов объезжал бивуаки и однажды после успешных боев появился перед стоянкой Семеновского полка. За ним ехали генералы, и гвардейцы везли трофейные знамена.

— Здравствуйте, молодцы семеновцы! — закричал Кутузов. — Поздравляю вас с новой победою над неприятелем. Вот и гостинцы везу вам! Эй, кирасиры, нагните орлы пониже. Пускай кланяются молодцам. Матвей Иванович Платов доносит мне, что сегодня взял сто пятнадцать пушек и пятнадцать генералов. Вот, братцы, пушки пересчитать можно на месте, да и тут не поверят: в Питере скажут — хвастают.

Он подъехал к палатке командира полка и слез с коня. Кирасиры также сошли с коней, стали в круг, и трофейные знамена образовали шатер над головой Кутузова. Кто-то из офицеров на одном знамени прочел:

— «За победу под Аустерлицем».

— Что там? — спросил Кутузов. — Аустерлиц? Да, правда, — продолжал он, — жарко было и под Аустерлицем. Но умываю руки мои перед всем войском: неповинны они в крови аустерлицкой. Вот хотя бы и теперь, к слову, не далее как вчера я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков за Бородинское сражение дал бриллиантовые кресты и награду. Правда, и в этом я без вины виноват. Но ежели по совести разобрать, то теперь не только старый солдат, а последний ратник

столько заслужил, что осыпь их алмазами, и то они всё еще не будут достаточно награждены.

Полк двинулся мимо Кутузова, и крики «ура» перека-
тывались от батальона к батальону.

— Ура спасителю России! — кричали солдаты.

Кутузов стал на лавку и закричал:

— Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мне эта честь, а слава русскому солдату. — И, бросив вверх шапку, возвысив голос, закричал: — Ура, ура, ура русскому солдату!

Через шесть месяцев после того, как Наполеон появился на берегу Немана и в России бесконечным потоком шли корпуса его полумиллионной армии, он с тысячей солдат из тех, что пошли за ним в глубину России к Москве, покидал другой берег — болотистый берег реки Березины. Остальные, кто уцелел в пути и достиг Березины, остались на ее восточном берегу в руках казаков, потому что Наполеон, перейдя реку, приказал, не заботясь о войсках, сжечь переправу, чтобы русские не могли продолжать преследование. На территории Польши, в Сморгони, он бросил толпу одичавших людей — все, что осталось от его армии — и сказал маршалам, что уезжает в Париж. Маршалы упрекали его, что он покидает их в тяжелую минуту, но император, возразив, что самое трудное позади, а гибель армии не так уж страшна, так как в ее составе было большинство солдат не французской национальности, сел в кибитку и двинулся инкогнито через Варшаву во Францию.

В пути он вынужден был задержаться, ему приходилось браниться на почтовых станциях, где не давали перекладных.

Через шесть месяцев после Дрездена, где Наполеон, окруженный королями и министрами Европы, мечтал о власти над всем миром, он остановил полуразрушенный экипаж у варшавского предместья — Праги — и, надвинув на глаза меховую шапку, пешком пробрался в захудалую варшавскую гостиницу.

В холодном номере с замерзшими стеклами окон, задернутых занавесками, он ждал своего посла в Варшаве аббата Прадта. Неопрятная, заспанная служанка не умела раздуть в камине огонь, комната наполнялась едким дымом. Не было даже вина, чтобы согреться. «От великого до смешного один шаг», говорил когда-то Наполеон, и этого

смешного он боялся больше всего на свете, и первое, что спросил он у Прадта, было:

— Не узнали меня на улицах Варшавы?

Страшась положения, в котором он очутился, он спрашивал у Прадта, что говорят о нем в Европе, как ведут себя Польша и Пруссия. Минутами ему казалось, что еще можно все спасти, он требовал у Прадта дать ему 10 000 польских казаков, и он остановит Кутузова. Прадт ответил, что это невозможно, вновь сформированные польские батальоны немедленно кладут оружие при одном виде русских казаков. Наполеон снова впадал в тяжелое раздумье.

На вопрос Прадта, где великая армия, он ответил:

— Великой армии больше нет.

Но и здесь не хотел Наполеон признать себя побежденным. Он говорил, что всюду побеждал Кутузова, объяснял свои неудачи холодной зимой и утешался тем, что полководец, одержавший великие победы, должен испытать и большие неудачи.

И только через несколько лет, на острове Святой Елены, когда было много времени подумать о минувшем, Наполеон высказал иную причину своего поражения в России. Он изображал это населенное храбрым, крепким народом государство сидящим под полюсом, прислонившись к вечным льдам, которые в случае надобности делают его неприступным.

— Нельзя не содрогаться, — говорил Наполеон, — при мысли о такой громаде, которую невозможно атаковать ни с боков, ни с тыла, тогда как она безнаказанно выступает на вас, наводняя все в случае победы или же отступая в глубь льдов, в недра смерти и печали. Не это ли мифический Антей, с которым нельзя справиться иначе, как схватив его тело и задушив в объятьях? Но где найти Геркулеса? Право претендовать на это принадлежало только нам, и мы попробовали, но, нужно признаться, взялись неловко.

В результате такой попытки гигантская империя Наполеона, охватившая 130 департаментов, выросшая за 20 лет с 24 до 75 миллионов населения, империя, провинциальными городами которой были Гамбург и Кельн, Амстердам и Брюссель, Рим, подчинившая себе почти всю Европу, рушилась на глазах своего повелителя.

История показала, что Наполеон потерпел сокрушительный разгром не только под ударами русской армии,

русского народа, но и потому, что народ Франции отвернулся от императора. Французский народ, народы покоренных Наполеоном стран не хотели войны с Россией и не поддерживали захватнических стремлений Наполеона. Его не спасли ни гениальность, ни громадный опыт, ни подготовленность к захватническим войнам его многочисленной армии, ибо полководец бессилён, он обречён на гибель, когда идет против воли народа.

И наоборот, полководец непобедим, когда он выполняет волю народа и ведет свои войска в сражения во имя народных интересов, во имя защиты родины. Таким полководцем Отечественной войны был Михаил Илларионович Кутузов.

Русская армия расположилась на отдых в Вильно. Точно «какая-то невидимая сила,—писал Кутузов жене,—перенесла меня в тот же дом, в котором я жил два года назад... 22-го августа застал я армию, скрывающуюся от неприятеля, а в декабре неприятель бежит с бедными остатками за границу...»

Всего три месяца потребовалось Кутузову, чтобы сокрушить Наполеона, и теперь, глядя из окон своего дома, как мимо него ведут последние партии пленных, полководец имел право сказать:

— Война окончилась за полным истреблением неприятеля.

Теперь, набравшись храбрости, в армию приехал царь Александр I. Кутузов встретил его с большими почестями, склонил к его ногам десятки трофейных знамен, а царь наградил полководца высшим боевым отличием русской армии — Георгием первой степени.

Оба они оставались непримиримыми врагами.

Царь признавался, что он наградил Кутузова вопреки своей воле. Но это была не первая награда, полученная Кутузовым вопреки воле царя.

Кутузов пришел в русскую армию небогатым, неродовитым, незаметным прапорщиком. Но за бои в Польше, за Кагул, за Ларгу, за поход Браунау — Цнайм получил ордена, награды и чин генерала; за победы над турками на Дунае, за бухарестский мир — графское и княжеское достоинство; чин фельдмаршала — за Бородино; титул «Смоленский» — за преследование и разгром Наполеона. За полвека, проведенные в боях, полководец не нажил состояния, и

из Вильно продолжал посылать семье деньги на уплату долгов. Царь при первой возможности удалял его из армии, ссылая, но обойти боевыми наградами не посмел. Победы Кутузова, которые привели к полному пленению армии великого визиря, к полному истреблению армии Наполеона, прогремели на весь мир, упрочили за Кутузовым любовь русского народа, и царь вынужден был награждать.

Кутузов видел, что царь образовал свою главную квартиру и, отнимая у него управление войсками, поведет их на новое поражение. Кутузов сам повел русские войска в Европу.

Войскам читали приказ главнокомандующего.

«Заслужим благодарность иноземных народов, — писал Кутузов, — и заставим Европу с удивлением восклицать: «Непобедимо воинство русское в боях и подражаемо в великодушии и добродетелях мирных!» Вот благодарная цель, достойная воинов, будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты!»

Действия русской армии под командованием Кутузова в Пруссии — это цепь непрерывных побед и успехов. Ночной атакой был взят Кенигсберг, который оборонял маршал Макдональд. Сдалась без боя Варшава. Окруженная казаками, пала крепость Данциг. Пройдены Познань, Калиш, десятки других польских и немецких крепостей и городов.

Прусский король переметнулся от Наполеона к Александру, и вся прусская армия поступила в командование Кутузова. Шарнгорст явился к Кутузову за распоряжениями, чтобы начать объединенные действия русской и прусской армий. Прославленный прусский генерал Блюхер писал Кутузову: «Король поручил мне корпус и, к искренней моей радости, подчинил меня Вашей светлости. Мне предстоит двоякая честь: сражаться вместе с победоносною российской армиею и состоять в повеленьях полководца, стяжавшего удивленья и признательность народов. Ожидаю Ваших приказаний».

Кутузов с уважением отнесся к Блюхеру, на которого «отечество его возлагает справедливые свои надежды», и вместе с тем Кутузов обратился с «Воззванием к государям германским из русского стана». Это воззвание замечательно по своему анализу положения Пруссии, роли германских государств и германского народа. В нем Кутузов резко и беспощадно писал, что германские государи трусливо предавали интересы своего народа. Законной гордо-

Похороны Кутузова.

стью звучали его слова о том, что: «нашелся на севере народ, не испугавшийся Наполеона, низвергнувший его могущество». Последний раз предупреждал он германских государей, что если они изменят и опять не поддержат помогающую им русскую армию, они будут обречены на новый, еще более страшный разгром и разорение.

Население Пруссии с восторгом встретило русские войска. Народ аплодировал Кутузову, раздавались приветственные крики: «Да здравствует великий старик!» Немецкие девушки бросали русским солдатам цветы.

Кутузов вел русскую армию все дальше и дальше, занял Силезию, овладел Лейпцигом, принял ключи крепости Торн. Это были последние его победы.

В Силезии, недалеко от прусского города Бунцлау, он вышел однажды из кареты и продолжал путь верхом. Стояла сырая, туманная погода. Шел снег. Кутузов простудился и слег.

От русских солдат скрывали его болезнь. С победами шли они вперед и вперед, а старый фельдмаршал впервые оставил в бою своих солдат и, изнуренный болезнью, тяжелыми походами, ранами, прикованный к постели, умирал в маленьком прусском городке.

Тревога охватила его близких. Молча, со слезами на глазах стояли у дверей его комнаты часовые — ветераны его походов. Прусский король прислал знаменитого врача Гуфеланда, но положение больного было безнадежно. С почтительным равнодушием Кутузова посетили придворные. В последние дни его жизни к нему приезжал Александр I. Лицемер и ханжа, травивший его все последнее десятилетие, теперь просил о прощении.

— Я, ваше величество, прощаю, но никогда не простит Россия, — ответил Михаил Илларионович.

28 апреля 1813 года Михаил Илларионович Кутузов умер. Тело его забальзамировали и отправили в Россию, а сердце похоронили недалеко от Бунцлау на маленьком тихом кладбище у большой дороги из Силезии в Саксонию. Боевые друзья великого русского фельдмаршала поставили там скромный памятник, мимо которого из России в Европу продолжали идти победоносные русские полки.

На площади тихого Бунцлау поставили обелиск и на нем написали:

«До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска российские, но здесь смерть

положила предел славным делам его. Он спас отечество свое и открыл пути освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

Тело фельдмаршала Кутузова везли уже по дорогам России. На всем пути в скорбном молчании народ встречал траурную процессию.

Десять месяцев тому назад русские люди так же выходили встречать Кутузова. Тогда он мчался к отступавшей русской армии, чтобы повести солдат в победные бои. Днем и ночью неслась его большая карета по пыльным дорогам, и всюду ждали Кутузова. В порыве любви и доверия к нему народ кричал «ура», матери протягивали к нему своих детей. От него, и только от него ждал и требовал народ победы над Наполеоном. И русский полководец оправдал надежды своего народа. Он освободил Россию от иноземного нашествия и высоко поднял боевую славу русского народа. Жизнь его, прожитая в боях и походах, в походе и оборвалась. Теперь русские люди опускались на колени и склоняли головы перед траурной колесницей, которая везла на родину тело замечательного патриота. Тысячи мужчин и женщин, стариков и детей шли за гробом от села к селу, от города к городу.

В пяти верстах от Петербурга народ остановил колесницу, коней выпрягли, и до Казанского собора люди, сменяя друг друга, на руках несли к могиле тело великого русского полководца.

Народ, ненавидевший царя, помещиков, угнетателей, отдавал последнюю почесть освободителю отечества и навеки сохранил его имя. Ибо имя полководца не умирает, если жизнь свою он до конца отдал родине.

Над могилой Кутузова склонились добытые в сражениях трофейные знамена.

Русская армия с победными боями шла все дальше и дальше в глубь Европы. Она вступила в Германию и взяла Берлин, вступила во Францию и взяла Париж и показала всему миру могучую силу русского оружия.

Архангельское—Москва—Бородино